

Б

46-9

774

Р. Г. МУКМИНОВА

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА
В САМАРКАНДЕ И БУХАРЕ В XVI ВЕКЕ

5-103
314

Книга Р. Г. Мукминовой посвящена исследованию интересной и важной проблемы — социально-экономической жизни городского населения и состоянию ремесла в Самарканде и Бухаре на одном из этапов их многовековой истории.

На основании изучения богатого фактического материала письменных, в основном рукописных, источников автор характеризует различные отрасли ремесла и виды ремесленной продукции — разнообразные ткани, металлические, керамические и другие изделия, одежду, писчую бумагу, а также показывает пути и формы их сбыта. В «Очерках» говорится о социально-экономическом положении ремесленников, подготовке учеников, о деятельности цеховых организаций и условиях труда мелких производителей.

Книга представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

6 $\frac{76-9}{774}$

Р. Г. МУКМИНОВА

Б-709
тнч
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
6 вкл.

Р.Г.МУКМИНОВА

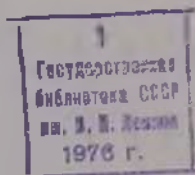
О Ч Е Р К И
ПО ИСТОРИИ
РЕМЕСЛА
В САМАРКАНДЕ
И БУХАРЕ
В XVI ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1976

9 (С 52)
М 90

Ответственный редактор
академик АН УзССР
Я. Г. ГУЛЯМОВ

М $\frac{10604-472}{555(06)-76}$ 178-76

(С) Издательство «Фан» УзССР, 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

История среднеазиатского города привлекала внимание еще дореволюционных исследователей. Однако подлинно научная разработка социально-экономической истории города, где происходило «смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения»¹, стала возможной лишь в советское время, когда Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие перспективы для всестороннего изучения истории нашей страны.

В первые же годы Советской власти в целях развития экономики национальных республик было начато широкое изучение местного ремесленного производства. Задача, однако, была столь сложной, что, несмотря на появление отдельных исследований, проблемы развития средневекового города и ремесленного производства еще долгое время оставались наименее изученными в исторической литературе. В то время, как аграрным отношениям были посвящены десятки монографий, «вопросы периодизации истории городов, социального состава их населения, вопросы специфики их строя, существования цехов, организации торговли, социальных отношений и форм социальной борьбы,— писал в конце 40-х годов И. П. Петрушевский, — остаются неразработанными»². Обращая внимание востоковедов-медиевистов на главные вопросы изучения истории городов Средней Азии, А. Ю. Якубовский отметил необходимость раскрыть «проблемы социально-экономического содержания городской жизни..., иначе говоря жизни людей, вопросов производительных сил и производственных отношений, т. е. классовой структуры, классовых противоречий, идеологии и т. д.»³.

Большую работу в области изучения истории среднеазиатского ремесла выполнили этнографы. При этом в своих трудах они неодно-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 224.

² И. П. Петрушевский. Городская жизнь в государстве Хулагуидов, СВ, V, 1948, стр. 86.

³ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, Труды ТаджФАН, т. XXIX, 1951, стр. 4.

кратно подчеркивали необходимость исследования ремесленного производства с более ранних времен. «Как показывает опыт изучения ремесленных организаций гончаров, — пишет Е. М. Пещерова, — для того, чтобы сделать выводы относительно процесса сложения и развития городских ремесленных организаций Средней Азии вообще, необходимо прежде всего изучить ряд отдельных ремесел и их организацию, начиная с возможно самых ранних этапов их бытования»⁴. Другой этнограф — О. А. Сухарева, во вступительной части книги, в которой на основании изучения этнографических материалов рассматривается ремесленная промышленность Бухары конца XIX — начала XX в., высказалась за необходимость тщательного изучения средневековых письменных источников с целью выявления фактических данных о ремесле. «Специальному исследованию материалы среднеазиатских письменных источников о ремесле пока не подвергались, — писала она, — не решены многие основные вопросы городской жизни вообще, в том числе и ремесел. Не суммированы, в частности, данные о ремесле и ремесленниках, имеющиеся в актовых материалах, в которых встречаются указания на занятие ремеслом упоминаемых в актах лиц, названия кварталов, базаров или иных пунктов города, связанных с ремеслом»⁵.

В настоящей работе автор попытался собрать сведения, содержащиеся в письменных источниках, и путем анализа извлеченных материалов охарактеризовать ремесленное производство в Самарканде и Бухаре на одном из этапов их многовековой истории. Решению вопросов, связанных с историей городского ремесла, и пониманию специфики местного исторического процесса значительную услугу оказали исследования по истории среднеазиатского города феодального периода, основная часть которых опубликована в последние десятилетия⁶.

⁴ Е. М. Пещерова. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX в., XXV Международный конгресс востоковедов, 1960, стр. 1.

⁵ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века, Ремесленная промышленность, Ташкент, 1962, стр. 11.

⁶ Назовем основные работы: В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, («Хлопковое дело», 1924, № 11—12), Соч., т. II, ч. I, М., 1963; Он же. История культурной жизни Туркестана, (Л., 1927), Соч., т. II, ч. I, М., 1963; В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология, Сб. «Оружейная палата», М., 1925; М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарьи). Из материалов, собранных экспедицией, бывшей в Таджикистане летом 1925 г., Ташкент, 1926; Он же. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисоля), «Этнография», кн. IV, 1927, № 2; М. Ф. Гаврилов. Ткацкое искусство узбекской женщины села Милябада, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 1—2; Он же. О ремесленных цехах в Средней Азии и их статусах — рисоля, «Известия Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928; В. К. Балков. Кустарно-ремесленная промышленность Средней Азии, Ташкент, 1927; И. М. Русак. О худо-

Попытка рассмотреть ремесленное производство в двух крупнейших городах Средней Азии — Самарканде и Бухаре XVI в. в значительной степени продиктована наличием сравнительно большого числа первоисточников, извлечения из которых дали возможность рассмотреть общее состояние ремесленного производства и социально-экономическое положение мелких производителей в это столетие.

жественно-кустарной промышленности Средней Азии, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1929, № 6—7; А. М. Мионов. Производство хлопчатобумажной маты и набоек в Средней Азии, «Хлопковое дело», Ташкент, 1930, № 10—11; Он же. Кустарная выработка шелковых изделий в Средней Азии в прошлом и настоящем, «За реконструкцию шелководства», Ташкент, 1931, № 3—4; П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк, М.—Л., 1932; Он же. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., МИУТТ, ч. 1, Л., 1932; Он же. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, Л., 1933; Он же. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939; Он же. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии; А. А. Семенов. Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана, ЛИУ, Ташкент, 1937, № 4—5; Он же. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои, Сб. «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940; Он же. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы, Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946; Он же. Рецепты оформления старинных восточных рукописей, Труды ТаджФАН, т. XXIX, 1951; Он же. О среднеазиатской бумаге (сорта среднеазиатской бумаги, ее производство и способы окраски), ИООН АН ТаджССР, 1963, № 1 (32); О. А. Сухарева. К истории развития самаркандской декоративной вышивки, ЛИУ, Ташкент, 1937, № 6; Она же. Художественные ткани, Сб. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, 1954; Она же. Набойка, Сб. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, 1957; Она же. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографический очерк), Ташкент, 1958; Она же. Позднефеодальный город Бухара...; Она же. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии, Л., 1970; Она же. К вопросу о литье металлов в Средней Азии, СЭ, III, Л., 1971; Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги в Узбекистане, СЭ, III, 1940, № 3; А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи, как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков, ТОВЭ, т. II, Л., 1940; Он же. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв., ТОВЭ, т. IV, Л., 1947; А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV веках, ТОВЭ, т. II, 1940; Он же. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., КСИМК, вып. 6, 1940; Он же. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках, Изв. ТаджФАН ССР, 1949, № 15; А. М. Беленицкий и И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелководства (К идентификации ткани «занданеч»), СА, 1961, № 2; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973; В. А. Шишкин. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент), Ташкент, 1943; И. П. Петрушевский. Из истории Бухары в XIII в., Уч. зап. ЛГУ, № 98, Сер. востоковедческих наук, вып. I, Л., 1949; М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947; Он же. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953; Он же. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои, Труды САГУ вып. LXXXI, Ташкент, 1956; Он же. Столичные

Крупными ремесленными и торговыми центрами Средней Азии этого времени были и другие города: Ташкент, Андижан, Шахрисабз, Ходжент, Ура-Тюбе, Карши, входившие в состав государства Шейбанидов. Даже в таком сравнительно небольшом населенном пункте, как Гиждуван, были не только рынки, предназначавшиеся для торговли

города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965—1966), Ташкент, 1973; Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахр XV в. (Заметки о Ходже-Ахраре), Сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948; Е. М. Пещерова. Из истории цеховых организаций в Средней Азии, КСИЭ, VI, 1949; Она же. Бухарские золотощеи, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVI, 1955; Она же. Гончарное производство в Средней Азии, М.—Л., 1959; Она же. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX—начале XX в., КСИЭ, XXXIII, М., 1960; Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века, Труды САГУ, вып. XIV, Ташкент, 1950; Она же. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана, М., 1965; Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии, ИООН АН ТаджССР, вып. IV, 1953; Он же. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии, Труды АН ТаджССР, т. XXVII, 1954; Н. Т. Ершов. Ремесло таджиков Дарваза, ИООН АН ТаджССР, № 10—11, 1956; Е. А. Давидович. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.). Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии, 29 октября—4 ноября 1956 г., Сталинабад, М.—Л., Она же. Средневековое оконное стекло из Таджикистана, ДАН ТаджССР, 1958, № 7; Она же. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в., ИООН АН ТаджССР, I (24), 1961; Она же. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии (К постановке вопроса), НАА, 1965, № 6; М. А. Абдураимов. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов, Сб. «Из истории развития общественно-экономической мысли Узбекистана в XV—XVI вв.», Ташкент, 1960; М. Ю. Юлдашев. К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве в XVI—XVII веках, ОНУ, 1961, № 4; Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги в XVI в., ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964; Она же. К характеристике самаркандских тканей, ОНУ, 1970, № 9; Она же. Ремесленные корпорации и ученичество (по среднеазиатским письменным источникам XVI и XIX вв.), Сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1973; Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в., Ташкент, 1967; История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969; И. М. Джаббаров. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), СЭС, III, Л., 1971; С. М. Махкамова. Бекасам, Ташкент, 1971; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972; Н. О. Турсунов. Из истории ремесленных цехов Средней Азии, СЭ, 1972, № 1; Он же. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана, Душанбе, 1974; Т. А. Абдуллаев. Художественные металлические изделия Самарканда, Сб. «Из истории искусства великого города», Ташкент, 1972; Он же. XIX—XX асрларда ўзбек кандакорлиги, Ташкент, 1974; Э. В. Сайко. Становление города как производительного центра (Формирование экономической основы — ремесла. Средняя Азия), Душанбе, 1973; Sigrid Westphal-Hellbusch, Ilse Bruns. Metallgefäße aus Buchara, Museum für Völkerkunde, Berlin.

определенным видом товаров, но и специализированные кварталы мастеров (например, керамической посуды), а в Шахрухие — стеклодувные мастерские. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении данные письменных источников позволяют сделать некоторые выводы о состоянии ремесла лишь в Бухаре и Самарканде указанного времени.

В целом даже относительно этих городов источники XVI в. отличаются скудостью сведений о производительной деятельности горожан. Очень часто это лишь косвенные данные или случайные упоминания, включенные в многословные описания разнообразных, в основном политических, событий. Значительно больше материалов заключено в документах. Но и здесь нет данных, в частности для суждения о том, какие изменения произошли в ремесле и различных феодальных институтах XVI в., чем ремесло этого периода отличалось от предыдущего и последующих периодов, чему равнялся дневной заработок среднего ремесленника и многого другого.

Ремесло среднеазиатских городов имеет многовековые традиции, изделия мастеров на протяжении многих десятилетий, а порой и столетий, могли не изменять форму, вид, материал и т. д. Мастера обычно не ставили подпись на своих изделиях, нет на них и даты. Этим можно объяснить слабую представленность в экспозициях музеев предметов, относящихся именно к XVI в. Речь идет не о том, что этих предметов недостаточно, а о том, что не уточнено время и место их изготовления.

Ремесленники находились на учете городских властей; существуют косвенные свидетельства о наличии списков горожан-налогоплательщиков. Однако статистический материал о налогообложении в источниках отсутствует.

Некоторые сведения, касающиеся городских ремесленников и характера производства, единичны и позволяют привлекать их лишь как иллюстративный материал. В силу всего этого «Очерки» охватывают далеко не все вопросы, связанные с проблемами развития ремесла среднеазиатского города указанного периода.

И все же анализ извлечений из первоисточников позволяет перечислить ведущие отрасли ремесла в Самарканде и Бухаре, охарактеризовать отдельные их стороны; отметить характерные черты ремесленных мастерских (бумагоделательных и чугунолитейной), дать картину классовой дифференциации внутри самих ремесленников и подчеркнуть тот контраст, который существовал между трудовым человеком и феодалами, а порой даже наглядно представить конкретный образ униженного ремесленника, задолжавшего купцу-скупщику и, согласно специальному судебному решению, обязанного выполнить все, что он прикажет. Первоисточники позволяют также составить довольно обширный список податных сборов, взимавшихся с ремесленного и тесно связанного с ним торгового населения.

Большое методологическое значение при изучении поставленной проблемы имели для нас труды К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых дается теоретическая разработка проблем ремесла и его роли в истории феодального города. Не менее важно для разрабатываемой темы значение произведений В. И. Ленина, особенно его книги «Развитие капитализма в России», в которой Ленин рассмотрел и вопрос о примитивных формах промышленности, в частности, домашнюю промышленность, а также отметил, что ремесло было необходимой составной частью городского быта.

Среднеазиатские города развивались не изолированно и в этом плане определенный интерес представляют исследования по истории ремесла в России и в сопредельных со Средней Азией странах⁷.

В исследовании не затрагиваются вопросы техники и технологии производства, ибо разрешение этих вопросов, являющихся темой самостоятельного исследования, требует привлечения другого круга источников.

Транслитерация по тексту по техническим условиям не дана и обобщается только в указателе терминов.

Автор выражает глубокую благодарность за ценные замечания и советы при работе над рукописью настоящей монографии своему учителю доктору исторических наук, профессору И. П. Петрушевскому, академику АН УзССР Я. Г. Гулямову, доктору исторических наук О. А. Сухаревой и доктору исторических наук Е. М. Пещеревой. При переписке текстов и составлении указателей помогала М. Ю. Усманова, в составлении указателей принимала участие М. Усанова, которым автор также глубоко признателен.

⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, [М.], 1968; И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов; Он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960; Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье; Сб. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», Материалы обсуждения, М., 1962; Э. П. Стужина. Китайское ремесло в XVI—XVIII вв., М., 1970; Hans E. Wulff. The Traditional crafts of Persia, Cambridge, Massachusetts, and London, 1966.

ИСТОЧНИКИ

Предлагаемые вниманию читателей «Очерки» основаны на анализе материалов, извлеченных из письменных источников, принадлежащих перу историков, литераторов, поэтов, писцов-секретарей, живших в основном на территории Средней Азии, перу тех, кто создал, как отметил В. В. Бартольд, историческую литературу, которая в XVI в. «по качеству и количеству стояла даже выше, чем в прежние века». В этот период продолжались «также работы по созданию переводной и подражательной литературы на турецком (узбекском — Р. М.) языке, в том числе и исторической»¹.

В круг изучавшихся нами источников входят разного вида документы, исторические сочинения, мемуары, дневники путешественников, хроники и другие произведения авторов периода правления Шейбанидов, ценность которых с точки зрения изучаемого вопроса разнозначна.

Несмотря на плодотворную работу востоковедов, издавших целый ряд чрезвычайно интересных среднеазиатских письменных памятников, в том числе и относящихся к рассматриваемому времени, многие из источников XVI в. все еще остаются в виде рукописей. Есть среди них и такие, которые известны лишь в единственном экземпляре, а значение их для истории велико.

Некоторые из использованных письменных источников вводятся в научный оборот впервые.

Язык основных источников — староузбекский и персидско-таджикский.

Документальные источники. Наиболее богат конкретными фактами актовый материал. История государства Шейбанидов в этом отношении выгодно отличается как от соседних стран, например, Ирана средних веков, где, как отметил И. П. Петрушевский, наблюдается недостаток документальных источников², так и от Средней Азии периода правле-

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 269.

² И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 12.

ния Тимуридов и Аштарханидов. В отличие от многих исторических сочинений повествовательного характера, заключающих в себе сведения преимущественно по политической истории, привлеченные нами документы дают материал, помогающий осветить некоторые стороны социально-экономической жизни городского населения, организации ремесленников, положения последних, а также другие моменты хозяйственной истории трудового населения города, имеющие важное значение для разрешения проблем, связанных с ремесленным производством.

Важнейший источник для изучения социально-экономической истории города — рукопись «Маджму'а-йи васайк»³. Она включает свыше семисот решений, составленных в канцелярии самаркандского казия в самом конце XVI в. До настоящего времени эта книга остается неизданной, хотя она известна в единственном экземпляре. Лишь небольшое число документов (меньше одной десятой) из «Маджму'а-йи васайк» было опубликовано в виде книги под названием «Казийские документы XVI века». Издание сопровождается небольшим введением, в котором приводится краткая характеристика документов «нотариального и судебного порядка», данная некогда В. Л. Вяткиным, приобретшим рукопись⁴. В настоящее время даже это издание, страдающее рядом неточностей⁵, является библиографической редкостью.

Хронологически казийские решения охватывают 997—1000 г. х. (1588—1591 гг.), всего четыре года. Сюда включен также документ о создании обеленного имения, датированный 1556 г.

Большая часть казийских документов относится к Самарканду и лишь сравнительно небольшое число их — к Самаркандской области. Однако некоторые выводы, сделанные нами на основании изучения документов, можно отнести и к другому крупному центру ремесла и торговли государства Шейбанидов — Бухаре. Общий консерватизм и традиционализм приемов в ремесленном производстве дают право расширить хронологические рамки и использовать казийские документы для характеристики социально-экономической жизни страны в более ранние десятилетия XVI столетия, равно как и к началу следующего века.

Большая часть документов из «Маджму'а-йи васайк» представляет значительный интерес для исследуемой темы. В актах приводится масса конкретного материала, позволяющего говорить о положении ремесленников, о ремесленных мастерских, торговых лавках, специализированных базарах, о видах ремесел, установить наименования ремесленных кварталов, названных в связи с определением местонахождения

³ Маджму'а-йи васайк, рип. ИВ АН УзССР, № 1386.

⁴ Казийские документы XVI века, Ташкент, 1937.

⁵ См. текст и перевод документов № 24, 34, 35, 58.

рассматриваемого в юридическом решении объекта, и т. д. Из «Маджму'а-йи васайк» мы узнаем о наименованиях изготовлявшихся и реализовавшихся в Самарканде тканей, ткацких изделий, кожи, изделий из металла, порой даже их вес, а в некоторых случаях цену на них. Здесь мы находим подробные сведения об учениках-шагирах, поступление которых на обучение к мастеру сопровождалось заключением соглашения между близкими ученика (в отдельных случаях самим учеником) и мастером и фиксировалось судебным учреждением. Интересны для нас и те места из казийских решений, исследование которых позволяет выяснить правовое положение ремесленного населения города, увидеть картину социального расслоения в среде мелких производителей.

Очень интересны документы, составленные для получения денежной ссуды не только отдельными мастерами, но и группой ремесленников, надо полагать, принадлежавших к одной корпорации. Здесь же имеются соглашения, заключенные при получении денежной ссуды, между отдельными ремесленниками и торгово-ростовщическими элементами города, а также решения о закладе мастерских и аренде их непосредственными производителями.

Все это выгодно отличает данную книгу от других письменных источников рассматриваемого времени. Однако при работе над рукописью нужно иметь в виду, что казии старались затушевать тяжелое правовое и экономическое положение трудового населения. Поэтому казийские решения, как и все другие источники периода феодализма, требуют критического подхода к материалам, заключенным в них.

Другой важнейший документальный источник — собрание ярлыков (нишанов), приведенное в «Мактубат ва аснад»⁶. Здесь представлены копии официальных документов и частных писем, а также образцов-трафаретов для их составления⁷. В. В. Бартольд, который в 1902 г. доставил рукопись в Азиатский Музей, назвал ее «Маншурат»⁸; П. П. Иванов определил упомянутый сборник разных документов как «Инша»⁹; в каталоге персидских и таджикских рукописей Ленинградского Отделения Института Востоковедения АН СССР (где хранится рукопись) она причислена к группе, условно поименованной «Письма. Акты» — «Мактубат ва аснад» (مکتوبات و اسناد). Мы придерживаемся последнего наименования.

Кроме В. В. Бартольда и П. П. Иванова «Мактубат ва аснад» привлёк внимание А. М. Беленицкого, который подробно рассмотрел два

⁶ Мактубат ва аснад, ркл. ЛО ИВ АН СССР, № А-210.

⁷ Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР (Краткий алфавитный каталог), ч. I, М., 1964, № 4246.

⁸ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВОРАО, т. XV, стр. 219.

⁹ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.

указа, выданные старшине цеха мастеров палаток и начальнику оружейной палаты¹⁰.

В собрании нишанов представлено большое число копий документов и формуляров, исходивших, как правило, от феодального правителя и охватывающих разные стороны хозяйственного и социального строя Мавераннахра и Хорасана XV—XVI вв. Те нишаны, которые имеют отношение к настоящему исследованию, широко использованы в работе, часть из них впервые вводится в научный оборот. Изучение нишанов и маншуров показывает, что они были скопированы для использования в качестве образцов, поэтому упоминание конкретных деталей (имени — кому предназначался документ и кем он был издан, а также даты и места составления) не имело практического значения и обычно опускалось.

Рукопись «Мактубат ва аснад» не имеет начала и конца. На первых сохранившихся листах упоминается имя Алишера Навои, который называется «опорой государства». Поэт обращается к государю с просьбой вернуть из Мекки некоего Хафиза Гиясиддина Мухаммеда и получает на то разрешение повелителя, которым, как видно из содержания, является Султан Хусейн Байкара (1469—1507 гг.). К правлению этого Тимурида относятся и те указы, в которых упоминаются имена Баднуззамана, Мухаммед Мумина, Низамульмулька, как и названия отдельных городов Хорасана. Имя Мир Алишера встречается и на других страницах сборника, а также в конце рукописи¹¹.

Некоторые нишаны подобраны по тематике. В одном месте помещены указы о назначении на должность казия, в других — решения о мухтасибх, начальниках ночных сторожей (падишах-и миршаб, миршаб) уборщиках (сторожах при гробницах) (фарраш) и т. д. Однако такой подбор сделан относительно очень небольшого числа документов. Указы о назначении на те же должности разбросаны и в других местах рукописи. Имеются также нишаны о назначении начальника строителей, начальника музыкантов, а также разных чиновников в Ташкенте, Ура-Тюбе и Андижане.

Включение в собрание копий документов производилось без соблюдения хронологических рамок. Пример тому — упомянутые выше копии писем и документов, связанных с именем Алишера Навои.

Один из нишанов был издан с целью предоставления «сыну Абдулазиз Баходур-хану» на правах дарбаста города Мешхед, «где располагается могила имама Ризы»¹². Отсюда можно заключить, что данный указ был оглашен от имени Шейбанида Убайдулла-хана (1533—

¹⁰ А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.

¹¹ Мактубат ва аснад. л. 18а, 22а, 23б, 24б, 208б.

¹² Там же, л. 85а—85б.

1539гг.), при котором был временно завоеван Мешхед, и сын которого Абдулазиз-хан, наследовал ему.

В серии рассматриваемых указов есть нишан, где говорится о назначении даругой Бухарского тумана Комот Мухаммеда Яр Султана, в других копиях документов приводятся данные о должностных лицах, находившихся в Кеше, Джизаке, как и иные сведения, позволяющие уточнить место и время их составления. Таким образом, работа над каждым указом требует детального изучения с тем, чтобы попытаться определить место и время их издания, отождествить тех, имена которых изредка встречаются в копиях, с конкретными лицами.

Однако среди указов есть и такие, которые не имеют данных, позволяющих установить время и место их издания. К таким, например, относится чрезвычайно ценный по содержанию указ, выданный на имя старшины цеха ткачей.

В целом серия рассматриваемых копий указов и писем составлена в период, начиная от времени султана Шахруха и кончая последними Шейбанидами, т. е. в XV—XVI вв. Территориально они охватывают земли, подвластные Тимуридам и Шейбанидам. Если даже предположить, что некоторые из них относятся не к среднеазиатским, а хорасанским городам, то и тогда они вполне могут быть использованы для характеристики социальной и экономической истории среднеазиатских центров ремесла и торговли, поскольку Хорасан и Средняя Азия до конца XV в. были тесно связаны между собой в экономическом и политическом отношениях. Часть же нишанов из собрания «Мактубат ва аснад», безусловно, относится к территории государства Шейбанидов.

Особенно большой интерес представляют сведения из «Мактубат ва аснад» об обязанностях мастеров придерживаться установленных норм и о контроле государства над ремесленным производством, например, о фиксировании специальным лицом привозимой в столицу шелковой пряжи, о необходимости взвешивать ее и вносить за право реализации определенную плату. Мы узнаем, что специальное лицо следило за рыночными ценами, а анализ указов о предоставлении льгот особым лицам из привилегированных купцов позволяет составить перечень пошлин, взимавшихся с рядовых торговцев.

В сборник включены и другие фактические данные, не имеющие прямого отношения к рассматриваемым проблемам, но представляющие определенный интерес, например, сведения о назначении главного палача.

Рукопись «Мактубат ва аснад» — ценный памятник. Масса сведений из этого сборника, как правило, отсутствующих в других источниках, раскрывает перед нами политическое и экономическое положение торгово-ремесленного населения города, помогает выявить терминологию

гию налоговых сборов с ремесла и торговли, роль и обязанности старшины ремесленных корпораций.

Большинство нишанов написано на таджикском языке, и лишь небольшая их часть составлена на староузбекском. Примечательно, что в одном из указов предписывается не прикладывать печать на распоряжения, переведенные с фарси (персидского) на узбекский язык.

Отдельные места рукописи читаются крайне трудно, особенно слова в конце строк, написанные без обозначения диакритических знаков — точек и ташдидов. Это обстоятельство, как и обилие в текстах словесных украшений, доставляет значительные трудности исследователю.

«Мактубат ва аснад» известен в единственном экземпляре, поэтому восстановить отсутствующие листы (в начале и в конце книги) и сопоставить утраченные места текста, к сожалению, пока не с чем.

Важные сведения о ремесленных корпорациях заключены в нескольких документах, внесенных в книгу Зайниддина Васифи «Бадаи'ал-вакаи'». Общность содержания сближает их с нишанами и маншурами из сборника «Мактубат ва аснад». Грамота (*نشان*) на пожалование должности главного портного удела Шахрухия мастеру Хусейну Портному, а также грамота (*منشور*) Науруз Ахмед-хана о пожаловании

доходов с рудников и земель йабис в Ташкентском вилаете¹³, включенные в мемуары Васифи, помогают установить, что власть главы корпорации ремесленников распространялась на мастеров не только города, но и области, а также отметить, что полезные ископаемые в государстве Шейбанидов, как и другие виды недвижимостей, находились в распоряжении феодальных властей и землевладельческой знати.

В двух содержательных исследованиях, посвященных производству Зайниддина Васифи, А. Н. Болдырев приводит текст указанных грамот и отмечает общность языка и структуры их, а также то, что основные элементы построения подобных документов в Хорасане конца XV в. и в Мавераннахре первой четверти XVI в. «были одинаковы для феодальных кругов как Герата, так и Средней Азии»¹⁴. Анализ рассмотренных нами указов из серии включенных в сборник «Мактубат ва аснад» подтверждает верность вывода А. Н. Болдырева и позволяет распространить его на серию нишанов и маншуров из этого сборника.

В мемуарах Васифи приводятся также тексты писем. В одном из них, адресованном некоему Ходже Миран, говорится о разделении производственного процесса между мастерами-медниками, изготавливав-

¹³ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи'ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, М., 1961, т. I, стр. 695—697; т. II, стр. 1332.

¹⁴ А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества., стр. 415; Он же. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи., стр. 268.

шими и отделявавшими посуду. Право ограничения сферы деятельности указанных специалистов-медников, как видно из текста письма, зависело от упомянутого Ходжи Мирама¹⁵.

Большой и интересный материал о ремесле и торговле в Бухаре XVI в. заключен в сборнике документов джуйбарских шейхов. В отличие от рассмотренных выше актов они изданы полностью. Тексты документов напечатаны в 1938 г. под названием «Из архива шейхов Джуйбари»¹⁶, переводы опубликованы позже в книге П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов». Публикация сопровождается ценной исследовательской частью¹⁷, в которой П. П. Иванов, анализируя документы, отметил, «что сам по себе факт сочетания в руках одного и того же лица значительной земельной собственности и торговых предприятий представляет значительный интерес с точки зрения изучения взаимоотношений между крупным феодальным землевладением и торгово-ростовщической верхушкой города, объединившимися в данной исторической обстановке. Как показывают документы, нередко в одном и том же лице мы видим местного феодала и в то же время участника крупной торговли или ростовщика»¹⁸.

Следует оговорить, что кроме документов, вошедших в указанный сборник, в настоящее время известны и другие акты, связанные с захватнической деятельностью джуйбарских шейхов. Среди них купчие на недвижимость, приобретенную названными шейхами¹⁹, копия жалованной грамоты, освобождающая от обложения земли, принадлежавшие шейхам, и другие²⁰.

Большая часть документов архива шейхов Джуйбари, хронологически охватывающих период 1544—1578 гг., является актами, составленными в связи с покупкой джуйбарскими ходжами земель, торговых лавок, ремесленных мастерских, мельниц, маслобоен и другого вида имущества. В связи с этим, наряду с большим количеством данных, характеризующих землевладение джуйбарских шейхов, в хозяйственных документах имеется интересный фактический материал о торгово-ремесленных заведениях Бухары рассматриваемого периода.

¹⁵ Зайн ад-дин Вaсифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 108.

¹⁶ Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., М.—Л., 1938.

¹⁷ См.: Р. Г. Мукминова. [рец. на] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., ВИ, 1954, № 11; Е. А. Давидович. [рец. на] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., СЭ, 1955, № 3.

¹⁸ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 42.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. I, д. 1706, л. 3.

²⁰ Мактубат ва аснад, л. 183а.

При описании границ объектов купли-продажи в документах упоминаются лавки и мастерские ремесленников, места их расположения, а также владельцы жилых домов в Бухаре, часть которых, судя по определению, добавленному к собственным именам, являлась мастерами, специализировавшимися на выделке тех или иных изделий. Это помогает выявить названия рынков и кварталов, в том числе и специализированных, располагавшихся на территории Бухары. Ценность хозяйственных документов из архива шейхов Джуйбари заключается особенно в том, что они освещают ремесло и торговлю Бухары, в то время как значительное число уже рассмотренных выше источников относится к Самарканду. Материалы архива дополняют и подтверждают данные из других документальных источников в той части, где идет речь о социальном расслоении в ремесленной среде.

Архив джуйбарских шейхов достаточно хорошо известен исследователям истории средневековой Средней Азии, в первую очередь благодаря работам П. П. Иванова. Использовались они и другими специалистами, особенно Е. А. Давидович, поэтому мы ограничиваемся лишь кратким анализом этих документов.

Для разработки истории развития городского ремесла указанного периода привлекались также вакфные грамоты, в том числе грамоты в пользу двух самаркандских медресе, строительство которых было последовательно осуществлено в начале XVI столетия Мухаммедом Шейбани-ханом, его старшим сыном Мухаммедом Тимур Султаном, и женой последнего Михр-Султан-ханум, от имени которой и была составлена дарственная грамота²¹. В связи с передачей в вакф движимого и недвижимого имущества, в состав которых входят торговые лавки, ремесленные мастерские, базарные ряды, бани, склады, мельницы, селения, множество земельных участков и другие объекты с подробным описанием их границ, в данную вакфную грамоту включен значительный материал, анализ которого позволяет судить о состоянии ремесленного производства и внутригородской торговли в столице первых Шейбанидов. Здесь мы находим названия специализированных базаров, производственных помещений, улиц, терминологию для обозначения рынков («базар», «сук», «тим», «тимча») и многое другое.

В грамоте упоминается 82 различных дукана (мастерские и торговые лавки), в числе которых гончарные, свечные, ковочные, токарные, бакалейные и мясные, а также красильни, прачечные, маслобойни и много иных. Здесь имеется свидетельство о размерах некоторых из самаркандских дуканов.

²¹ Вакф-наме-и хазрати Шейбани-хан, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-670. Подробнее см.: Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме», Ташкент, 1966, стр. 9—25.

Анализ материалов о домовладельцах, упоминающихся в грамоте, позволяет говорить о специализации той части городского населения, которая проживала рядом с базарами, а данные о бумагоделательных мастерских, о доставке бумаги из вакфных мастерских на самаркандские рынки, в то время как нужды самого вакфного учреждения удовлетворялись путем приобретения бумаги с базара, позволяют судить как об уровне бумажного производства, так и о степени товарности в данной отрасли ремесла.

В той части вакфной грамоты, где речь идет об условиях пользования вакфным хозяйством и распределении доходов вакфного учреждения, имеются некоторые подробности, позволяющие выявить разные категории ремесленников. Определенный интерес представляет упоминание о чугунных котлах, разных сортах вин, названиях местных блюд, покупке мыла и др.

В 1974 г. опубликованы критический текст и перевод самаркандских документов XV—XVI вв. о владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане²². Во введении и примечаниях к тексту документов на анализе материалов, извлеченных из публикуемых актов, и сопоставлении их с показаниями других письменных источников, издатель О. Д. Чехович раскрывает содержание отдельных терминов, географических и историко-топографических названий, уточняет биографические данные. Особый интерес для нас представляют те из актов, в которых содержится терминология, использованная для обозначения профессий мастеров, и редко встречающиеся названия специализированных базаров в Самарканде (медников, серповщиков).

В вакфном документе 1489 г. упоминаются орудия земледельческого труда (кетмень, лопата), а также котлы, в том числе чугунный котел для литья свеч, кувшины, блюда и миски, что значительно расширяет список бытовавших в среднеазиатских городах ремесленных изделий. В том же документе называются земли Чуйанчийан (чугунщиков), что представляет большой интерес для истории чугунолитейного дела в Средней Азии.

Изучение актов показывает, что многие земельные участки были приобретены Ходжа Ахраром у мелких землевладельцев и ремесленников, что способствовало переходу последних в число зависимых от него людей.

Значительный интерес представляет также указ Абдуллатиф-хана от 1543 г., где приводятся названия палатов, от которых освобождался потомок Ходжи Ахрара, и которые, надо полагать, обязано было платить рядовое население Самаркандского вилаята.

²² Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане), Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания, указатели О. Д. Чехович, М., 1974.

Некоторый интерес для нас представляет неопубликованная вакфная грамота, составленная от имени Хусейна Хорезми. Единственная известная рукопись этой грамоты хранится в Центральном Государственном архиве УзССР²³. Здесь, кроме наименования торговых лавок, ремесленных мастерских и других производственных помещений в Самарканде и его округе, упоминаются также предметы домашнего обихода. Надо полагать, изготовленные руками местных мастеров. Небезынтересно отметить применение в быту горожан таких предметов, как ложка (кошик — قاشق) и солонка — небольшой глиняный горшочек с одной ручкой для соляного раствора (намакдон — نمکدان), а также упоминание деталей одежды.

В рассматриваемом источнике имеются сведения о карбасном зар'е — «зар'и карбас города Самарканда», который, как явствует из контекста, использовался для измерения не только карбаса, но и других тканей, например тафты (بگ دستار ناخته بلع فرعی بزرع کرناش) (بلده سمرقند).

Мера длины зар' (زرع) — «локоть», встречающаяся в другой вакфной грамоте, составленной во второй половине XV в. в Самарканде, использована для определения размеров (длины и ширины) ковров. В. Л. Вяткин приравнивает зар' к аршину (71,12 см)²⁴. В. Хинц приводит в своей работе различные виды зар', и в числе их «зира' ал-кирбас» — «египетский локоть для измерения белого холста», равный 54,04 см²⁵.

«Зар'-и карбас города Самарканда» из вакфной грамоты Хусейна Хорезми, по-видимому, является разновидностью зар'. Его размер пока не установлен. В том же документе Хусейна Хорезми дается определение размера большого самаркандского маинна²⁶. Подобные материалы по метрологии средневековой Средней Азии повышают ценность вакфной грамоты Хусейна Хорезми.

Сведения названных вакфных грамот позволяют заключить, что экономическая и политическая мощь представителей династии Шейбанидов, их приближенных и вообще духовных и светских феодалов базировалась не только на землевладении и скотоводстве, но и на эксплуатации предприятий торгово-ремесленного характера: мастерских, торговых лавок, красильен, мельниц, маслобоек, базаров и т. п.

²³ Вакфная грамота Хусейна Хорезми, ЦГА УзССР, ф. И-323, д. 1412.

²⁴ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, Сб. «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, рис. 37, текст, стр. 125, перевод.

²⁵ В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Е. А. Давидович. Материалы по метрологии Средней Азии, М., 1970, стр. 64, 68, 80.

²⁶ Подробнее см.: Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 34.

Значительный материал бытового характера заключен еще в одном вакфном документе — дарственной грамоте в пользу мавзолея Ишрат-хана, составленной в 868 г. х. (1463/64 гг.), — факсимильное издание которого, перевод текста и историческое исследование были выполнены В. Л. Вяткиным²⁷. Здесь имеется масса данных о разных видах тканей и ковров, с указанием их расцветок и размеров, о медной и бронзовой посуде, разных светильниках, медном мангале с железными ножками. Предметы, передаваемые в вакф, подлежали подробному описанию во избежание их замены и поэтому из данной грамоты можно узнать о разных видах вышивок, каждая из которых имела свое название, о расцветках скатертей и других предметах, выполненных руками народных мастеров, но украшавших аристократические дома.

Определенный интерес представляют также письма и грамоты среднеазиатских послов, которые в конце XVI—XVII в. были выданы бухарскими и ургенческими (хивинскими) государями на право свободного вывоза и освобождения от пошлин товаров и «поминков», посылаемых русскому царю в Москву²⁸, откуда снаряжались ответные посольства с соответствующими подношениями. Послы имели и свои товары, которыми вели бойкую торговлю, успешно используя свое привилегированное положение. Ассортимент ремесленных изделий, входивших в поминки, как и товары послов, обычно заносился в грамоты с точным указанием их количества, а иногда и стоимости. Отсюда мы узнаем, что хлопчатобумажные и шелковые ткани и изделия из них были обычными товарами, отправляемыми в Московское государство. В посольских грамотах, письмах, приказах, челобитных, проезжих и другого рода грамотах почти с исчерпывающей полнотой представлены названия товаров, вывозимых из среднеазиатских ханств, что позволяет определить экспортную продукцию ремесла как и перечень предметов, ввозившихся в Среднюю Азию из Московского государства. В списке последних не только товары, удовлетворяющие запросы хана, его семьи, двора и аристократической верхушки, но и материал для изготовления ремесленных изделий.

Дополнительным документальным материалом для нашей работы служили отдельные сведения, племущиеся в ярлыках, выданных местными правителями на имя карасканских сеидов Андижанской области²⁹. Так, в документе, выданном в 1008 г. х. (1599/1600 гг.) в числе других податей и повинностей упоминаются сборы с хлопка «гуза-пули», а в другом ярлыке из той же серии — сборы «пилла» (коконы), как

²⁷ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана.

²⁸ Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв., МИУТТ, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., 1932.

²⁹ Сборник ярлыков, ркл. ИВ АН УзССР, № 1644.

можно заключить из содержания документа, взимавшиеся с хозяйств, где разводились шелковичные черви. Подобные факты помогают уточнить районы возделывания хлопка и разведения шелковичных червей в отдельных местностях Андижанской области. В сочетании с данными других источников они позволяют говорить о наличии в этот период, как и в прежние века, местной сырьевой базы для развития ткацкого — хлопчатобумажного и шелкового, производства.

Все ярлыки из указанного сборника переведены на узбекский язык³⁰; часть их опубликована в факсимильном воспроизведении³¹.

К сказанному можно добавить, что наименования податных сборов, взимавшихся с «подданных прославленного города Бухары», имеются также в фирмане (1541 г.) Абдулазиз-хана, выбитом на плите портала Большой соборной мечети Бухары³².

К числу использованных источников можно причислить и другие документы. На них мы будем ссылаться в процессе изложения.

Исторические и литературные произведения. В круг привлеченных нами сочинений авторов конца XV—XVI в. входят разнообразные виды памятников — исторические сочинения, мемуары, стихотворные хроники и поэмы, дневники путешественников. Многие из них опубликованы, некоторые переведены на русский и европейские языки, часть — все еще доступна лишь в рукописях.

Среди письменных источников особый интерес для исследователей представляет «Бабур-наме» («Записки Бабура») — один из замечательнейших памятников истории и литературы на узбекском языке. Богатый разнообразным материалом, он привлек внимание многих историков и лингвистов, несколько раз публиковался в оригинале, наиболее ценным из которых пока остается факсимильное издание, выполненное Аннетой Беверидж в 1905 г.³³

Положительным явлением в области востоковедческой науки было издание текста «Бабур-наме» на основе русской графики и публикация полного перевода «Записок» на русский язык³⁴.

Произведение Захириддина Бабура слишком хорошо известно, чтобы останавливаться на нем более подробно, отметим только несколько

³⁰ А. Жувоимардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир, Тошкент, 1965.

³¹ Р. Н. Набиев. Источники по истории крепостного права в Средней Азии. Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964; см. также: А. Жувоимардиев. Цит. работа. Дальше при ссылке на издаваемые документы: Хужжатлар.

³² В. А. Шишкин. Фирман 1541 г. на портале Большой соборной мечети Бухары, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964.

³³ The Babar-nama, Gibb Memorial, series, I, ed A. S. Beveridge, London, 1905.

³⁴ Захириддин Мухаммад Бобир. Бобиринома, I—II-кисм, Тошкент, 1948—1949; Захириддин Мухаммад Бобир. Бобиринома, Тошкент, 1960; Бабур-наме. Записки Бабура, Ташкент, 1958.

моментов, представляющих особый интерес в связи с разрабатываемой темой³⁵.

Раскрывая события, связанные со своей жизнью и обширной многообразной деятельностью, вдумчивый и наблюдательный султан Бабур обращает внимание на отличительные черты быта жителей той или иной местности, например, замечает особенности производившихся здесь ремесленных изделий (характеризует самаркандские бумагу и бархат, ценные сорта дерева и т. д.), говорит об отличительных чертах местных базаров, о костюмах окружавших его людей.

«Записки» в основном посвящены описанию военных походов и многочисленных битв, в которых участвовал сам автор. В процессе их изложения Бабур приводит обильный материал о литье пушек, о наименованиях доспехов, предметах вооружения и конского убранства.

Человек широких взглядов, Бабур однако остается типичным представителем своего класса. В «Бабур-наме» имеются сообщения о взимании обременительных налогов с податного населения покоренных городов и областей, не отличавшихся от открытого грабежа, о тяжелой воинской повинности, о торговых пошлинах, в сборах которых принимал участие и сам Бабур. Автор свысока смотрит на низы городского населения — активного участника городской жизни и обороны при вражеских нападениях. В его книге нашли отражение голод и смерть беднейших людей Самарканда при осаде города, казнь одного из ремесленников, участника обороны Самарканда, ткача Девана Джамабафа.

Другой ценный письменный источник на узбекском языке — стихотворное произведение «Шейбани-наме», принадлежащее перу Мухаммеда Салиха³⁶. Он был, как отметил Зайниддин Васифи, «эмиром эмиров и царем поэтов окружения Шейбани»³⁷. В его сочинении мы находим некоторые данные о проявлении недовольства среди беднейшей части городского населения, которое было направлено против местных и пришлых феодальных правителей. Все тирапы в освещении Мухаммеда Салиха — представители тимуридского лагеря, политические противники хана Шейбани. Здесь мы находим также ценные материалы о восстании в Каракуле 1501 г., о его предводителе — выходеце из народа³⁸.

³⁵ Много труда в изучение литературного наследия Захириддина Бабура и его популяризацию вложено доктором исторических наук С. А. Азимджановой.

³⁶ См.: Мухаммед Салих. Шейбани-наме, посмертное изд. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908; H. Vambergy. Mohammed Salih. Die Scheibaniade, Wien, 1885; Мухаммад Салих. Шайбанийнома, Тошкент, 1961. Мы пользовались «Шейбани-наме», подготовленным к изд. П. М. Мелиоранским.

³⁷ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 134.

³⁸ Р. Г. Мукминова. Народные движения в Узбекистане в 1499—1501 гг., Изв. АН УзССР, 1950, № 1.

Привилегированное положение писателя сквозит в его поэме. Мухаммед Салих пытается оправдать завоевания узбекского хана, причисляя покоренные народы к «неверным».

Картины безнаказанных притеснений и грабежей, однако, дают исследователю подробный перечень присвоенных богатств: тканей, металлической, фарфоровой (چینی و افقوری) и стеклянной (شیشه) посуды, доспехов воинов и много другого. Пытливым взором окидывает Мухаммед Салих костюмы кочевников, не забывает упомянуть и о предметах домашнего обихода. Данные «Шейбани-наме» расширяют список ассортимента и других ремесленных изделий, изготовлявшихся местными и, частично, иноземными мастерами.

Определенный интерес с точки зрения разрабатываемого вопроса представляют произведения Алишера Навои. Много ценного в его поэме «Стена Искандера». Прозаическое произведение «Махбуб ал-кулуб» («Возлюбленный сердец») написано шестидесятилетним Алишером Навои³⁹. Умудренный жизненным опытом поэт изложил итог своих наблюдений за жизнью купцов, ремесленников, торговцев и покупателей.

«Бадаи' ал-вакаи'» Зайниддина Васифи написано в конце тридцатых годов XVI в.⁴⁰ Автор в течение двадцати лет пребывал при дворах нескольких представителей династии Шейбанидов, правивших в те годы различными уделами в Средней Азии. Васифи дал интересную характеристику «типичных представителей среднеазиатских городских кругов» и тем самым, по мысли А. Н. Болдырева, прочно установил весьма существенную роль горожан и в том числе ремесленников в развитии культурной жизни Средней Азии и Хорасана, роль города вообще.

Сочинение Васифи богато интересными замечаниями о мастеровых людях Самарканда и Герата, бытовых подробностях городской жизни, об изделиях, вырабатывавшихся здесь, цене на металлы (медь и олово). Только в мемуарах Васифи дается подробная картина участия ремесленников в общественной жизни города; здесь приводятся также письма и грамоты, написанные автором по просьбе ремесленников и старшин ремесленных цехов.

Глубокое и всестороннее описание мемуаров Зайниддина Васифи дано в исследованиях А. Н. Болдырева⁴¹.

³⁹ Алишер Навои. Стена Искандара, Соч., т. VII, Ташкент, 1968; Он же. Махбуб ал-кулуб. Возлюбленный сердец, Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948.

⁴⁰ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I—II; Зайн ад-дин Махмуд Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I—II, Изд. 2-е, Тегеран, 1972.

⁴¹ А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи...; Он же. Очерки из жизни гератского общества...; Он же. Навои в рассказах современников. Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946; Он же. Зайнадин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии), Сталинабад, 1957.

В качестве источника по истории торговли и ремесла нами привлечен также труд Хафиза Таныша «Абдулла-наме»⁴². Это интереснейшее сочинение по истории Средней Азии неопубликовано в оригинале, а переведено лишь частично⁴³. Наряду с описанием политических событий автор рассказывает и о быте бухарцев. Ценность источника хорошо известна, отметим только, что изложение Хафиза Таныша отличается точностью и обилием фактического материала. О ряде событий автор говорит как очевидец.

Хафиз Таныш сообщает о сборах с торговли и ремесла, о строительных работах в Бухаре и Самарканде. В книге используются термины для обозначения разных форм бокалов, ваз и других сосудов — местных и иноземных, деталей одежды, изысканных блюд (разных видов плова) и напитков. Сопоставление подобных данных с показаниями других источников позволяет уточнить список местных и импортных товаров, расширить сведения о торговой деятельности городов.

Отдельные факты, вкрапленные в сочинение Хафиза Таныша, позволяют выявить исключительно тяжелое положение податного населения. Однако в освещении подобных явлений у автора нет объективности. Притеснителями народа в его изложении, как правило, являются те правители, которые стояли в оппозиции Абдулла-хану.

При описании многолетних походов Абдулла-хана II, Хафиз Таныш упоминает о предметах вооружения, а порой и о материале, из которого они были изготовлены, и их форме. Особый интерес представляют замечания о ружьях и артиллерийских огнестрельных орудиях, особенно сведения о литье пушек.

Значительный интерес вызывают сообщения Хафиза Таныша о политических и экономических связях Средней Азии с Россией, в частности о возвращении в Бухару посольства, отправленного Абдулла-ханом в Московское государство. Караван верблюдов в числе других товаров вез панцири (چوشنهای فرنگی), названные Хафизом Танышем европейскими, и ловчих птиц.

Материал по нашей теме содержится еще в одном интереснейшем источнике по истории Средней Азии XVI в. — сочинении Фазлаллаха ибн Рузбихана «Михман-наме-йи Бухара»⁴⁴, написанном в 914 г. х. (1508/1509 гг.). Исследование произведения, факсимиле рукописи и пе-

⁴² Хафиз Таныш. Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207.

⁴³ Хофиз Таныш ибн Мир Мухаммад Бухорий. Абдуллонома (Ша-рафномаи шохий), I ж., Тошкент, 1966; II ж., 1969.

⁴⁴ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 1414; имеется стамбульская рукопись, издатель Манучехр Сотуде, Тегеран, 1963.

ревод с персидского, выполненные Р. П. Джалиловой, готовятся к изданию.

Перу Бадриддина Кашмири ибн Абдуссалам ал-Хусейни принадлежит сочинение «Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» («Райский сад и роца пажей»), оконченное в 998 г. х. (1589—1590)⁴⁵. Здесь собраны копии ярлыков, писем и другого вида записей Абдулла-хана II, Ходжа Ислама, Ходжа Са'да и других феодалов и правителей областей. Сочинение включает материалы о специализированных базарах и гузарах в Бухаре (Кафшфурушан, Касагаран, Гокушан), о торговой деятельности джуйбарских шейхов, о массовой мобилизации населения на строительство зданий и проведение оросительных каналов, об участии в этих работах рабов, о налоговых сборах и поставке населением сотен верблюдов с зерном для войск Абдулла-хана II. Из сообщений Бадриддина Кашмири мы узнаем о гибели в результате голода, чрезвычайно холодных зим и эпидемий беднейшей части населения Бухары и других городов, об умелом использовании тяжелого экономического положения в стране джуйбарскими шейхами для усиления своего влияния на народ. В книге говорится о строительстве караван-сарая в Бухаре, где из разных стран собирались торговцы и купцы, ведущие оптовую торговлю. При перечислении подарков, подносившихся Абдулла-хану II и джуйбарским шейхам, автор упоминает разного вида изделия, доставлявшиеся из других государств, например, из Индии парча (پارچه)

(возможно, камхаб), мандиль, фута; из Хорасана бархат, атлас, стрелы; из Мекки молитвенные коврики, полотенца (платки?), зубочистки; из Кашмира кашмирские шали, особые ткани, лекарственные травы.

Ходжа Са'д вел обширную переписку с областными правителями, в некоторых из этих писем заметно стремление отдельных лиц оградить страну от беспрерывных феодальных усобиц, разорительных и для части господствующих слоев общества.

«Хабиб ас-сийар» известного историка Гиясиддина Хондемира дает дополнительные сведения по социально-экономической истории Средней Азии начала XVI в. Хондемир, в частности, сообщает об обязанностях простого народа и ремесленников (عامه رعایا و محترمان) Герата после захвата его узбекским ханом в 1507 г. внести в казну хана контрибуцию в сумме «сто тысяч одномискальных тапгача, каждая из которых в то время шла за шесть кебекских динаров».

Дневники двух иностранцев — испанца Рюи Гонзалеса де Клавихо и англичанина Антония Дженкинсона⁴⁶, лично наблюдавших жизнь в

⁴⁵ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, ркп. ИВ АН УССР, № 2094.

⁴⁶ Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1405—1406 гг., СПб., 1881; Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг., Сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1932.

Бухаре и Самарканде, не раз привлекались историками. Один из них посетил двор Тимура и оставил интересные описания производительной деятельности самаркандцев, другой в конце 1558 г. побывал в Бухаре. Иноземцы заметили много того, что казалось общезвестным и не нуждающимся в фиксации местными историками. По мере надобности мы привлекаем переводные тексты двух путешественников.

Все исторические и литературные произведения безусловно требуют критического подхода, тем более, что каждый из авторов был человеком из зажиточных слоев горожан, был близок к хану, к феодальным кругам и зависел от них. Отдельные же писатели были из царского рода.

Отличительная черта большинства повествовательных источников в том, что они написаны в целях прославления царских особ и феодальных правителей, а жизнь и борьба трудового населения, в частности, рядовых ремесленников, отражены лишь в связи с описанием других событий. Некоторое исключение в этом отношении представляют произведения Зайниддина Васифи и Алишера Навои.

В изложении рассмотренных авторов нет объективности. Общее тяжелое положение народных масс здесь прослеживается лишь по замечаниям авторов о дороговизне в отдельных городах, о голоде в связи с осадой крепости, хотя виновниками и притеснителями народа в таких случаях являются, по их мнению, феодальные владетели, как правило, противники прославляемого ими государя. Об активном участии горожан и, в частности, мастеровых людей, в общественной жизни страны и в обороне города, как и отдельные подробности о социально-экономическом состоянии городского населения мы узнаем лишь из отдельных высказываний.

Во всех этих литературных произведениях и документах не рассматривается процесс производства ремесленной продукции, та работа, которая целиком возлагалась на плечи трудового люда. Некоторое исключение в этом отношении представляют цеховые сказания-рисала, особенно рисала читгаров, изучение текста которых дает возможность представить процесс производства набивной ткани⁴⁷.

Рисала. Рисала — наставления в области различных отраслей ремесла, дошедшие до нас в списках XVIII—XIX вв. Это — письменный источник, помогающий составить картину состояния ремесленного производства позднесредневековой Средней Азии. Как совершенно верно было отмечено в литературе, неправомерно было бы сближать подобные рисала со статутами ремесленников средневековой Западной Евро-

⁴⁷ Рисала-и читгари, ркп. ДО ИВ АН СССР, № В-1900 (23), на узб. яз.; Рисала-и читгари, ркп. ИВ АН УзССР, № 5003, на тадж. яз.

пы⁴⁸. По существу, это уставы-обрядники, где описание трудового процесса, обычно далеко не полное, дается лишь в форме вопроса и ответа—специально подобранного изречения, приписываемого пророку Мухаммеду. В большинстве рисала нет сведений по экономическому и общественному строю ремесленных организаций. Однако при очень небольшом числе письменных памятников, где бы имелся фактический материал о состоянии среднеазиатских ремесленных организаций, даже такие уставы представляют интерес для исследователей.

Пути возникновения рисала были совершенно иными, резко отличающимися от тех, в которых составлялись пышные рукописи, рассчитанные на удовлетворение прихотей и художественного вкуса высокопоставленных особ. Рисала создавалась для рядовых ремесленников и учеников, обучающихся определенной профессии. Бумага, на которой писался устав-обрядник, была невысокого качества, хранился он не в специальных сундуках с «редкими книгами», как это отмечается, например, относительно рукописных книг библиотеки самаркандского медресе Шейбани-хана⁴⁹, а в нишах жилых домов ремесленников, нередко в чаше «чистой чини-касе»⁵⁰, предназначавшейся для пищи. По-видимому, эти обстоятельства являются одной из причин того, почему уставы-обрядники дошли до нас лишь в поздних списках конца XVIII—XIX в. Переписчиками рисала нередко были недостаточно грамотные студенты медресе, где готовились кадры духовенства, обладавшего монополией «на чтение и письмо»⁵¹. Для таких переписчиков характерен был особый почерк—неряшливый насталик (шагирди)⁵².

Богатая коллекция уставов-обрядников хранится в рукописном фонде Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР.

В феодальной Средней Азии, и в частности в XVI в., значительное развитие получило искусство набивки ткани—читгарлик, о чем свидетельствует как наличие специалистов-читгаров и обучающихся у них учеников, так и наличие торговых сделок, связанных с тканью разных расцветок. В связи с этим наше внимание привлекают два устава-обрядника мастеров-читгаров, находящиеся в двух замечательных рукописохранилищах нашей страны—Институте востоковедения АН УзССР и Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР. Сведения о производственном процессе и классовой диффе-

⁴⁸ О. А. Сухарева. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков. Памяти М. С. Андреева, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, СХХ, 1960, стр. 196.

⁴⁹ Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., текст, стр. 112, перевод, стр. 229. Дальше при ссылке на текст: Вакф-наме.

⁵⁰ Рисола-и бафандачилик, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-1900 (29), л. 856—86а.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 351.

⁵² СВР АН УзССР, т. VIII, № 5941, стр. 390.

ренциации в среде ремесленников, имеющиеся в этих рисала, значительно отличают их от многих других уставов-обрядников. Один из них — «Рисала-и читгари» составлен на узбекском языке⁵³. Вместе с другими рисала по разным отраслям производства — кузнечной, кожевенной, ткацкой, столярной и других — он некогда был доставлен из Средней Азии в Азиатский Музей Императорской Академии наук С. М. Смирновым и в настоящее время входит в сборник уставов-обрядников «Маджму'а»⁵⁴. Последний состоит из тридцати шести отдельных «уставных обрядников»⁵⁵ на узбекском и таджикском языках. В приписках на русском языке, сделанных в начале каждого из них, сообщается, что подлинники находились в городах Ферганской области — Коканде, Намангане, Чусте и в Исфаринском уезде.

Некоторые из уставов-обрядников, включенных в «Маджму'а», были предметом изучения и издания русских ученых⁵⁶, другие до настоящего времени не привлекали внимания исследователей, хотя часть их представляет определенный интерес для специалистов. К числу таких относится упомянутый устав-обрядник цеха набоечников, который остался вне поля зрения исследователей, если не считать кратких описаний, имеющих в каталогах⁵⁷.

В отличие от других рисала из сборника «Маджму'а», представленных в форме книжечек небольшого формата, «Рисала-и читгари» на узбекском языке написан на длинной полосе бумаги. Текст состоит из 120 строк.

Другой устав-обрядник читгаров (رساله چیت گری) на таджикском языке хранится в Институте востоковедения АН УзССР⁵⁸ и представляет собой книжечку небольшого формата, заключенную в переплет. Согласно дате, рисала был переписан в 1836 г.⁵⁹

Как и другие религиозно-этические правовые уставы-обрядники, два названных рисала построены по шаблону и состоят из нескольких разде-

⁵³ Рисала-и читгари, № В-1900 (23).

⁵⁴ Маджму'а, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-1900.

⁵⁵ Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР, ч. I, № 3861, стр. 509—510.

⁵⁶ [М. Гаврилов]. Рисала сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. Собрал и перевел М. Гаврилов, Ташкент, 1912.

⁵⁷ Персидские и таджикские рукописи..., ч. I, № 3861. (Там же приводится библиография); СВР АН УзССР, т. VIII, № 6009.

⁵⁸ Рисала-и читгари, № 5003. Описание см.: СВР АН УзССР, т. VIII, № 6009. На основании начала рукописи: *بسم اسناد رساله چیت گری این است* «устав» назван *رساله چیت گری* — «Рисала [цеха] «чидгари». В дальнейшем в тексте данного рисала слово чит — *چیت* правильно пишется через букву *ت*.

⁵⁹ Там же, л. 68б.

лов. Схема написания такого вида рисала рассмотрена в литературе⁶⁰. Для нас представляет интерес та часть рисала, где в форме вопросов и ответов, которые мастер-читгар и ученик должны были произносить при выполнении определенных этапов работы, дается описание процесса производства набивной ткани — чит. На основании этого можно выявить процесс набивания на ткань разноцветных узоров с помощью специальных штампов-калыбов, узнать об орудиях производства набойщиков, о классовой дифференциации в ремесленной среде, о тяжелой участи учеников, целиком подчиненных воле мастера. Последние в свою очередь находились в зависимости от стоящих над ними цеховых старшин и феодальной верхушки («акабиран») города.

Два рисала имеют много общего, но в то же время в них есть и отличия. Например, в уставе-обряднике на узбекском языке перечисляются цвета ткани бязь, а в рисала на таджикском языке приводится пример наказания ученика, если тот приступит к работе без разрешения на то обучающего его мастера. Из содержания рисала читгаров на узбекском языке создается более подробная картина производства набойки. Здесь кроме процесса набивания ткани предметом разбора является процесс приготовления и использования красок. Ткань, на которую наносится узор, здесь называется «буз» (бязь), а в рисала на таджикском языке ткань определяется словом «карбас». Эти два названия применительно к одной и той же ткани использовались и авторами сочинений, написанных в XVI в.⁶¹. В обоих рисала используются одни и те же термины для определения некоторых орудий производства: калыб, кудунг, лавак, а также красителей — бузгундж, зак, руйан и др.

Порядок разделов в каждом рисала, в целом построенных по обычному шаблону, несколько различен. Это позволяет считать, что каждая из рисала является списком, сделанным с разных экземпляров, в основе которых некогда лежал общий оригинал.

Рассматриваемые списки рисала относятся к XIX в., однако, можно полагать, что оригиналы их были написаны значительно раньше. Надо думать, что при составлении копий рисала добавления и изменения в тексте делались не без вмешательства цеховых старшин и духовенства, действовавших в своих корыстных интересах. В отдельных случаях определенную роль при переписке должно было сыграть и стремление приписать основание данного ремесла личности, происшедшей из местности, где производилась переписка.

⁶⁰ [М. Гаврилов]. Чит работа; А. Самойлович. Туркестанский устав-рисоля артистов, Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 55.

⁶¹ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-намс-и Бухара, л. 84; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1127; Алишер Навои. Махбуб ал-қулуб, стр. 41.

Следует оговорить, что из использованных письменных памятников рисала — единственный вид источника, относящийся к XIX в. Однако имея в виду известную традиционность в технике производства и производственных отношений феодального периода и соблюдая критический подход к содержанию, эти источники могут быть использованы при разработке отдельных частных вопросов по истории ремесла XVI в.

Иной характер имеет трактат по каллиграфии Султана Али Мешхеда, тоже названный «рисала». Он был создан в 1514 г. «главою всех в писании насталиком». Написанный на хорошей бумаге, красивым почерком, великолепно оформленный, он является своеобразным уникальным источником для изучения способов выбора бумаги, лощения ее, изготовления чернил и т. д. На первом листе трактата имеется позднейшая запись: «Рисаля муллы Султан Али о письме». Она была подарена шахом Аббасом Сефевид в вакф Ардебильской мечети⁶², поэтому и хранилась в совершенно иных условиях, чем рассмотренные ранее рисала.

Подсобным материалом для нашей темы служили миниатюры среднеазиатских художников XVI в. Анализ рисунков позволяет получить некоторое представление о состоянии прядильной техники, об обработке металла при помощи наковальни и молота, об обработке земли и проведении оросительных каналов при помощи лопаты и кетменя таких же форм, какими иногда еще пользуются в индивидуальных хозяйствах и теперь, об инструментах ремесленников, об участии мастеров-строителей в возведении монументальных зданий и городских стен, о домашнем убранстве, вооружении, деталях одежды, о формах керамических и металлических сосудов, кухонной утвари, подсвечников.

Угнетение основной массы производителей воплощено в устном народном творчестве, образцы которого в несколько измененном виде в числе других старинных песен дошли до нас. В одной из них описывается изнурительный труд ткача:

Морозно порой в мастерской у меня,
Все тело дрожит день-деньской у меня.
И слезы струятся рекой у меня.
Слезам мата моя орошена...
Вложил в свой товар я и жилы и пот...
Кто лжет, что работа моя не трудна?⁶³

Тяжелое положение основной массы мастеровых было причиной их активного участия в общей классовой борьбе трудового населения города, наблюдавшейся на протяжении всей истории средневековья.

⁶² Г. И. Костыгова. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеда, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Труды, II (V), Восточный сборник, Л., 1957, стр. 104.

⁶³ Песни столетий, т. I, Ташкент, 1964, стр. 16—17.

САМАРКАНД И БУХАРА В XVI ВЕКЕ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

На рубеже XV—XVI вв. территория Средней Азии была охвачена межфеодальными войнами. Некогда обширное государство Тимуридов разделилось на мелкие враждующие между собой княжества. В результате — трудовое население городов «превратилось в нищих», скот был уведен предводителями военных ополчений, «хлеб растоптан» феодальной конницей. «Пришла суровая зима и выпало много снега», — сообщает Мухаммед Салих, и тогда (начало XVI в.) «умерли многие голодные и разутые» жители Бухары и Самарканда. «Люди высохли как цветы тюльпана» не только в этих городах с окружающими их областями, «многие умерли (также) в Карши и Кеше». Трупы, «не покрытые саваном», валялись на улицах¹.

Жители, особенно низы городского населения, активно защищали родной город от нападений феодальных захватчиков. Нередко они составляли противника покинуть окрестности города. Понятны поэтому те жестокие меры, которые принимались начальниками военных отрядов, осаждающих крепость, для расправы с инициаторами энергичных выступлений беднейших горожан. Примеры организации обороны города рядовыми жителями в источниках довольно часты. Описывая один из них, Гиясиддин Хондемир и Захириддин Бабур называют в числе других защитников осажденного Самарканда ремесленника-ткача, презрительно именуемого представителями феодальных кругов Девана Джамабаф (буквально Безумный, Юродивый ткач), и Кал Кошика (буквально Плешивая ложка). Эти двое попали в плен к андижанским бекам, осаждавшим Самарканд, были подвергнуты пыткам, а затем убиты².

В 1501 г., после продолжительной борьбы, номинальная столица Тимуридов Самарканд была захвачена узбекским ханом Мухаммедом

¹ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 66—67, 71, 82.

² Хондемир. Хабиб ас-сийар, Бомбей, 1856/1857, т. III, ч. III, стр. 276; Бабур-наме, стр. 58.

Шейбани (1499—1510) — основателем династии Шейбанидов, просуществовавшей почти сто лет, до 1599 г.

Захват Шейбани-ханом владений Тимуридов сопровождался гибелью населения, разрушениями городов и общим разорением страны, перераспределением богатств и личным обогащением Шейбанидов и их приближенных. В то же время, поскольку завоеватели желали оставить Самарканд и Бухару центрами узбекского государства, Шейбани-хан попытался оградить население этих городов от массового грабежа в момент завоевания. Это намерение хана хорошо отразил поэт Мулла Шади, заметивший: «Если Шах-Бахт (Шейбани-хан) разорит город (Самарканд), то как он сможет сделать его столицей (государства)?».

Обосновавшись в Самарканде, новый правитель приложил некоторые усилия для благоустройства разоренного города, такую же политику проводил в Бухаре его брат Махмуд Султан, старавшийся как и Мухаммед Шейбани возвысить город не только за счет награбленных богатств, но и с помощью людей, главным образом, ремесленников, вывезенных из Хорезма — Булдумсаза, Кята, и других местностей. Насильственное переселение в Бухару мастеров письма и миниатюрной живописи, литературных деятелей, строителей и других специалистов особенно практиковали несколько позже Убайдулла-хан (1533—1539) и Абдулла-хан II (1557—1599).

Некоторые из Шейбанидов стремились сблизиться с крупным купечеством, духовной и светской знатью и создать условия для рациональной эксплуатации местного трудового населения. Они и их приближенные приобретали целые селения и отдельные земельные участки, торгово-ремесленные предприятия, караван-сарай, мельницы, склады и т. п. Огромные богатства, переданные в вакф невесткой Шейбани-хана, и большое число торговых предприятий, принадлежавших Дуст Мухаммед-бю, сыну приближенного Шейбани-хана Джан Вафа-бия, — наглядный пример сказанному.

Относительный подъем в области экономики, достигнутый в отдельные годы правления Шейбанидов, обычно сменялся феодальными междоусобицами, вторжением иноземных войск и кровопролитной династической борьбой за владение ханским тронem, что было так характерно для всего периода феодализма.

Последствия междоусобных войн, холод, голод и холера привели в те годы к гибели значительной части беднейшего населения. Тяжелое экономическое положение трудового населения умело использовали представители крупного духовенства для усиления своего влияния. Обстановка феодальной раздробленности, приводившая к разорению страны, как отметил А. Ю. Якубовский, «тяжелее всего сказывается на положении трудящегося населения...», поэтому «приходится считать

всякую серьезную попытку к политическому объединению страны фактом прогрессивным»³.

Попытка преодоления раздробленности в стране и ликвидации сепаратистских устремлений узбекских султанов была предпринята Абдулла-ханом II, особенно начиная с 80-х годов XVI в. Проводимая им политика объединения удельных владений нашла поддержку среди той части светской и духовной знати, которая была заинтересована в обуздании центробежных притязаний феодальной верхушки, в покровительстве купцам и торговле, в восстановлении производительных сил. Централизаторская политика находила поддержку и со стороны горожан, особенно ремесленников и мелких торговцев. В то же время изнурительные захватнические походы Абдуллы-хана II приводили к разорению народа и опустошению городов и сел, мешали внутреннему развитию экономики всего государства.

Таким образом, в рассматриваемый период Средняя Азия то объединялась под властью верховного правителя, то вновь дробилась на независимые от центральной власти или полунезависимые удельные владения во главе с узбекскими султанами.

В условиях династических и феодальных войн, междоусобиц и набегов, сменявшихся короткими периодами относительно спокойного экономического развития, развертывалась производительная деятельность трудового населения Средней Азии.

Историки и поэты описывают Самарканд начала XVI столетия как многолюдный, довольно благоустроенный город со множеством базаров, караван-сараяв, торговых и ремесленных мастерских. Повидавший многие города Востока Захириддин Мухаммед Бабур характеризует в своих мемуарах Самарканд того времени как «удивительно благоустроенный город», отличающийся специализированными базарами и торговыми рядами. «У этого города есть одна особенность, — отмечает он, — которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай»⁴.

В Самарканде было множество торговых рядов, где реализовывался часто здесь же изготовлявшийся определенный вид товаров: хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, готовая одежда и обувь, кожаные изделия и предметы вооружения, разнообразная продукция металлостов и гончаров, хлеб, мясо, кондитерские изделия и т. п. (Следует, однако, отметить, что принцип специализации базаров и торговых рядов не всегда строго выдерживался).

³ А. Ю. Якубовский. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, Сб. «Алишер Навои», стр. 8.

⁴ Бабур-наме, стр. 28.

Названия отдельных кварталов свидетельствуют о профессиональной специализации, возникшей в средневековье на основе территориальной производственной деятельности.

В разных частях города располагались бани, караван-сарай, красильни, маслобойни, где вырабатывалось растительное масло. Ближе к воде селились чигары и кожевники. Как явствует из упоминания в одном из источников старшины (мехтер —) мыловаров, в Самарканде, вероятнее всего, в пригородной части, имелись мыловарни, продукция которых продавалась населению. Свечники делали свечи разных размеров, в специальных лавках торговали пирожками, хлебными лепешками, разного вида сладостями, мясом, вином, напитками и прочим.

При Шейбанидах, которые руководствовались тщеславным желанием сделать свою столицу средоточием выдающихся построек, несколько изменился архитектурный облик Самарканда. Здесь были построены новые монументальные здания — медресе Шейбани-хана и Михр-Султан-ханум, возведена суфа Шейбани-хана, на которой были установлены могильные камни, испещренные каллиграфическими надписями имен похороненных под ними представителей правящей династии и членов их семей. Восхищенный отзыв об этих произведениях искусства оставили в своих мемуарах Фазлаллах ибн Рузбихан и Зайниддин Васифи⁵.

Определенное внимание уделялось в XVI в. и зданиям, построенным ранее. Согласно Васифи, например, в царствование Кучкунчи-хана (1510—1530) были реставрированы и благоустроены медресе, ханаки и мечети Самарканда⁶. Следует отметить, что строительство и ремонт подобных зданий тяжелым бременем ложились на плечи трудового населения.

Самарканд был не единственным центром и столицей государства Шейбанидов. Убайдулла-хан связал свое правление с другим крупным городом Средней Азии — Бухарой. При нем, при его сыне Абдулазиз-хане (1540—1549), а позднее при Абдулле-хане II Бухара значительно расширилась территориально.

При Тимуридах Бухара не играла столь большой роли в политической и экономической жизни страны, какая принадлежала при них Самарканду; в XVI веке, особенно в 80-е годы, Бухара стала ведущим городом государства Шейбанидов. При Абдулле-хане II значение столицы окончательно перешло к этому городу, игравшему в дальнейшем роль политического и административного центра Бухарского ханства.

⁵ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михмап-наме-йи Бухара, л. 123а, 126а; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 49. Подробнее об этих памятниках см.: Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 9—24.

⁶ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 47.

Как и в Самарканде, здесь были специализированные кварталы, базары и торговые ряды. В городе было множество ремесленных мастерских, торговых заведений, довольно часто упоминаются на территории Бухары дома ткачей алачи и разных других специалистов⁷. Англичанин Антоний Дженкинсон, прибывший в Бухару в самом конце 1558 г., записал в своем дневнике: «Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок»⁸.

Развитие внутренней, межобластной, транзитной торговли и производственная деятельность ремесленников, питавших эту торговлю, привели к строительству новых рыночных зданий, часть которых сохранилась до наших дней.

На протяжении XVI в. были перестроены отдельные участки городской стены Бухары. При Абдулла-хане II юго-западная часть стены охватила Джуйбар. Здесь были также построены новые ворота «Дарваза-и ноу»⁹. Эти мероприятия характеризуют степень и темпы развития городской жизни в Бухаре¹⁰. Бухара, как отметил Антоний Дженкинсон, была «окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части; две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам». По его словам, «дома по большей части земляные, но есть также немало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных; в особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете»¹¹. До того, как посетить Бухару, Дженкинсон побывал во многих городах Англии, Московского государства и других стран, поэтому его слова «город очень велик» можно рассматривать как результат сравнения Бухары с другими городами, которые он видел.

Бадриддин Кашмири сообщает о строительстве в Бухаре нескольких зданий, в том числе бань, двух караван-сараяв на Чорсу «в даруни шахр» и на улице Саррафан «в бируни шахр». Здесь, как отмечает автор, собирались купцы и торговцы со всего мира для того, чтобы совершать торговые сделки.

Часть построек делалась из жженного кирпича, например, каменная мечеть на берегу хауза Кархана. На окраинах Бухары в западной и восточной частях города были разбиты два больших сада. В них были проведены оросительные каналы, сделаны водоемы, посажены деревья и разные цветы. Был вновь оживлен чарбог в Джуйбаре, который, по словам Бадриддина Кашмири, был разрушен Шейбанидами в начале XVI в. (возможно, при втором захвате ими Бухары). Сад был обне-

⁷ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 52, 57, 81 и др.

⁸ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию..., стр. 182.

⁹ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 201.

¹⁰ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства, стр. 46. и сл.

¹¹ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию..., стр. 182.

сен забором и засажен фруктовыми и декоративными деревьями. Среди них автор называет хурму, лимон и самшитовое дерево¹².

В многолюдной части Бухары находился во второй половине XVI в. пороховой склад. Хафиз Таныш описывает, как однажды в результате взрыва склада многие погибли, в том числе и ремесленники. Пожар уничтожил торговые лавки, ремесленные мастерские и жилые дома.

В строительстве зданий и садов принимали участие разные специалисты. Сколько усилий и труда должны были вложить они в эти постройки, основная масса которых предназначалась для удовлетворения желаний феодальной знати!¹³

Бухара и Самарканд были густо застроены жилыми домами и хозяйственными помещениями. Как показывает анализ косвенных данных, в черте города, особенно в его центральной части, пахотных земель было мало¹⁴.

Та часть города, где проживало трудовое население, состояла из низких и небольших глинобитных домов. Большая скученность населения и недостаток воды тяжело отражались на жизни горожан, особенно беднейшей его части. Упоминания о холере, риге и других заболеваниях изредка встречаются в письменных источниках в связи с описанием тех или иных событий.

Плотной стеной окружали Самарканд пригородные сады. Здесь располагались дворцы правителей и феодальной знати. Часть этих садов и построек в них были уничтожены на рубеже XV—XVI вв. в результате династических и межфеодальных войн, а позже — вследствие завоевательных походов и междоусобий узбекских султанов, каждый из которых при благоприятных условиях не прочь был захватить верховную власть¹⁵.

В окрестностях Самарканда находились водяные мельницы, а на каналах, выведенных из Сиаба, располагались мастерские по выделке писчей бумаги, в том числе и всемирно известной — самаркандской. Большой интерес представляет для нас случайное упоминание в Самаркандском вилаете чугунолитейной мастерской¹⁶.

¹² Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 290—296.

¹³ См., например, Мухаммед Юсуф Мушш. Мукимханская история, Перевод с тадж., предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 68.

¹⁴ См., например, Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 70:

تاشقارى باغلاريميز بوزولدى
ايچكارى ابولاريميز بوزولدى

¹⁵ См., например, Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 58; Бабур-намэ, стр. 64.

¹⁶ Маджму'а-йи васанк, л. 227 а.

Как и в окрестностях Самарканда, за пределами Бухары находились мельницы; в одном из его туманов располагалось небольшое селение ткачей алачи — Алачабафан, известное также под названием Туканчи¹⁷.

Сосредоточение некоторых видов ремесла в сельских местностях позволяет заключить, что в XVI в. феодальный город был не единственным центром ремесленного производства и что он экономически был тесно связан с прилежавшими селениями.

К XVI столетию относятся некоторые работы по улучшению оросительной сети, например, ремонтнирование вододелителя через реку Зарафшан (арка которого сохранилась до наших дней), постройка водоудерживающей плотины Абдулла-хан банди, проведение новых оросительных каналов на реке Вахш.

Для определения роли города как экономического центра области большое значение имеет выяснение вопроса: на каком сырье работали городские ремесленники, оно было местным или привозилось из сельских местностей? Скучные, но довольно интересные материалы источников дают наметки для разрешения этого вопроса. Например, в одном из нишанов, вошедшем в сборник «Мактубат ва аснад» и выданном по поводу назначения на должность надзирателя ткачей Камалиддина Зикрия, сообщается, что шелк (*ابریشم*) доставлялся в город (в тексте не указано, какой) из области (*از اطراف و جوانب*)¹⁸. Здесь он

взвешивался, что между прочим, свидетельствует о том, что под словом «абришам» подразумевалось сырье, из которого в процессе дальнейшей обработки выделялось изделие, вероятно, ткань. Таким образом, в данном случае мы имеем конкретное указание о ввозе в город сырья из области. Из хлопка, привозившегося из сельских местностей, ткали ткани мастера, специализирующиеся на выделке тканей и проживавшие на территории Бухары и Самарканда. На привозной коже и шерсти работали специалисты-кожевники, валяли войлок мастера-намадмалы.

Можно утверждать, что и многие другие виды сырья также привозились в город из земледельческих и скотоводческих районов, хотя о некоторых из них можно говорить лишь на основании косвенных данных. Так, белый козий пух (*پشم سفید*), о котором сообщается в документе от 7 зулхиджа 998 г. х. (12 мая 1590 г.) в связи с предоставлением его скупщиком Дарья-ханом некоему Мулле Хусейну, сыну Муллы Хасана, с условием уплаты стоимости пуха по истечении семи месяцев, безусловно, был доставлен в Самарканд из сельских районов¹⁹.

¹⁷ Из архива шейхов Джуйбарн, Док. 200.

¹⁸ Мактубат ва аснад, л. 1166.

¹⁹ Маджму'а-йи васайк, л. 189а.

Косвенным доказательством тому может служить отсутствие на территории Бухары и Самарканда сколько-нибудь крупных земельных участков, отведенных под пашню, что делало практически невозможным разведение в городе такого количества коз, с которых можно было бы снять столько пуха, предназначавшегося для продажи, количество которого соответствовало бы деловым операциям крупного скупщика-ростовщика, каким был Дарья-хан.

Все это говорит о том, что городские мастера работали в большинстве случаев на сырье и полусырье, доставлявшимся из сельских, в основном расположенных не очень далеко, районов. Некоторые виды полуфабрикатов привозились из дальних стран, например, рыбий зуб — бивни и кости моржа, использовавшийся для выделки рукояток ножей и кинжалов, везли с далекого Севера, особый сорт кожи, болгары (بلغار از هر رنگ), — из Казани, через Астрахань везли дорогие меха и, как отметил Фазлаллах ибн Рузбихан, — меховые шубы и особые сорта шелковых тканей, а в списке имущества скупщика Тангри Берди числятся 62 манна большим самаркандским весом особой породы тропического дерева чуб-и бакам (چوب بقم), использовавшегося, в основном, как краситель²⁰.

Некоторые изделия ремесла готовились городскими мастерами специально для удовлетворения нужд сельских жителей. Тем самым развивались и укреплялись экономические связи с сельской округой.

Бухара и Самарканд — два крупнейших центра ремесла и торговли, последовательно являвшиеся столицей всего государства Шейбанидов, в отдельные периоды были лишь центрами удельных владений узбекских султанов, каждый из которых при удобном случае искал пути для ослабления своего соседа. Самарканд, например, находясь на Зарафшане выше Бухары, всякими средствами старался обеспечить себя водой за счет соперницы. В целом, оба города являлись экономическими и торгово-ремесленными центрами прилегавших к ним областей, порой центром всего государства, транзитными пунктами для товаров, привозившихся из других стран. Все это наметилось еще в раннее средневековье, задолго до XVI столетия.

Бухара и Самарканд имели много общего в своем социально-экономическом развитии. Мастера, проживавшие в этих городах, выпускали ассортимент товаров, предназначавшихся не только для зажиточных слоев населения, но и рядовых потребителей, не только местных, но и соседних, а также частично для жителей отдаленных стран. В обоих

²⁰ Там же, л. 229а. (Здесь мы имеем любопытный пример использования единицы веса манн для определения веса дерева); МИУТТ, стр. 432.

городах ремесленники играли большую роль в общественной и культурной жизни города.

Особо следует подчеркнуть важное значение мелкотоварного производства в экономике обоих городов, а также то, что его развитие происходило в условиях господства феодальных порядков, под властью землевладельческой знати.

Материалы из дарственной грамоты Мухр-Султан-ханум, вакфной грамоты Хусейна Хорезми, отдельных указов из сборника «Мактубат ва аснад», равно как и сведения из мемуаров Зайниддина Васафи и Захириддина Бабура, убедительно свидетельствуют, что одни и те же феодалы — духовные и светские — могли одновременно владеть селениями, порой расположенными в различных районах и областях, многочисленными земельными участками в сельских местностях и в городе (здесь главным образом под постройками). Нередко те же лица владели торговыми заведениями и ремесленными мастерскими, караван-сараями, банями, маслобойнями, мельницами и другими производственными помещениями в городе и в примыкающей к нему территории. Приведенные данные подтверждают мнение П. П. Иванова, отметившего эту особенность феодальной знати на основе материалов архива джуйбарских шейхов²¹. Такое положение феодальной знати обеспечивало ей экономическое и юридическое подчинение как сельского, так и трудового городского населения.

Подобное же явление для городов Ирана XIII—XIV вв. отметил И. П. Петрушевский, установив, что одни и те же лица были одновременно и городской знатью, и землевладельцами, и феодалами. Земли мелкими участками сдавались крестьянам на условиях издольной аренды, почему у их владельцев не было необходимости жить в сельских усадьбах. «В городе и в прилегающем сельском округе сохранили власть одни и те же сильные группы класса феодалов — земско-городская чиновная и духовная знать, подчинившая себе экономически, юридически или идеологически большие массы городских и сельских низов»²².

Феодално-чиновная знать (в отдельных случаях и мелкие феодалы) одновременно могли выступать в роли ростовщиков. Они предоставляли горожанам и сельским жителям ссуды деньгами и зерном, снабжали сырьем ремесленников. До нас дошли сведения о видном сановнике последней четверти XVI в. Кулбаба Кукельташе, характеризующие его как кредитора. Из юридического решения от 1590 г., утвержденного в кази-хана Самарканда, мы узнаем, что упомянутый «эмир эмиров» при дворе Абдулла-хана II, будучи крупным землевладельцем и при-

²¹ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 42.

²² И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов, стр. 96—97, 109—110.

нимая активное участие в государственных делах, занимался ростовщичеством. По акту, группа лиц, связанных коллективной круговой порукой, получила у него ссуду с условием вернуть указанную сумму (надо полагать, в эту сумму причислены были и причитающиеся проценты) по истечении двух лет ²³. В просмотренных нами документах имеются и другие примеры, свидетельствующие о занятиях городской знати ростовщичеством.

В городе жили богатые купцы, тесно связанные с феодальными властями. Они занимались не только розничной, но и крупной оптовой торговлей (по нашим материалам, в основном тканями). Некоторые из них практиковали торговлю по долговым документам, через доверенных лиц.

В Самарканде и в Бухаре было немало купцов-скупщиков, представлявших сырье ремесленникам. Имена отдельных из них дошли до нас благодаря юридическим документам XVI в. Один из таких самаркандских купцов-скупщиков хранил в своих складах большие запасы сырья и полуфабрикатов для тканей футы и специалистов, имевших дело с ценной породой дерева чуб-и бакам²⁴. Документы содержат примеры о занятии отдельных торговцев-посредников закупкой и перепродажей партий шелка-сырца, белого вычесанного козьего пуха и других видов продукции. Экономические и классовые интересы богатых купцов и феодалов тесно переплетались.

С феодальной и торгово-ростовщической верхушкой города тесно было связано духовенство, которое вело чисто городской образ жизни. Основным видом недвижимого имущества духовной знати, как и светской, была земля. Одновременно она владела земельными участками, торгово-ремесленными заведениями и другими недвижимостями на территории Бухары и Самарканда и, следовательно, принимала активное участие в эксплуатации не только сельского, но и городского населения, в том числе и ремесленников. Джуйбарские шейхи — классический пример феодального и торгово-ростовщического духовенства. Интересы джуйбарских шейхов были тесно связаны с купеческо-ростовщической верхушкой Бухары, которая выступала за создание благоприятных условий для перемещения и безопасности торговых караванов, для защиты земельных и другого вида богатств от захвата мятежными владетелями.

Многосторонними были связи представителей правящей династии и духовенства. Идеологическое влияние духовной знати узбекские султаны стремились использовать для укрепления своей власти над народными массами. Связи светских феодалов с духовенством проявля-

²³ Маджму'а-йи басанк, л. 186а, 186б.

²⁴ Там же, л. 229а.

лись также в передаче в вакф разного вида имущества. В качестве мутаваллий вакфных имений духовные лица извлекали доход от ремесленных мастерских, лавок, рыночных площадей, базаров, мельниц, маслобоек и т. п. Изучение вакфных грамот в пользу медресе Шейбани-хана и мавзолея Ишрат-хана показывает, что в XV—XVI вв. мутаваллиями могли быть и светские лица — в обоих случаях попечителями вакфа были женщины из семьи феодального правителя.

Таким образом, светская и духовная знать города, состоявшая из различных социальных групп феодального класса, была владельцем разного вида собственности и в городе, и в сельских местностях. Это позволило ей подчинить экономически и идеологически массы городского и сельского населения, использовать свое положение в административной, военной и судебной системах, играть руководящую роль в социально-политической жизни страны, и, в частности, в повседневной деятельности ремесленного населения. В то же время внутри класса феодалов шла острая борьба за власть, за приобретение богатств, чинов и званий.

Документ 1590 г., где фигурирует упоминавшийся уже Дарья-хан, отражает жестокую мораль феодального общества, отнимающего у ремесленников, лишенных возможности пользоваться плодами своего труда, даже семейное счастье. Паразитическая верхушка светских и духовных феодалов жила за счет ренты-налога с крестьянства подвластной ей территории, а также сборов с ремесленников и торговцев.

В отличие от более раннего времени, когда основным потребителем ремесленной продукции являлись богатые дехканы и купцы²⁵, в рассматриваемый период изделия ремесла покупались широкими слоями рядового населения. В городе жили люди разного политического и экономического положения. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что центральной фигурой города был ремесленник. Мастеровые люди, составлявшие основную часть трудового населения Бухары и Самарканды, были наиболее полезной частью горожан, на производственной деятельности которой зиждилась экономика города. Как и другие слои трудового населения города и масса крестьянства, ремесленники находились под гнетом феодалов, в руках которых сконцентрировались огромные земельные территории и торгово-ремесленные заведения.

Конкретных данных соотношения различных профессиональных и социальных групп городских жителей нет. Численность населения в Самарканде определяется обычно цифрой 100 тысяч²⁶.

²⁵ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 269.

²⁶ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 53.

Одна из характерных черт среднеазиатского города — существование тех же земельных отношений, того же закона феодальной земельной ренты, какие господствовали в сельских местностях²⁷. Как в сельских местностях, так и в городе, «земско-городская знать» извлекала доходы из принадлежавшей ей разного вида собственности путем сдачи ее в аренду непосредственным производителям или предоставлением на откуп отдельным представителям феодального класса.

Анализ материалов, относящихся к концу XVI в., позволяет отметить экономическое расслоение внутри мелких городских производителей и активное наступление на них со стороны феодального класса.

В еще более тяжелом положении по сравнению с общей массой ремесленников находилась пестрая городская беднота, определяемая в просмотренных нами источниках разными терминами: оубаш (اوباش) — «подонки», «сборище», «бродяга»; мискин (ميسكين) — «нищий», «бедняк»; йатим (يتيم) — «сирота»; кизил айяк (قزل ايلاق) — «босоногие»; ронуд (رونود) мн. ч. от (رند) — «мошенники», «подонки», «беспутные гуляки», айаран (اياران) — «грабители». Для обозначения бедной, нуждающейся части населения использовался также термин факир (فقير)²⁸.

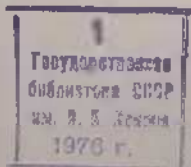
Обширная терминология для обозначения самой обездоленной части городского населения сама по себе яркий материал, иллюстрирующий бесправие беднейших слоев, а также свидетельство того, что бедняки составляли довольно значительную часть населения среднеазиатского города и играли заметную роль в его истории.

Политически и экономически эта часть городского населения сближалась с низшими слоями мастеровых людей, совместно с которыми она активно выступала на защиту крепости от феодальных захватчиков, боролась против своих поработителей за облегчение условий существования. Характерно, что указанные термины в источниках встречаются в основном в связи с социальными движениями в городе.

Категория бесправных людей пополнялась рабами. В Средней Азии XVI в., особенно в домашнем хозяйстве, продолжалось применение рабского труда, однако роль его в производстве ремесленной продукции

²⁷ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 41.

²⁸ Множественное число от факир (فقير) — фукара (فقرا) приобрело значение: «простой народ», «податное население», «народ», что соответствовало термину ра'айа (رعايا) в его широком смысле — «подданные». Подробнее о терминологии, обозначавшей городскую бедноту, см.: С. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, 1957, стр. 91—93.

была незначительной. Некоторое применение рабский труд находил в строительстве и ирригационных работах²⁹.

Различные социальные слои населения в целом можно разделить на два основных лагеря, противостоящих друг другу — эксплуататоров и эксплуатируемых. К последним относились рядовые ремесленники, принимавшие активное участие в городской жизни, нередко выступавшие против феодалов вместе с низами горожан и угнетенным крестьянством. Классовые интересы этой группы населения были направлены против городской верхушки, что ярко проявилось, например, в выступлениях народных масс в Самарканде и в Каракуле в самом начале XVI в.³⁰

Все это целиком относится и к Бухаре, и к Самарканду времени правления Шейбанидов.

Два крупнейших города, тесно связанные между собой экономически и политически, имели и свои специфические особенности: не в каждом из них были представлены все специальности, общий список которых составлял, по нашим данным, свыше ста тридцати наименований, могло быть разным и их соотношение. При всем многообразии ремесел в каждом из городов выделялось несколько отраслей производства, которые были ведущими и в значительной мере определяли своеобразие хозяйственного профиля.

Материалы источников не дают возможности перечислить, какими именно отраслями ремесла в XVI в. один город отличался от другого. К тому же сам характер изложения не всегда позволяет локализовать отдельные производства (это прежде всего касается многих нишанов из сборника «Мактубат ва аснад»). И все же анализ довольно скудных и отрывочных сведений позволяет установить некоторые виды ремесла, характерные именно для Самарканда, или наоборот — только для Бухары. К сожалению, эти отдельные данные не всегда характеризуют ведущие отрасли ремесленной промышленности.

По свидетельствам источников, Самарканд в XVI в. славился особым сортом бумаги, известной в других областях и странах под названием «самаркандской»³¹. Самаркандский бархат кермези также вывозили из Средней Азии «во все края и страны»³². Самарканд специализировался кроме того, на художественной обработке камня, особенно на изготовлении каменных надгробий из местного мрамора белого и серого тонов. Резчики по камню вырезали изысканный узор на мраморе, выбивали пышные надписи на фамильных усыпальницах. Они припи-

²⁹ См. документы о рабах из «Маджму'а-йи пасаник»; Матлаб ат-талибин, л. 81б; Т. Файзиев. Бухоро хонлигида кул савдоси, Ташкент, 1969.

³⁰ Р. Г. Мукминова. Народные движения...

³¹ Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги...

³² Бабур-наме, стр. 62.

мали заказы не только представителей местной городской знати, но и феодалов из других городов³³.

Еще более скудны сведения источников о специализации в выделке ремесленных изделий, характерных для Бухары. И все же изучение материалов позволяет говорить о выделке здесь «бухарской алачи», а также «бухарских луков», пользовавшихся большим спросом у соседних народов, в частности, у кочевых племен. «Луки» и «луки, отделанные золотом» (*کمان طلاکار*) числятся в списках товаров, вывозившихся из Бухарского ханства в Московское государство³⁴.

Этим не исчерпывается список самобытных изделий местных мастеров. Однако отсутствие материалов вынуждает ограничиться пока лишь отдельными примерами.

Цифровые данные, характеризующие распространение ремесел, и даже точный перечень отраслей ремесла в государстве Шейбанидов отсутствуют. Это не удивительно, ведь о России более позднего времени В. И. Ленин писал: «Вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей экономической статистики никаких точных данных о степени распространения ремесла в России не имеется»³⁵.

Просмотренные источники дают возможность установить наличие большого числа специалистов, проживавших в Бухаре и Самарканде в XVI в., и несколько расширить список ремесленников по отраслям составленный и опубликованный М. Ю. Юлдашевым на основе изданных казийских документов XVI в.³⁶.

В число их входят: шлифовальщик (резчик?) по металлу методом «чархкари» (*چرخکاری*), многочисленные специалисты, оформлявшие рукописные книги, каждый из которых выполнял лишь одну из операций и имел соответствующее наименование³⁷. Были мастера, специализирующиеся на шитье и отделке разных видов обуви, платья, головных уборов, профессионалы кожевники — чармгар (*چرمگر*), специалисты по выделке высокосортной шагреновой кожи — кимухтгар (*کیمختگر*) и другие.

Разделение труда между прядильщиками, отбеливателями, красильщиками и набойщиками подтверждается наличием в Самарканде

³³ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. II, стр. 954.

³⁴ МИУТТ, ч. I, текст, стр. 439.

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 329.

³⁶ М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв., Ташкент, 1964, стр. 12—13. Уточнение некоторых терминов см.: О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 12, прим. 23.

³⁷ См. указы, составленные на имя Бехзада и старшины музыкантов. Мактубат ва аспад, л. 1696—1706, 214а.

и Бухаре отдельных мастерских, красилен и заведений, где на ткань набивались цветные узоры. Шелкомотание и шелкокручение составляли самостоятельные операции, в значительной степени отделившиеся от ткачества. Возможно, такое же расчленение существовало и в области производства шерстяных тканей. Во всяком случае тот поставщик, у кого Дарья-хан приобрел расчесанный козий пух, не занимался прядением шерсти, по крайней мере той шерсти, о которой говорится в решении³⁸. В круг специализации было втянуто не только городское население, но и часть жителей пригородов. Определенную роль играл также обслуживающий персонал — весовщик, грузчик (ترازو دار) (حمل) и другие.

Продукты производства городского ремесла предназначались для удовлетворения потребностей как феодальных кругов, так и широких слоев рядового населения, и в этом отношении среднеазиатские города имели много общего со средневековыми городами Западной Европы, промышленность которых в XIV—XV вв. переживала значительный подъем. В городах Германии, например, как выявлено Ф. Энгельсом, в XIV и XV вв. место «феодальных локальных сельских промыслов заняло городское цеховое ремесло, продукты производства которого предназначались для более широких кругов и даже для более отдаленных рынков... Наряду с ткачеством особенно широкое развитие получают и те соприкасающиеся с искусством отрасли производства, которые питала светская и церковная роскошь позднего средневековья: труд золотых и серебряных дел мастеров, скульпторов и резчиков по дереву, гравиров на меди и по дереву, оружейников, чеканщиков медалей, токарей и т. д.»³⁹.

Ведущими отраслями городского ремесла в Средней Азии в XVI в. были ткацкая, гончарная, обработка металлов, производство писчей бумаги, строительное дело, изготовление одежды и пищевых продуктов. Особенно велика была роль хлопкоткацкого производства и отраслей, связанных с отделкой хлопковых изделий. Заметное место в городском хозяйстве занимала выделка шелковых материй.

Приведенных материалов достаточно для определения высокой степени специализации городского ремесла в XVI столетии, его многоотраслевого характера.

Внутриотраслевое территориальное разделение труда было одним из важнейших признаков ремесленной промышленности XVI в. Отделение сырья от производителя стимулировало развитие производительных сил, влияло на дальнейшее усиление дробной специализации.

³⁸ Маджму'а-йи васаик, л. 189а.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 346.

Глава I

ОТРАСЛИ РЕМЕСЛА

ТКАЦКОЕ ДЕЛО

Как и в других странах, в Средней Азии «ткачество, которым до того крестьяне занимались между делом, чтобы изготовить себе необходимую одежду, было первым видом труда, получившим благодаря расширению сношений толчок к дальнейшему развитию»¹.

Материалы источников свидетельствуют о том, что ткачество в Средней Азии играло ведущую роль среди других отраслей феодальной промышленности. Письменные памятники этого времени донесли до нас значительное число наименований профессионалов-ремесленников, занимавшихся выделкой и отделкой разных видов тканей, специализированных (на производстве и реализации хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных материй) мастерских, лавок, торговых рядов и базаров, а так же названия самих тканей и изделий из них. Даже простое упоминание этих названий в совокупности со случайно сказанными словами историков, указаниями юридических документов и определениями поэтов представляют определенный интерес для исследователя, ибо это помогает установить разновидность и назначение тканей, использовавшихся среднеазиатским населением, выявить место их изготовления, а в отдельных случаях — их качество и стоимость, размеры (ширину и длину) купонов и судить об уровне текстильного производства в XVI столетии. Сведения письменных источников представляют особый интерес и потому, что образцов местных средневековых тканей дошло до нас очень мало, в плохой сохранности, по времени же они относятся к разным столетиям, и не всегда ясно, были ли они изготовлены в Средней Азии или же относились к категории товаров, импортировавшихся из других стран.

Ткани, остатки которых найдены в самаркандских мавзолеях Ишрат-хана, Гур-Эмир и Шахи-Зинда, изготовлены в период наиболее

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 55.

близкий к рассматриваемому². Бесспорно, ими пользовалась аристократическая часть местного населения. Основную часть указанных тканей исследователи предположительно относят к завезенным из других стран. Археологические материалы, характеризующие некоторые ткани, этим пока ограничиваются. Поэтому даже отрывочные сведения письменных источников представляют интерес как фактический материал о профессиональном занятии ткачеством и отделкой готовых тканей населения Самарканда, Бухары и их округи, о наименованиях материй, а также о соответствующих организациях ремесленников. Большинство этих сведений датировано.

Ниже приводится перечень тканей с краткой характеристикой тех из них, относительно которых нам удалось извлечь данные из обширного круга письменных источников, созданных в ту эпоху. Особое место среди этих источников принадлежит актовым материалам. Следует оговорить, что предлагаемые описания не претендуют на всесторонность и исчерпывающую полноту, поскольку они основаны на изучении лишь письменных источников и только тех из них, которые относятся к определенному, сравнительно короткому периоду. Более глубокое исследование вопроса является предметом будущего.

Большинство названных здесь тканей имеет среднеазиатское происхождение.

Карбас (کارباس). Одной из распространенных в Средней Азии хлопчатобумажных материй была ткань карбас (из санскритского карпасси — «хлопок»). Она производилась задолго до XVI в., и позже, вплоть до начала XX в. В письменных сочинениях на узбекском языке эта ткань обычно называется базз, буз (بوز، بزز)³. В таджикско-персидских произведениях, например, в мемуарах Зайниддина Васи-фи⁴ и Фазлаллаха ибн Рузбихана⁵, ткань определяется словом карбас. В однотипных рисала читгаров на узбекском и таджикском языках она соответственно называется буз (базз) и карбас.

² В. Н. Кононов. Анализ ткани савана из детского погребения в склепе Ишратхана, Сб. «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958; В. А. Шишкин. Гур-Эмир, Научные труды ТашГУ, вып. 232, Ташкент, 1964; Н. Б. Немцева. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в., Сб. «Из истории искусства великого города», Ташкент, 1972; Е. Ф. Федорович. Исследования средневековых тканей Самарканда, Сб. «Из истории искусства великого города»; О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 80.

³ Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, стр. 41. Рисала-и читгари, № В-1900 (23); Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луготит турк), т. III, стр. 134.

⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. II, стр. 1127.

⁵ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 84а.

Бязь нередко встречается в числе хлопчатобумажных тканей, экспортировавшихся в XVII в. из Средней Азии в Московское государство. В посольских письмах лишь в редких случаях упоминается карбас. В русском тексте описи товаров, привезенных хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром (ноябрь 1641 г.), фраза, написанная в подлиннике на таджикском языке *جامه کرباس شصت جامه* передана в форме: «кирбас 60 отрезов», т. е. слово карбас оставлено как в таджикском тексте⁶. В большинстве других подобных документов использовано слово «бязь». Следовательно, в XVI в., как и позже, одна и та же ткань у тюркоязычных и таджикоязычных народностей, проживавших на территории Мавераннахра и Хорасана, называлась по-разному — карбас и буз (базз)⁷. В России эта ткань была известна в основном под названием «бязь». Отсюда выражение «бязинный, бязевый, из бязи сделанный»⁸.

Бязь представляла собой хлопчатобумажную ткань полотняного переплетения. В документе конца XVI в. упоминается «карбас дунимбанди» (*کرپاس دونیم بندی*), что позволяет предполагать наличие ткани карбас разной плотности⁹. Простая, прочная и теплая она изготовлялась городскими и сельскими жителями для продажи и для собственного употребления. Из нее шились платья и рубашки; из окрашенной бязи стегали одеяла, делали скатерти; красильщики кусок такой ткани использовали для процеживания раствора краски, из нее шились мешочки, ею пользовались как бинтом. Занимательный эпизод о применении бязи мы находим в мемуарах Зайниддина Васифи. Это место мемуаров представляет значительный интерес для расширения наших знаний об использовании карбаса в быту городским населением. Поэтому позволим себе привести краткое изложение текста Васифи.

В 1507 г. после смерти Султана Хусейна два враждующих царевича, Бадруззаман-мирза и Музаффар Хусейн, поделили между собой власть и трон, почему звание шаха им, по словам Васифи, соответствовало так же, как «деревянному фигуркам в шахматах». В результате,

⁶ В первой части фразы *جامه کرباس شصت جامه* слово *جامه* (*جامه*) означает «отрез», в конце же фразы под «джама» подразумевается «отрез на одежду». МИУТТ, текст стр. 426—427, перевод, стр. 168.

⁷ Одновременное употребление этих двух названий применительно к XIX в. отмечено в литературе. П. Н. Пашинно писал, что бязь или карбас — это бумажная неокрашенная материя (П. Н. Пашинно Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки, СПб., 1868, стр. 140). См. также: М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча, стр. 17.

⁸ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 158.

⁹ Маджму' а-йн васанк, л. 96а.

потерпев поражение от войск Шейбани-хана, они бежали, бросив жен, обширные владения и несметные богатства. В занятом войсками узбекского хана Герате шахини думали лишь о своем спасении и сохранении хотя бы части имущества.

В связи с этими событиями Васифи рассказывает и о своих похождениях в Герате, в которых он выступает в роли героя, помогающего спрятать сокровища (خزینه) шахини. Переодетый в грязную одежду, обмотав голову рваной чалмой, в старой тюбетейке¹⁰, он вместе со своим родственником Гиясиддином переносит ценности в безопасное место. Драгоценности были уложены в мешки и сумки, тут же сшитые из куска карбаса (پاره کرباس). Из сундука для одежды вытащили великолепный халат, который Васифи надел на себя и, подвязав его полы к поясу, прикрепил поверх мешок из карбаса с драгоценностями, а золотые предметы положил в папку (جزدان) и спрятал за пазуху.

Другим куском карбаса он обвязал левую, якобы сломанную, руку. В складки обмотки также были спрятаны дорогие камни, как и под подвязку для руки, одетую на шею и сделанную из старого платка (полотенца). Поверх всего Васифи снова надел старый халат и вместе с переодетым Гиясиддином в течение семи дней успешно переносил драгоценности царицы, «выдавая себя за несчастного калеку» и получая в пути медные гроши от некоторых сердобольных узбекских воинов¹¹.

При отбеливании бязь могла стать белоснежной, однако в большинстве случаев ткань сохраняла желтоватый или сероватый оттенок.

Бязь окрашивали в разные цвета. В рисала читгаров на узбекском языке говорится, например, что бязь может быть восьми цветов: черного (قارا), синего (کۆк), желтого (سارق), зеленого (سبز), цвета муравья (ارنگ موری), цвета серой белки (سنجاب رنگ), фиолетового (بنم رنگ)¹².

Можно было якобы получить ткань 72-х цветов. Правда, цифра 72 была принята в мусульманской литературе как условное обозначение большого количества. В данном случае, по-видимому, эта цифра должна была означать «очень много». Указанная рисала относится ко вре-

جامه جركين [پاره] كنجيز كى را در بر كردم و فوطه پاره پاره¹⁰
علامى را با طاقچه كه لايق آن بود بر سر تابه پيش آبرو بچيدم
(Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1123).

¹¹ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1122—1128; см. также: А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества..., стр. 351—352.

¹² Рисала-и читгари, В-1900 (23), строка 56. Прочитать и определить еще одно название не удалось.

мени более позднему, однако можно вспомнить, что остатки набивной ткани из гробницы Биби-ханым очень близки к тканям XIX в., что дает нам право сведения рисала о наличии бязи разных расцветок отнести и к XVI в.

О сравнительной дешевизне бязи можно судить со слов Алишера Навои, который характеризуя купцов (تجار) и отражая их страсть к наживе, сообщает о стремлении последних превратить одну (деньгу) в сто, а бязь — в дорогостоящую ткань:

بیری یوز بولور دین باشد سودا
بوزی کتان بولور دین کوتگلیدا تمنا

По словам поэта, городские перекупщики при покупке ткани катан принимают ее как бязь, при продаже же — бязь оценивают дороже катана¹³.

Дешевая и практичная, бязь отличалась большой товарностью и имела широкий спрос на месте производства — у населения сел, городов и пригородов. Она экспортировалась также в другие области, порой довольно отдаленные. Продавцы карбаса (бязи) — карбасфурушан, упоминаются в письменных источниках¹⁴. Они производили торговые операции в городе и за его пределами.

Фазлаллах ибн Рузбихан рассказывает, что кочевое население нуждалось в ткани карбас¹⁵. В мирное время кочевники получали ее через посредство купцов, а в годы феодальных междоусобиц, когда торговые маршруты временно (иногда на продолжительное время) становились опасными и торговые операции приостанавливались, дешеткипчацкие султаны — предводители военных отрядов, организовывали, по свидетельству Ибн Рузбихана, вторжения в Мавераннахр и увозили карбас¹⁶.

К более раннему времени относится сообщение Рашид ад-дина, который среди различного рода товаров трех купцов из Бухары, шедших в области, где жили монголы, называет карбас, занданечи, златотканную ткань зарбафт (парчу) и другие сорта материй. По словам историка, Чингиз-хан «приказал дать за каждую штуку зарбафта один балыш золота, а за карбас и занданечи по балышу серебра»¹⁷.

В посольских приказах, письмах, челобитных и т. п., составленных в основном в XVII в., встречаются упоминания о ввозе среднеазиатскими послами бязи в Россию. Приведем несколько примеров. В начале 1620 г. в Казань были доставлены и распроданы ургенцким послом

¹³ Алишер Навои. Мухбуб ал-кулуб, стр. 41—43.

¹⁴ Маджму'а-йи васаяк, л. 1196.

¹⁵ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 84а.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 187—188.

«14 ямей бязи... да 270 бязей белых»¹⁸. Среди бухарских товаров, привезенных в Астрахань в 1634 г., которые Ходжа Ата-Кули не пожелал продавать в том городе, ибо цены на них были значительно ниже, и они, согласно челобитной бухарского посла к царю Михаилу Федоровичу, «стоят в Ярославле», упоминается: «664 балха белых бязей и 200 ямей бязи»¹⁹. Шестьдесят косяков бязи числятся в росписи товаров, привезенных в Московское государство хивийским послом Мухаммедом Амином Баходуром (в списке имущества самого посла называются шестьдесят «отрезков карбаса» (جامه گریانی)²⁰. Можно полагать, что

и в XVI в., особенно во второй его половине, когда усиливаются торговые и экономические связи Средней Азии с Россией, карбас вывозился в Московское государство. Также обстояло дело и позже, в XVIII в.

На карте Бухары XIX в. обозначен базар (по продаже) карбаса — Базар-и карбас²¹.

Приведенные материалы позволяют считать, что карбас удовлетворял потребности широкого круга рядовых жителей, как местных, так и других областей и стран.

В источниках имеются два указания на меру длины для измерения карбаса. В одном из них, а именно в вакфной грамоте Хусейна Хорезми, упоминается «зар'-и карбас балада-и Самарканд» (خرج گریانی). Здесь самаркандский карбасный зар' использован, согласно контексту, для измерения в Самарканде XVI в. тафты²². В другом источнике — «Маджму'-а-йи васайк» говорится об отрезе карбаса в 4½ газа большим самаркандским газом (چهار نیم گز گریانی بگز) (بلده سمرقند)²³. Следовательно, для замера карбаса в Самарканде

того времени, по нашим данным, использовались самаркандский карбасный зар' и большой самаркандский газ. Есть указание, что термины газ и зар' употреблялись в средневековой Средней Азии как синонимы²⁴.

В имеющихся в нашем распоряжении юридических документах для измерения длины ткани чит использован газ без уточнения, а для заме-

¹⁸ МИУТТ, стр. 133. Под словом «ямей» («яма») подразумевается جامه — «джамма» в значении отрез на одежду.

¹⁹ Там же, стр. 143.

²⁰ Там же, тадж. текст, стр. 426—427, перевод, стр. 168, см. также стр. 198.

²¹ А. Р. Мухамеджанов. Историко-топографический план Бухары Ахмда Дошши, ОНУ, 1965, № 5, стр. 34.

²² Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а.

²³ Маджму'-а-йи васайк, л. 96а.

²⁴ Мухаммед Вафа-и Карминаги. Тухфат ал-халик, ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 201а; Е. А. Давидович. Материалы по метрологии., стр. 110; В. Хинц. Мусульманские меры и весы..., стр. 63.

ра ширины той же ткани — газ-и мукассар («укороченный газ»). К сожалению, ни длина газ-и мукассара, ни длина большого самаркандского газа, ни самаркандский карбасный зар' для Самарканда XVI в. пока не установлены.

Алача (الاحه). Среди среднеазиатских тканей большой товарностью отличалась также алача. О ее распространенности на территории Средней Азии свидетельствуют сравнительно частые упоминания в юридических документах ткачей алачи — алачабафан; их жилые дома в Бухаре нередко встречаются в документах архива джуйбарских шейхов²⁵. Относительно Самарканда называются не только ткачи, но и мастера — алачабафы, обучающие своей профессии учеников — шагирдов.

До нас дошли три договора, составленные в связи с поступлением мальчиков на обучение к ткачам алачи. Эти соглашения были заключены в 1589—1590 гг. между мастерами Устод Кучаком, сыном Устода Джан Али, Устод Назар Мухаммедом, сыном Устода Дуст Али, и Устод Мухаммед Касимом, сыном Устода Тамли (?) Мухаммеда, — с одной стороны, и учениками (или их близкими) — Турсун Мухаммедом, сыном Курбана, Султаном Али и Кул Мухаммедом, — с другой. Согласно договорам, каждый из упомянутых шагирдов, поступая к одному из названных мастеров, должен был по истечении указанного в соглашении срока получить специальность ткача алачи²⁶.

В вакфном документе в пользу мавзолея Ишрат-хана в списке пожертвованного имущества упоминается покрывало «из алачи — катан египетский» (الاحه كتان مصري). В сносках В. Л. Вяткин уточняет, что алача, это «шелковая или пол шелковая полосатая ткань», а «катан — полотняная ткань». В другом месте того же документа слово алача встречается в связи с передачей в вакф трех занавесей, которые должны были быть повешены перед гробницей. Одна из них описывается как «алачовая, по ней обшивка катани алая и алача искадерани (александринская) с подкладкой бухарской алачи, оторочкой панбирик, и еще одна алачовая, катан с подкладкой голубой»²⁷.

Из цитируемого мы узнаем, что алача, вероятнее всего в зависимости от места выделки, определялась как бухарская и александрийская (искадерани). Возможно, в Бухаре изготовлялась алача, отличавшаяся особыми качествами, чем, на наш взгляд, и можно объяснить наличие наименований александрийская и бухарская алача.

Уже упоминалось, что в Самарканде были мастера-специалисты по выделке алачи. По данным юридического документа более позднего вре-

²⁵ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 10, 12, 52, 57, 81.

²⁶ Маджму 'а-йн васаяк, л. 118а, 119а, 121а.

²⁷ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 126, 128.

мени, в городе рядом с мучным базаром и базаром одежды находился Алача-базар²⁸. Однако мы не знаем, отличалась ли в XVI в. самаркандская алача от бухарской.

Приведенные материалы, касающиеся мастеров-алачабафов и ткачи алача, относятся к двум крупнейшим центрам экономической жизни Мавераннахра. Между тем, отдельные данные свидетельствуют о выработке алачи и в менее крупных ремесленных центрах. Так, на наш взгляд, можно рассматривать название одного из небольших селений — Дехче-и Алачабафан, входившего в селение Рахшабад тумана Руд-и шахр-и Бухара. Можно полагать, что жители этого местечка специализировались на выделке алачи. Сельцо это упоминается в документе, составленном в декабре 1561 г. в связи с покупкой земель джуйбарским шейхом Мухаммед Исламом²⁹.

В начале XIX в. алача выделялась в нескольких городах Бухарского ханства. В большом количестве ее выделяли в Шахрисабзе; а каршинцы в умении ткать эту «полущелковую ткань» «не имеют себе равных», — сообщал один из очевидцев. Однако как и прежде все это продолжало выделяться «по-старинному, ручным способом»³⁰.

Для XVI в. нет конкретных данных, позволяющих определить материал, из которого вырабатывалась алача. Отдельные сведения позволяют говорить о том, что это была полосатая хлопчатобумажная или полущелковая ткань. Вырабатывалась она из высококачественной тонкой и ровной пряжи разных расцветок. По более поздним данным, алача орнаментировалась темными или яркими, интенсивно окрашенными полосами, с темным, обычно синим, утком³¹.

Широкому распространению алачи способствовали ее прочность и дешевизна³².

Название алача, по мнению О. А. Сухаревой, происходит от слова «ала» (У) — «пестрый». Именно поэтому в России эта ткань была известна под названием «пестрядь»³³. В описях товаров, доставляемых из Средней Азии в Московское государство в XVII в., в числе других тканей нередко упоминаются пестряди. Например, в сообщении

²⁸ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 10484.

²⁹ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 200.

³⁰ Абд-ур-Рауф. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). Перевод с перс. А. Н. Кондратьева, Самарканд, 1913, стр. 59, 60, 74, 98.

³¹ О. А. Сухарева. Художественные ткани, стр. 26; М. В. Фехнер. Торговля русского государства..., стр. 71.

³² Ал Вамбери. Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865, стр. 154, 351; О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 58, 61; П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, ЗИРГО, кн. X, СПб., 1865, стр. 286.

³³ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 61; Она же. Художественные ткани, стр. 26; А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., стр. 44.

об «отпуске из Туринска в Верхотурье бухарских купцов с ними товар» называются две пестряди и еще пять пестрядей; посол хивинского государя Араб-хана в 1620 г. продал в Казани 670 пестрядей; в 1620-х гг. бухарец Ходжа Ибрахим привез в Россию 1300 киндяков цветных; в росписи товаров, привезенных из Средней Азии в середине XVII в., числятся 18 косяков пестрядей; в списке разграбленных товаров хивинского посла называются 50 пестрядей³⁴.

Полосатые ткани, правда довольно редко, мы видим на костюмах некоторых персонажей, на подушках-мутаках и других предметах обихода, изображенных на миниатюрах XV—XVI вв.³⁵

По преданию, изложенному в двух рисала мастеров-ткачей «Бафандалик рисаласи» и «Рисала-и бафандачилик», составленных на узбекском языке, основателем искусства выделки алачи считался Шейх Наджмиддин Кубра³⁶.

Фута (فوطه فوته). В письменных источниках нередко упоминается фута (фата) — легкая полупрозрачная ткань, как это установлено для более позднего времени.

В. Клейн, проанализировавший техническое строение тканей и рассмотревший типические особенности в переплетении их нитей, на основании исследования сохранившихся образцов футы пришел к заключению, что фута — ткань всегда чисто шелковая, состоящая из тончайших некрученых нитей, тогда как фута-покрывало, по его определению, могла быть разнообразных сортов, в том числе и миткалевая, т. е. хлопчатобумажная³⁷.

На рынках Самарканда, как видно из юридических документов, обращалась и шерстяная фута. Так, например, в числе товаров Муллы Раджуи Мултани (юридический документ, составленный в Самарканде в самом конце 1589 г.) упоминается шерстяная фута (فوطه موی بافی)³⁸.

В Средней Азии XV—XVI вв. термин фута использовался для обозначения разных деталей одежды. Ею мог быть кусок ткани, кото-

³⁴ МИУТТ, стр. 109, 133, 134, 153, 169, 198. По определению В. Клейна, киндяк — окрашенная бумажная материя (В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 70; См. также: Ю. Н. Завадовский. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.), Труды Института востоковедения, вып. III, 1954, стр. 142.

³⁵ Например, ткань подушки под головой больного Бабура. Миниатюра 8 (Миниатюры к Бабур-наме, Ташкент, 1969).

³⁶ Бафандалик рисаласи, ркл. ЛО ИВ АН СССР, № В-1900 (8), л. 56; Рисала-и бафандачилик, л. 8а.

³⁷ В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 65; Абул-Фазл Бейхаки. История Мас'уда 1030—1041, Ташкент, 1962, стр. 740.

³⁸ Маджму 'а-йи васайк, л. 184а.

рый в виде тюрбана обматывался вокруг головы. Футой — большим продолговатым шелковым платком женщины покрывали голову.

Среди захваченного завоевателями у покоренного населения Хисара платьев (کونجلاک), кафтанов (خفتانلار), халатов

(چکمن) и чекменей (حبه) Мухаммед Салих называет и футу (فوطه), которую в данном контексте можно рассматривать как пояс или чалму³⁹.

Длинная полоса ткани фута применялась как кушак для перепоясывания халата (кушаки — фата فوطه числятся, например, в росписи среднеазиатских товаров 1641 г.). На миниатюрах гератско-самаркандских мастеров верхние платья мужчин нередко перетянуты широкими или узкими матерчатыми кушаками. Спускающиеся концы кушаков, обтягивающих фигуры знатных вельмож, расшиты золотом.

Золотом обычно вышивались и концы чалм. Такими были, надо полагать, девять «чалм кисейных шелковых концы с золотом», упомянутых в списке товаров балхского посла Ходжа Ибрахима, ограбленного в 1640 г. предводителями калмыков по дороге в Астрахань⁴⁰. Футой же, вероятно, более дешевыми сортами, перепоясывались ученики при обряде камар-баста — посвящения их в мастера⁴¹.

Специальная рабочая фута — пояс (فوتہ کار), вероятнее всего, старый поношенный кушак, надевался мастерами-читгарами перед тем как приступить к работе в мастерской, так же как и другие виды рабочей одежды کرته کار, طاقه کار, جامه کار⁴².

Полосы футы использовались и как банные полотенца. Зайниддин Васифи, передавая рассказ о событиях конца XV в., говорит, что обычно скромно одевавшийся Абдурахман Джами (а между тем, он был очень богат), опоясывался банным полотенцем из футы.

Фута, как деталь одежды знатного юноши конца XV в., упоминается в «Бадаи' ал-вакаи'». Она определяется как йездская тканая золотом (فوطه زرینت برقی). В Герате этого времени указанная фута оценивалась в 50 танга⁴³. Фута-и бенареси, называемая в другом источнике (конец XVI в., Самарканд), оценивается значительно дешевле — в 2 танга⁴⁴.

³⁹ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 105.

⁴⁰ МИУТТ, стр. 150.

⁴¹ Е. М. Пешерева. Гончарное производство в Средней Азии, стр. 330.

⁴² Рисада-и читгари, № 5003, л. 14а.

⁴³ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', стр. 623, 541.

⁴⁴ Маджиу 'а-йи васанк, л. 26а.

Известно, что в форменных одеждах фатимидских халифов перевязи из футы и других тканей разной ценности служили одним из существеннейших признаков различий их носителей⁴⁵. Также, надо полагать, было и в Средней Азии: представители разных социальных слоев населения надевали пояса разных ценностей.

В казийском документе конца 1589 г. в перечне товаров разных тканей и ткацких изделий, полученных Устодом Джаухаром, сыном Абдуллы, и его супругой Биби Саусан, дочерью Абдурахима, называется несколько видов футы: две штуки футы джамрутинской (جمرونی), три штуки футы белой танасарийской (?) (موی بافی), четыре штуки футы шерстяной (تانه سری)⁴⁶. Упоминание в документах о футе александрийской, йездской и индийской (три «футы индийских» значится в росписи товаров, привезенных балхским послом Ходжа Ибрахимом; это название, вероятно, могло объединить джамрутинскую, танасарийскую и бенаресскую футу)⁴⁷ наводит на мысль, что в зависимости от места производства фута отличалась определенными качествами.

Фута выделялась в XVI в. и на территории Самарканда. В сборнике казийских решений имеется соглашение о поступлении в обучение к мастеру ткацкой футы Устоду Шахмухаммеду Футабафу, сыну Устода Яр Кули, ученика по имени Мир Мухаммед, сына Кутлук Мухаммеда. По истечении четырех лет ученик должен был приобрести специальность ткача футы (فوطه بافی)⁴⁸. По другому соглашению (от того же года — 998 г. х.) из той же серии документов, мальчик по имени Субхан-Кули отдан был в обучение профессии футадача (فوطه دار) мастеру Устоду Субхи⁴⁹.

К приведенным данным следует добавить сведения, заключенные в акте о разделе имущества, оставшегося после смерти самаркандского скупщика Тагри Берди⁵⁰. В описи товаров числятся 15 штук футы-и набафта (فوطه نابافته), оцененных в 75 танга. Содержание термина набафта не выявлено, можно только полагать, что под этим словом подразумевается полусырье, из которого в дальнейшем изготовлялась фута. Среди наследства называются также 429 штук футы-и талвали

⁴⁵ К. Иностранцев. Торжественный выезд фатимидских халифов. ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 63.

⁴⁶ Маджму 'а-йи васанк, л. 184а; Казийские документы XVI в., Док. 57, текст.

⁴⁷ МИУТТ, стр. 153; Заин ад-дин Вассифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 541.

⁴⁸ Маджму 'а-йи васанк, л. 119б.

⁴⁹ Там же, л. 120а. Значение термина (فوطه دار) не выяснено.

⁵⁰ Там же, л. 229а—229б.

(فوطه كليم) (?), а также фута- и гилим (فوطه تلولى), К сожалению, значение данных терминов также не выявлено, поэтому отдельные места, и в том числе цитированные, остаются для нас не ясными. Следует также отметить необходимость дальнейшей работы по выявлению содержания и других встречающихся терминов. Тем не менее, сведения акта могут служить материалом, характеризующим сложный процесс изготовления отдельных видов тканей и детальное разделение труда при их изготовлении.

На самаркандских и бухарских рынках реализовывались разные виды футы, имевшие, как указывалось, различное назначение, часть их вывозилась в другие страны, в их число входили и транзитные, в частности, фута, выделяемая в разных областях Индии и перевозимая через Среднюю Азию в Россию.

В конце 1641 г. хивинский посол Мухаммед Амин Баходур привез в Москву большое количество разных тканей и изделий из них. Среди них в «Росписи посольским Эминь-Богатыря животам» называются семьсот штук кушаков, в соответствующем месте персидско-таджикского текста определенных как фута: *فوطه هفت صد عدد*⁵¹, т. е. в Россию из Средней Азии в XVII в. доставлялись специально изготовленные полотнища ткани, предназначавшиеся для кушаков, которые считались необходимым дополнением к распространенным в то время длиннополым кафтанам⁵². В Московское государство привозилась также фута, предназначавшаяся для покрытия головы (убрус) и для чалмы («9 чалм кисейных шелковых концы с золотом»). Фута упоминается и в списке подарков хивинского посла Надира Мухаммеда, которые были преподнесены разным чиновным лицам, о чем он в 1679 г. сообщал в челобитной царю Федору Алексеевичу⁵³.

Наше внимание привлекает тот факт, что в списке подарков, преподнесенных царю Михаилу Федоровичу бухарским послом Кази бей Ногаем, упоминаются два разных вида футы: «фата же полосатая шелковая» и «фата кисейная»⁵⁴, что подтверждает бытование в рассматриваемый период разных видов футы.

Термин фута в более позднее время встречается в русских источниках как изделие, выделяемое в России из среднеазиатского хлопка и полушерсть. В записках о девятилетнем странствовании Филиппа Ефремов в 70-х годах XVIII в. пишет, что в Средней Азии «в великом количестве родится хлопчатой бумаги, из коей прядут пряжу, а из пряжи

⁵¹ МИУТТ, текст, стр. 426—427; перевод, стр. 168.

⁵² М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 73.

⁵³ МИУТТ, стр. 440.

⁵⁴ М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей..., стр. 34.

ткнут чадры, широкий холст, с которого у нас [в России] делают полуситец, набойку, кисей, пестряди, выбойки, фаты, бурметы, бязи и другие разные ткани, кои отвозятся в другие земли»⁵⁵.

Итак, на рынках Самарканда и Бухары обращалась фута разных сортов и видов — бумажная, шелковая, шерстяная, — имевших разное назначение и производившихся в разных местах, в том числе и в Средней Азии (по нашим данным, в Самарканде).

Согласно одной из рисала ткачей, основателем тканья футы считался Ходжа Абдулхалик Гиждувани⁵⁶.

Катан (کتان). Прочная и дорогая, ткань катан находила применение в аристократических кругах. Из нее делались скатерти (дас-тархан-и катан — **دستار خان و کتان** упоминается среди имущества, передаваемого в вакф в пользу мавзолея Ишрат-хана), шились халаты (джама-и катан), а также матрацы (бастар-и катан **بستر کتان** числится в описи имущества самаркандского скупщика, которое подлежало разделу между наследниками). Иногда одежда из катана отделывалась золотым шитьем и драгоценными камнями.

Сравнение катана и бязи — наиболее дорогой и очень дешевой ткани, — приведенное Алишером Навои⁵⁷, прекрасно осведомленным в вопросах экономики страны, дает нам представление о ценности катана.

По свидетельству Зайниддина Васифи, все вельможи Герата времени Абдурахмана Джами носили изысканные роскошные одежды из шерсти, красного сукна (сакарлат) и катана. Видимо, катан был разной расцветки. Тот же автор, описывая костюм эмира Ходжи Пира, одного из приближенных Султана Хусейна, говорит, что он был одет в полотняный халат — джама-и катан, украшенный золотым шитьем и драгоценными камнями. В руках у него был платок из голубого катана⁵⁸.

По упомянутому вакфному документу 1464 г., составленному от имени Хабибы Султан, дочери эмира Сухраба, среди движимого имущества, передаваемого в пользу мавзолея Ишрат-хана, называется надгробное покрывало из египетского катана⁵⁹. Пять матрацев из катана числятся в списке имущества скупщика Тангри Берди⁶⁰. Все это говорит о распространении среди зажиточной части населения ткани катан. Мы не располагаем конкретными данными о выработке катана на территории Средней Азии.

⁵⁵ Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 26.

⁵⁶ Рисала-и бафандачилик, л. 76.

⁵⁷ Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, стр. 41, 42.

⁵⁸ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', стр. 623, 553.

⁵⁹ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 126.

⁶⁰ Маджму 'а-йи васанк, л. 2296.

Тафта (تافته). Упоминания об этой ткани в наших источниках крайне редки. Более конкретные данные имеются в вакфной грамоте Хусейна Хорезми, согласно которой тафта использовалась для чалмы-тюרבана (دستار). Чалма из тафты длиной в 5 зар⁶¹ «карбасным зар^{ом} города Самарканда» (يگ دستار تافته پنج ذرعى بلرع كرباس) (بلده سمرقند) входила в число одеяний, которыми мутавалли вакфа должен был ежегодно наделять потомков Хусейна Хорезми, если они станут «нуждающимися»⁶¹.

Занданечи (занданиджи) (زندانيجى). Населению многих стран (Ирака, Фарса, Кермана, Индостана и других) издавна (с VII—VIII вв.) была известна среднеазиатская ткань занданечи. Ее название происходит от селения Зандана близ Бухары, славившегося своей ткацкой мастерской. Первые сведения об этом согдийском центре шелкоткачества относятся к раннему средневековью. Наршахи рассказывает, что при дворах европейских правителей занданечи покупались «по той же цене, что парча». Название этой ткани сохранилось и в более позднее время, хотя с течением столетий она значительно изменилась, как внешним видом, так и материалом из которой она вырабатывалась. История данной ткани неоднократно привлекала внимание историков⁶².

В источниках XVI в., написанных на узбекском и таджикском языках, нам не встречалось наименование занданечи. Между тем, в описях, приводимых в посольских приказах и в других документах на русском языке, среди товаров, ввозимых в Россию из Средней Азии во второй половине XVI и в начале XVII в. (а основную часть их составляли бумажные материи), одно из важных мест занимает «зендень» (от среднеазиатского занданечи). Из 5 тыс. кусков материй, присланных в 1585 г. в Москву на продажу, 4200 были кусками зенденя⁶³. В челобитной Мухам-

⁶¹ Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а.

⁶² Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs a la Transoxiane. Texte persan public par Ch. Schefer, Paris, 1892, p. 18; Абу Бакр Мухаммад ибн Жазфар Наршахий. Бухоро тарихи, форс-тожик тилидан таржима А. Расулвоники, Тошкент, 1966, стр. 22; Мухаммед Наршахи. История Бухары, перевел с перс. Н. Лыкошин, Ташкент, 1897, стр. 29 и сл.; П. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской оружейной палаты, СПб., 1865, стр. 40; В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 68; В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии..., стр. 442—443; А. М. Беленицкий и И. Б. Бонтович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества; D. G. Shepherd and W. B. Henning. Zandaniji Identified. Aus der Welt der Islamischen Kunst, Festschrift für Ernst Kulmel, Berlin, 1959, Отд. оттиск, стр. 56; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 75; А. А. Иерусалимская. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом (Об одной уникальной ткани из Северокавказского могильника Мошелея Балка). НАА, 1967, № 3.

⁶³ М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 75.

меда Али, посла бухарского хана Абдуллы II, к московскому царю Федору Ивановичу (1585 г.) в списке даров числится 2400 кусков материи, из них — 2100 «зенденей» («всяким цветом» и «объяринных»). «Изюрский» посол Кадиш, прибывший в Москву в 1589 г., привез товар, состоящий из разных сортов «зенденей». Зендени известны были на Руси и в более раннее время. Берестяная грамота (XIV—XV вв.) сообщает, что жительница Новгорода Марина просит купить зендяницу⁶⁴.

Указывается также, что в 1616 и 1619 гг. через Астрахань в Казань «бухарскими и юргенскими тезиками», т. е. купцами Бухары и Ургенча, были привезены зендени: красные, цветные, семенди, узкие и широкие. В 1654 г. через посла хивинского хана Абулгази — Давлат Мамеда, прибывшего в Москву, была передана просьба «прислать в Астрахань бухарских зенденей на 2765 рублей 10 алтын по бухарской цене»⁶⁵.

Эти примеры говорят о важном месте «зендени» в ассортименте текстильных товаров, ввозимых в Россию «тезиками Кизилбашскими, тезиками Бухарскими и Юргенцами». В то же время, приведенные извлечения не позволяют установить, какой вид ткани подразумевался под наименованием «зендень», был ли это какой-нибудь один определенный вид ткани?

Разрешению этих вопросов могут помочь сведения из тех же источников — писем, челобитных, ярлыков конца XVI—XVII в., написанных на персидско-таджикском и узбекском языках и переведенных на русский язык. В челобитной бухарского посла Мухаммеда Али, уже упомянутого выше, среди разных других товаров называются две тысячи «кусков зенденей всяким цветом» и сто «объяринных зенденей»⁶⁶. А в посольском письме русскому царю Федору Ивановичу от «юргенского» посла Ходжа Мухаммеда, прибывшего в 1585 г. вместе с упомянутым Мухаммедом Али сначала в Астрахань, а затем в Казань, в списке купонов тканей числятся двести зенденей красных «да два зенденей всяких цветов». В челобитной от 1589 г. посол Кадиш жалуется царю Федору Ивановичу на «государевых торговых людей сурожского ряду» Москвы, отказавшихся платить за купленные у него зендени. «Имал, государь, у меня зендени чары и семенди всяким цветом и черленые зендени, — пишет он, — и за те, государь, за все деньги платятца, а за 100 за черленые не платят, запираютца»⁶⁷. При перечислении товаров бухарца Ходжа Ибрахима Мухаммедова (?) («Хозя-Брегим Магметова»), вместе с другими товарищами отпущенного из Казани вверх по Волге в Ниж-

⁶⁴ МИУТТ, стр. 98, 104; В. Л. Янин. Я послал тебе бересту, МГУ, 1975, стр. 149.

⁶⁵ МИУТТ, стр. 208, 209.

⁶⁶ Там же, стр. 98—99.

⁶⁷ Там же, стр. 104.

ний Новгород, упоминается триста зенденей семенди цветных и пятьдесят дюменди цветных. Намного больше, 2626 зенденей червчатых, 2000 зенденей цветных чаровых и 1530 зенденей семенди цветных, значится в списке товаров купца Ходжа Ата-Кули, прибывшего в Ярославль в 1634 г. с ярлыком от имени бухарского хана Имам-Кули.

Далее, в росписи «посольским» товарам, привезенным хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром, числится 1150 зенденей цветных семеней, 2400 зенденей меньшие, 100 зенденей широких бухарских.

Хивинский посол от Абулгази-хана Назар Надыркулов, направлявшийся в Астрахань в 1646 г., был ограблен в пути. В явочной челобитной на имя царя Алексея Михайловича в списке товаров, бывших у него до нападения, он называет 400 зенденей чаровых цветных, 200 зенденей красных чаровых, 100 зенденей бурметей⁶⁸.

Следовательно, в конце XVI—XVII вв. в России известны были привозимые из Средней Азии «зендени широкие бухарские», «зендени бурмети», «зендени всяким цветом», «зендени красные», «зендени красные чаровые», «зендени цветные чаровые» («чаровые цветные»), «зендени чары» («чаровые»), «зендени семенди всяким цветом» (или «семенди цветные»), «зендени дюменди цветные», «зендени черленые», «черевчатые», «объяринные зендени».

Эти сведения позволяют полагать, что под названием «зендень» могли подразумеваться разные ткани, отличавшиеся между собой расцветкой, шириной («широкие бухарские»), возможно, качеством. Наше мнение подкрепляется тем фактом, что в таджикском тексте описи товаров, привезенных хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром, слово зендень вообще отсутствует, в то время как в переводе этого текста на русский язык зендень упоминается трижды. Ниже приводятся соответствующие места из таджикского текста указанной росписи и перевод их на русский язык, опубликованные в «Трудах Историко-археографического института и Института востоковедения» в разделе «Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв.».

1. سه باندی الوان هزار و صد و پنجاه عدد — «1150 зенденей цветных семеней». (В данном случае слово «себанди — سه باندی» переводчиком, а позже и издателем, не переведено и передано в искаженной форме «семенди»).

2. دو لیم باندی دو هزار و چهار صد عدد — «2400 зенденей меньшие руки». (Здесь «дунимбанди — دو لیم باندی» переведено «меньшие руки»).

⁶⁸ Там же, стр. 135, 143, 168, 198.

3. سه بندی الوان صد عدد. — 100 зенденей широких бухарских». (В этом случае «себанди» — سه بندی передано словами: «широких бухарских»)⁶⁹.

Во всех приведенных текстах на таджикском языке название зендень не упоминается. В первом и третьем примерах изделие определяется словами: «себанди алван» (себанди пестрый), во — втором: «дунимбанди». В русских же текстах во всех трех случаях добавлено «зендень».

Определенный интерес представляет термин себанди (سه بندی), который в русском переводе документа передается в форме «семенди». Это обстоятельство ввело в заблуждение исследователей, интересовавшихся его смысловым содержанием.

Рассматривая значение слова «семенди», В. В. Бартольд писал: «из названий различных видов «зендени» остается необъясненным слово «семенди». В словаре Вуллерса слово «Семенд» приводится как название деревни близ Самарканда; возможно, что ткань семенди выделялась там, хотя в известных мне восточных географических сочинениях этого названия нет, не было его, по-видимому, и в вакуфных документах, исследованных В. Л. Вяткиным»⁷⁰.

Приведенные выше тексты из документов позволяют считать, что слово «семенди» является неправильно переданным персидско-таджикским словом «себанди» (سه بندی). Также в искаженной форме вошел в литературу термин «дюменди», встречающийся в переводах посольских писем на русский язык. Правильное чтение слова «дубанди» (دوبندی) дает основание считать, что речь идет об определенном виде ткани. Термины дубанди, дунимбанди и себанди, как и пурбанд (پربند), встречающиеся в документах при упоминании материй, отражают число нитей основы, т. е. плотность тканей⁷¹.

По определению В. Клейна, изучившего сохранившиеся образцы тканей в Оружейной палате и Историческом музее в Москве, «зендень» — чисто бумажная ткань без всякого шелка. По технике выработки она схожа с миткальными тканями, однако нити толще. Миткаль же определяется им как ткань полотняного переплетения без окраски⁷².

На основании сказанного можно заключить, что под наименованием «зендень» подразумевалась целая группа тканей. В этом отношении

⁶⁹ Там же, текст, стр. 426—427, перевод, стр. 168.

⁷⁰ В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии..., стр. 443.

⁷¹ Маджму' а-йи васайк, л. 122а, 182б, 184а. О содержании указанных терминов см. Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла..., стр. 52, 53, 82, 83 и др.

⁷² В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 68.

был совершенно прав В. В. Бартольд, отметивший, что под общим названием «зендень» понимались разного вида ткани⁷³.

Выше были приведены некоторые данные о выработке и применении хлопчатобумажных тканей, выделявавшихся, в основном, среднеазиатскими мастерами. Мы остановились лишь на тех из них, относительно которых удалось собрать сведения более подробные, чем случайные упоминания. В действительности же список местных тканей был более обширным. В тех же источниках называются, например, малля (в русских источниках — мелля) — хлопчатобумажная ткань коричневатого, естественного цвета хлопка, малмаль (ململ), малмаль шахский (ململ شاهی), чубтар (?) (в текстах встречаются جوبتار и صوبتار), хосса (حاصه) и др.

На рассмотренных примерах можно заметить, что ткани, изготовлявшиеся местными мастерами, были разными. С одной стороны, это предназначенные для рядового населения, с другой, — более дорогие, вытканые из ровной тонкой пряжи, украшенные набивным рисунком, а порой и вышивкой — для более обеспеченных горожан.

Некоторые ткани подвергались после выделки дополнительной отделке — набиванию узоров и лощению. Судя по наличию специального наименования, лощением тканей занимался мастер-лощильщик — пардазгар (پردازگر). Набивание узоров на ткань производилось читгаром.

Чит (چیت). Все имеющиеся в нашем распоряжении упоминания о специалистах по набиванию ткани и самой ткани чит, относятся к Самарканду. Подобных сведений относительно Бухары XVI в. нет. Остается неясным, объясняется ли это случайным характером письменных сообщений, или же Бухара в этот период, как и в более поздний, не специализировалась на выделке набойки.

В Самарканде конца XVI в., согласно документальным данным, проживало несколько специалистов по набиванию ткани (их, конечно, могло быть гораздо больше). Один из них — Мулла Джамал Читгар, как явствует из договора об ученичестве, составленного 26 зулка'да 998 г. х. (26 сентября 1590 г.), должен был за четыре года обучить своей специальности (صنعت چیت گری) поступившего к нему в обучение мальчика по имени Худай-Кули, сына Тенгри-Кули. Имя другого — Лахури Читгара, сына Лалю, упоминается в долговой расписке. По документу зулхиджа 997 г. х. (13 октября 1589 г.) он обязан был по требованию «господина Дарья-хана, сына Шейха Саади», вернуть

⁷³ В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии., стр. 442.

ему долг в сумме ста пятидесяти танга ханских, серебряных в один мискаль.

В других юридических документах встречаются указания на продукцию, изготавливаемую читгарами. Тому же «господину Дарья-хану» по истечении условленного времени (четыре месяца) лицо, именуемое в документе Мулла Хусейном, обязано было вернуть долг, заключающийся в тридцати двух кусках чита пурбанд семицветного (پوربند چیتا هفت رنگ), каждый длиной в двенадцать газов и шириной в один газ-и мукассар⁷⁴.

26 числа месяца раби 1-го 998 г. х. (февраль 1590 г.) было вынесено еще одно решение в кази-хана Самарканда. По нему некий Маддуд Казар Мултани, сын Муллы Мухаммеда Мултани, признавал за собой долг в сумме ста двадцати танга ханских, серебряных, чистых в один мискаль, новых в тридцать динаров, которые он по истечении двух месяцев обязан был отдать Мулле Фатхулле, сыну Муллы Якуба Мултани. Сумма эта являлась стоимостью сорока кусков купонов (چرچه) чита пестрого (ملون) пурбанд (پوربند), длина каждого из которых составляла двенадцать газов, а ширина — без одного гереха один газ газ-и мукассаром⁷⁵. Следовательно, стоимость одного купона равнялась трем танга. В обоих случаях длина ткани чит составляла 12 газов, а ширина в первом случае один газ газ-и мукассаром, в другом — на один герех меньше.

В самом конце 1589 г. был составлен еще один юридический документ, из которого мы узнаем, что Устод Джаухар, сын Абдуллы, и его супруга Биби Саусан, дочь Абдурахима, получили по долговой расписке (توبیگ) разные ткани и ткацкие изделия (всего четырнадцать наименований), в том числе и разные виды чит: семь кусков (عدد) чита пурбанд семицветного, три куса чита пурбанд красного, один газ с четвертью газ-и мукассаром чита бикчи (?) красного (بیکچی), три газа упомянутым газом чита городского (شهری), красного⁷⁶. Этот документ опубликован в числе других образцов официальных документов XVI в., но без перевода. А между тем зафиксированная торговая сделка представляет большой интерес. Из содержания доку-

⁷⁴ Маджму 'а-йи васайк, л. 122а, 182а, б.

⁷⁵ Там же, л. 182б; Казанские документы XVI века, Док. 4 (сравни текст и перевод). Герех равен 6,625—6,69 см. (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии... стр. 116, см. также, стр. 113). В приведенном тексте из документа герех составляет часть газ-и мукассар, т. е. укороченного газа. Размер последнего для Самарканда XVI в. пока не установлен. В Иране укороченный газ по Шардену=63,16 см, по Фрайеру=68,58 см (В. Хиниц. Мусульманские меры и веса..., стр. 63).

⁷⁶ Маджму 'а-йи васайк, л. 184а.

мента мы узнаем о торговле по долговой расписке — тамассук, об участии в торговых сделках наряду с мужчиной женщины, об обращении на самаркандских рынках ткани чит разных сортов и расцветок.

В этом документе купоны чита семицветного пурбанд и чита красного пурбанд, числящиеся в списке текстильных изделий, называются без указания длины и ширины. Вместе с тем, в тот же список включены чит красный шахри и чит бикчи, длина которых определена метражно: «один газ с четвертью газ-и муксаром чит бикчи и три газа упомянутым газом чит красный шахри»⁷⁷.

Следовательно, чит мог продаваться и в купонах и метражно. Названные раньше размеры купонов чита семицветного и пестрого позволяют предположить, что в последнем случае купон чита так же состоял из ткани в 12 газов. Действительно, отсутствие размера в третьем случае, при упоминании метражного чита в том же документе заставляет думать, что длина и ширина ткани в купонах была практически установленной. Вероятнее всего, что здесь они были такие же, как в двух первых примерах. Только в таком случае можно было, на наш взгляд, не указывать размера купонов.

Известно, что ткани, предназначенные для одежды, изготовлялись и продавались целыми кусками и в более раннее время. Еще во времена Ибн Хаукаля «выделялись ведарийские хлопчатобумажные ткани, которые надевают целыми кусками, не обрезанными... эти ткани густые и нежные; цена куска ткани доходит от двух динаров до двадцати»⁷⁸.

В своей статье Д. Г. Шеперд и В. Б. Хеннинг, основываясь на анализе куска шелковой ткани занданечи, хранящегося в соборе г. Юи, и на извлечении из юридического сочинения, в котором говорится, что длина каждого (куска) занданечи равняется 16 локтям⁷⁹, также отметили практику продажи материи в Средней Азии в купонах.

Поштучно перечислялись ткани и в описях товаров среднеазиатских послов. Слово «адад» (عَدَد), дословно означавшее «число», «величина», «количество», «штука», при переводе текста на русский язык передавалось словом «штука» (иногда в переводе оно опускалось). Ткани в России определялись и в косяках (кусках)⁸⁰. В описи товаров балхинского посла Ходжа Ибрахима упоминается восемнадцать кося-

⁷⁷ Там же. Казийские документы XVI века, Док. 57, текст.

⁷⁸ В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии., стр. 441.

⁷⁹ D. G. Shepherd and W. B. Henning. Zandaniji Identified, pp. 15—40.

⁸⁰ Кисак — кусок, отрез материи (Татарско-русский словарь, М., 1966, стр. 260);

кесак — отрезок, кусочек (Махмуд Кошгарий. Тюркий сузлар девони, т. I, стр. 372).

ков пестряди, столько же косяков кисен и столько же миткали. Сто пятьдесят косяков миткалей, обозначенные в тексте как *صد و پنجاه توب*, числятся в списке товаров хивинского посла Мухаммеда Амина Баходура.

В отдельных случаях слова «штука» и «косяк» опускаются. Так, в челобитной бухарского посла Мухаммеда Али царю Федору Ивановичу от 1585 г. называются 2000 зееней «всяким цветом», 200 мелей, 100 объяринных зееней, 100 дорог. «Бухаренин Хозя-Брегим Магметов» отпущен был «ис Казани... в Нижний... а с ним товару: 1300 киндяков цветных, 300 зееней семенди цветных, 23 дороги бухарские, 20 завесов выбойчатых, 150 кушаков харчевых, 50 зееней дюменди цветных». В других документах ткани, названные среди среднеазиатских товаров, также числятся без упоминания слова штука⁸¹.

Поштучно перечисляются, как уже говорилось выше, ткани при купле-продаже и в казийских документах XVI в. Здесь упоминается, например, 32 штуки (*عرد*) чита пурбанд семицветного, 40 штук чита разноцветного пурбанд, 7 штук чита пурбанд семицветного, 3 штуки чита пурбанд красного без указания размера ткани в каждом куске.

В «Рисала-и читгари», написанном на узбекском языке, мы находим довольно подробное описание процесса набивания бязи⁸². В связи с предписанием произносить соответствующие выражения из Корана при выполнении разных этапов работы, в этом уставе излагаются отдельные приемы производства набивной ткани, а именно предварительной подготовки бязи и нанесения на нее узоров. Набивание ткани производилось вручную, было довольно сложным и трудоемким делом, связанным с целым рядом последовательно выполняемых технических приемов: варкой бязи в котле, пропитыванием материи специальной протравой бузгун, высушиванием протравленной ткани, набиванием узоров, кипячением материи, крашением ее в кипящем растворе краски в течение определенного времени, прополаскиванием в проточной воде и т. д.⁸³. Неоднократное прополаскивание набойки делало возможным производство этой ткани лишь в местах с проточной водой.

Рисунок отпечатывался при надавливании на ткань калыба (штампа для набивания рисунков), опущенного перед тем в раствор краски.

Из содержания рисала видно, что мастера-набойщики не ткали материю, а лишь отделявали готовую ткань. Поэтому для XVI в. вряд ли

⁸¹ МНУТТ, стр. 153, 168, текст, стр. 427, 135, 98—101 и др.

⁸² Рисала-и читгари, № 1900 (23).

⁸³ Рисала-и читгари, № 5003, л. 19а—19б. Техника производства набойки, изложенная в рисала, совпадает с описанием процесса набивания рисунков, сделанным на этнографических материалах в работах: А. М. Миронюк. Производство хлопчатобумажной маты и набоек, стр. 1137—1152; О. А. Сухарева. Набойка, стр. 43—60.

можно рассматривать читгаров как «ремесленников-ткачей местного ситца»⁸⁴, равно как и «мастеров, ткущих выбойку или подкладочную материю»⁸⁵.

Можно полагать, что набойщики пользовались тканями, приобретенными со стороны. Это подтверждается и материалами более позднего времени. О прямой связи читгаров с рынком говорится в упомянутом рисала: «Если [тебя] спросят, что нужно читать при отправлении на базар, то читай...». Далее приводится стих из Корана, который полагалось читать в тот момент, когда брали в руки бязь (буз)⁸⁶. На связь с рынком указывает и другое рисала читгаров: «Если тебя спросят, что читать при купле-продаже, то отвечай...» (далее приводится стих из Корана)⁸⁷.

В конце XVI в. в Самарканде известны были красный, пестрый и семицветный чит (могли быть и другие). Ткани чит отличались также и другими качествами, что характеризуется словами пурбанд, бикчи (?), шахри. Получение разных окрасок чита достигалось последовательным нанесением одних красок на узор другого цвета.

Судя по упомянутому рисала, читгары сами готовили растворы красок для набивания ткани. Это требовало от них определенных знаний химических процессов. Мастер-читгар должен был в какой-то мере владеть искусством орнамента и обладать художественным вкусом.

Судя по остаткам набивной ткани, найденной в гробнице Биби-ханым, среди орнаментальных мотивов доминирующее место занимал цветной узор. Один из исследователей изящно заметил, что восточному мастеру фон ткани «всегда представлялся почвой с произрастающими из нее цветами», растительный мотив был для него не срезанным цветком, а «реальным живым созданием природы со всеми функциями жизни, создавшей его»⁸⁸.

Из текста рисала читгаров выясняется, что ткань, подготовленная к набивке, называется базз (буз) или карбас (в рисала на таджикском языке). После нанесения узора одноцветный базз (буз, карбас) превращался в цветную набойку — чит, как он и называется с того момента в рисала⁸⁹. Выделка разноцветной орнаментированной ткани чит была более сложной и трудоемкой, поэтому набойка, особенно та, которая отличалась красивым узором, должна была цениться дороже одно-

⁸⁴ СВР АН УзССР, т. VIII, стр. 449.

⁸⁵ В рукописи «Рисала-и читгари», № В-1900 (23) имеется заголовок на русском языке: «Рисоля для мастеров, ткущих выбойку или подкладочную материю».

⁸⁶ Рисала-и читгари, № В-1900 (23), строка 57–58.

⁸⁷ Рисала-и читгари, № 5003, л. 14 б.

⁸⁸ Э. К. Кверфельдт. Черты реализма в рисунках на тканях и коврах времени Сефевидов, ТОВЭ, т. III, Л., 1940, стр. 264.

⁸⁹ Рисала-и читгари, № 1900 (23).

цветных бязей. Среди малообеспеченных слоев населения сбыт находила более дешевая бязь темно-синего кубового цвета, практичная и довольно нарядная⁹⁰.

Как уже упоминалось, бязь вывозилась из Средней Азии в Московское государство. В списках ткацких изделий, экспортируемых из Средней Азии, указываются также «выбойки», «завесы выбоечные», «выбойки индейские»⁹¹. Как видно из приведенных ниже материалов, выбойками в России называли набойку — чит.

Среди товаров, доставленных хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром в 1641 г., в перечне тканей числятся сто штук индийского чита (چیت ہندی). В переводе на русский язык, термин «чит» (چیت) передан словом «ситец»: «индийский ситец 100 штук»⁹².

По-видимому, «чит» в Средней Азии и «ситец» в России уже в XVII в. использовались как равнозначные определения одной и той же ткани.

По определению В. Клейна, занимавшегося анализом тканей, миткаль — это хлопчатобумажная ткань без окраски. Если же на ней сделать узор, то она становится «набойкой»⁹³, т. е. тканью с узорами, нанесенными с помощью специального штампа. По цитированному рисунку набивная ткань называется чит, а кустарные заведения, где производились набивные ткани, известны были, по данным более позднего времени, под названием «читгар-хана»⁹⁴.

Совокупность всех этих данных позволяет считать, что наименования «чит», «ситец» и «набойка» использовались в XVI—XVII вв. применительно к одной и той же ткани.

Кроме выделки и обработки хлопчатобумажных тканей в среднеазиатских городах XVI в. было распространено искусство обработки шелка. Письменные источники этого времени упоминают о разведении шелковичных червей и занятии шелкоткачеством, что было известно в Средней Азии с незапамятных времен.

В документе, выданном карасканскому сенду, указывается, что с населения одного из районов Андижанской области взимался сбор с коконов — «пилла»⁹⁵. Факт разведения шелковичных червей жителями других районов можно установить из косвенных данных, например, упоминаний в документах большого числа тутовых насаждений. В отдельных случаях они являются, согласно документам, предметом купли-продажи. К 1562 г. относится купчая о приобретении Ходжой Мухаммедом

⁹⁰ А. М. Миرون в. Производство хлопчатобумажной маты и набоек..., стр. 1144.

⁹¹ МИУТТ, стр. 134, 168.

⁹² Там же, текст, стр. 168, перевод, стр. 426—427.

⁹³ В. Клейн. Иноземные ткани., стр. 70.

⁹⁴ А. М. Миرون в. Производство хлопчатобумажной маты и набоек., стр. 1141.

⁹⁵ Хужжатлар, Док. 61.

Исламом Джуйбари семидесяти тутовых деревьев, находившихся на площади, равной приблизительно одному с половиной танапа, расположенной в вилаете Каракуль⁹⁶.

Основываясь на документальных данных, П. П. Иванов в числе мастерских, приобретенных Ходжой Са'адом называет специальные мастерские, где производилось разматывание шелковых коконов (куданг-куби)⁹⁷.

Наличие разных терминов, использовавшихся для определения лиц, занятых обработкой шелка, говорит о существовании в XVI в. ряда профессий, связанных с подготовкой шелка-сырца и шелковых нитей.

По нишану, выданному на имя надзирателя ткачей (ناظری حاکمه) : упоминающийся в указе шелк (اسریشم) поступал на городской рынок из области (از اطراف و جوانب) ⁹⁸. Следовательно, в рассмотренном случае (по всей вероятности, и в других) сырье закупалось мастерами, ткавшими шелк, на рынке у перекупщиков или непосредственно у сельских жителей. В то же время можно предположить, что разведением шелковицы могли заниматься в городе и в пригородных районах.

Привезенный в город шелк взвешивался на весах⁹⁹. Основная обязанность надзирателя, согласно указу, состояла в наблюдении (личном или через особых представителей) за учетом привезенного шелка, а также в обеспечении взимания натурального сбора соответственно весу полусырья. Необходимость такого надзирателя можно объяснить значительным количеством доставляемого в город шелка.

Указание на сборы пилла говорят о том, что коконы взимались также у крестьян в счет уплаты налога.

Из отдельных, в большинстве своем случайных, упоминаний можно составить список шелковых тканей, изготовлявшихся местными мастерами, однако установить их полный перечень невозможно. Относительно одних имеются указания о выделке на территории Средней Азии, место изготовления других можно установить лишь по косвенным данным. В результате археологического обследования склепа-мавзолея эмира Бурундука в ансамбле Шахи-Зинда обнаружено детское погребение с остатками полуистлевшей ткани. Закрепление и реставрация их показали, что это был плотный узорчатый шелк, вытканый простым полотняным переплетением из некрученой нити. Некоторые признаки

⁹⁶ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 310.

⁹⁷ П. П. И в а н о в. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 63.

⁹⁸ Мактубат ва аснад, л. 1166.

⁹⁹ Там же.

позволили исследователю предположить, что эта ткань местного среднеазиатского производства¹⁰⁰.

Для наименования некоторых тканей, возможно шелковых, применялся специальный термин тавар (توار).

В значении «ткань» этот термин используется Махмудом Кашгари¹⁰¹.

Согласно другим словарям, тавар означал шелковую материю, атлас, камку¹⁰². Именно такое содержание можно вложить в данный термин в тексте анонимного сочинения начала XVI в. «Таварих-и гузиде-и нусрат-наме»¹⁰³.

Бархат («бахмал», «махмал» — مخمل, بخرمجل). Одной из самых распространенных тканей праздничных одежд феодальной аристократии был бархат. Из него изготовлялись покрывала и занавеси, подстилки для сидения, подушки.

Особый сорт бархата вырабатывался в Самарканде. Из тимуридского, а позже шейбанидского государства этот дорогостоящий товар поставлялся в другие страны. «Еще один самаркандский товар — малиновый бархат, — писал в своих мемуарах Захириддин Бабур. — Его вывозят во все края и страны»¹⁰⁴.

Сорт малинового бархата — кермези (مخمل قرمزی) был довольно распространенным, о чем говорят отдельные сообщения письменных источников¹⁰⁵. Ткани красных цветов считались на Востоке цветом женщин и детей, что отмечается в поэтических произведениях Алишера Навои.

Экспортировался бархат из Средней Азии и в Московское государство, хотя далеко не в тех размерах, в каких доставлялись дешевые и практичные хлопчатобумажные ткани. Бархат поступал в Россию также в качестве «поминков», присланных русским царям среднеазиатскими правителями.

Определение бархата по месту производства не всегда точно отражает место его выделки. Например, виницейскими и флорентийскими,

¹⁰⁰ Н. Б. Немцева. К истории тканей и одежды..., стр. 247, 251.

¹⁰¹ Махмуд Кошгари. Туркий сузлар девони, т. 1, стр. 388.

¹⁰² Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869, т. 1, стр. 382.

¹⁰³ Таварих-и гузиде-и нусрат-наме, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В—745, л. 146.

¹⁰⁴ Бабур-наме, стр. 62. The Babar-nama, л. 48a:

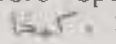
سمرقند تينک ينه بر متاعی قرمزی مخمل دور
کيم اطراف و جوانب قه ايلتارلار.

¹⁰⁵ На распространенность малинового бархата в аристократических семьях указывает использование определения «махмал-и кермези» для сравнения с обожженным телом служанки. Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакии', т. II, стр. 1138.

как отметил В. Клейн, назывались все лучшие сорта бархата, вырабатывавшиеся в Италии вообще¹⁰⁶.

Как говорилось выше, под термином «зеендень» в России XVII в. подразумевались разные виды тканей. Аналогичным примером являются хлопчатобумажные ткани, известные под названием «мервских». Ткани, называвшиеся «мервскими», «выделялись, между прочим, в Западной Персии», — писал В. В. Бартольд¹⁰⁷. Географическое наименование, перешедшее на название изделия, не всегда соответствовало месту его производства. Возможно, и самаркандский бархат кермези был известен в России под другим названием. Любимыми цветами бархата в допетровской России были темно-красный, красный; вишневый, алый, зеленый и черный. Вполне возможно, что среди разного оттенка красных цветов бархата был и цвет кермези — ярко-красный, выделявшийся в XVI в. в Самарканде.

Выделка шелковой ткани с мягким густым низким ворсом на лицевой стороне, каким является бархат, представляет технически довольно сложный процесс и свидетельствует об относительном совершенстве ткацкого искусства того времени.

Камка (камха — , камхаб —). Испанский посол Рюм Гонзалес де Клавихо, около трех месяцев проживший в столице империи Тимура — Самарканде, отметил, что богатство Самарканда «заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях» — атласе, камокане (камке, камхе), тафте и других, которых, по его словам, «там делается очень много»¹⁰⁸. Остановимся на ткани камхаб, называемом Клавихо «камоканом». Отличительная особенность этой ткани, по Клейну, — наличие как в основе, так и в утке ее, шелковых нитей почти одинаковой толщины. По словам того же исследователя, камка в России была самой употребительной из шелковых тканей¹⁰⁹.

В Средней Азии дорогая шелковая ткань камхаб служила феодальным фамилиям. Платья из этой ткани обычно преподносились послам государей. Из сообщения испанского посла Клавихо можно полагать, что камка производилась в Самарканде (или в другом ремесленном центре тимуридского государства). Однако Антоний Дженкинсон, посетивший Бухару в конце 1558 г. и пробывший здесь в течение двух с половиной месяцев (с 23 декабря 1558 г. по 8 марта 1559 г.), причисляет этот род ткани к привозившимся из Китая. Он писал, что в мирное время из китайских стран привозят в Бухару мускус, ремень, атлас, камку и тому подобное¹¹⁰, т. е. камка у него называется среди ввози-

¹⁰⁶ В. Клейн. Иноземные ткани... стр. 37.

¹⁰⁷ В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии... стр. 443.

¹⁰⁸ Клавихо. Дневник путешествия... стр. 327.

¹⁰⁹ В. Клейн. Иноземные ткани... стр. 56.

¹¹⁰ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию... стр. 184.

мых тканей. В то же время некоторые данные позволяют считать возможным производство этой ткани и на территории государства Тимура.

В своем интересном исследовании «Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV веках» А. М. Беленицкий приводит текст из сочинения Хафиза Абру, в котором автор дает описание встречи в Герате в 1379 г. племянницы жены Тимура, в связи с выдачей ее замуж за сына Гиясиддина — Пир Мухаммеда. В проведении пышных празднеств по поводу встречи невесты соответственно приказу государя приняли участие и городские ремесленники. По свидетельству Хафиза Абру, каждый цех (*برقہ*) ремесленников приготовил удивительное зрелище: чистильщики хлопка соорудили минарет из хлопка, а ткачи камки несли ткацкий станок, на котором тут же работали¹¹¹.

Можно предположить, что и в Самарканде того времени также умели производить эту дорогую ткань. Возможно, камка выделялась и в XVI в. Одновременно иные сорта этой ткани могли ввозиться из других стран, к которым и можно было бы отнести сообщение Антония Дженкинсона. По торговым книгам XVII в. в России, например, были известны несколько сортов камки, доставляемых из разных стран Востока и Запада: адамашка, виницейская, гирейская, есская или индейская, кизилбашская, царегородская, астрадамская, мисюрская, немецкая и китайская¹¹². Последняя экспортировалась и на среднеазиатские рынки.

Камка могла быть одноцветной и многоцветной. Соответственно выделке определялась цена. «А кое камка толще, та и лучше», — сообщалось в торговой книге¹¹³.

В допетровской Руси собственного производства шелковых и парчевых тканей не было¹¹⁴, потребность господствующих кругов и зажиточных слоев населения в изделиях из этих тканей удовлетворялась ввозом из других стран.

В числе импортируемых в Россию дорогих тканей заметное место занимала камка. Ткань эта упоминается и в списках подарков, доставлявшихся московским государям послами среднеазиатских правителей. В ярлыке Надир Мухаммад-хана от 1050 г. х. (1640/1641 г.), составленном на имя русского царя «северные страны обладателя» Михаила Федоровича, в числе поминок называются одиннадцать «камков золотых»¹¹⁵.

¹¹¹ А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников..., стр. 190.

¹¹² В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 56.

¹¹³ М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 68.

¹¹⁴ К. В. Донова. Ткани, Сб. «Оружейная палата», М., 1964, стр. 182.

¹¹⁵ МИУТТ, стр. 154.

Камка упоминается также в числе подарков от среднеазиатских ханов и в других грамотах. «Да послал к вам («великому князю Михаилу Федоровичу») в поминках камочку золотную да бабр», — сообщается в ярлыке (март 1643 г.) хивинского хана. «2 камки золотные, да 2 лука» отправил в поминках царю Алексею Михайловичу венценосный историк, автор «Шаджара-и тюрк» — Абулгази-хан¹¹⁶.

Значительный интерес представляет тот факт, что Василию Даудову и Юсуфу Касымову, отправленным в Бухару из Москвы в 1675 г., было приказано добиться, чтобы хан присылал в Москву «с послы своими в поминках.... зарбафы и камки и атласы золотные и иные узорчатые самые добрые товары....»¹¹⁷.

О бытовании камки в Бухарском ханстве в XVII в. мы узнаем из сообщения московскому царю Алексею Михайловичу бухарского посла Мулла Фаруха. Однако, по его словам, в Бухаре ее было «мало и те обыкновенные». Посол к тобольскому воеводе от Имам-Кули-хана Чобак Балыков «бил царю челом бархатом червчатым и камочкою цветною «плохими»¹¹⁸.

Относительно некоторых тканей, ввозимых в Россию из Средней Азии, в документах уточняется, что камка была «кизилбашская» или «китайская», т. е. завезенная в Среднюю Азию. Так, о рассмотренной выше камке, присланной Абулгази-ханом, в «Отписке астраханских воевод...» от мая 1654 г. сообщалось: «А что к тебе государю Юргенской Абыл-Гази царь прислал в дарех с гонцом з Давлет Маметом — 2 камки кизилбашские цветные, одна бруснична, а друга зелена з золотом, да 2 лука мешецкие»¹¹⁹.

В другом документе в росписи ханских даров балхского правителя Субхан-Кули Баходур-хана «белому бийю» Федору Алексеевичу от 1678 г., которые у посла Али Мурад чухра-окаси были отняты яицкими казаками, числятся восемьдесят «камок золотных китайских»¹²⁰. А бухарский посол Мулла Фарух, посетивший Москву, показал, что из Бухары в Индию торговые люди ходят постоянно и привозят оттуда, в основном, дорогие узорчатые ткани, камки (камхаб) и атласы, а также драгоценные камни¹²¹.

Однако всегда ли камка, присылаемая из Бухары, Ургенча и Балха, была не среднеазиатского происхождения? Для выяснения этого вопроса требуются дополнительные материалы.

¹¹⁶ Там же, стр. 207.

¹¹⁷ В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете, 1888, кн. III, М., 1889, стр. 49.

¹¹⁸ В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., стр. 11.

¹¹⁹ МИУТ, стр. 209.

¹²⁰ Там же, стр. 236.

¹²¹ Русско-индийские отношения в XVII в., Сб. документов, М., 1958, Док. 92, стр. 170.

Судя по данным более позднего времени, среднеазиатские ремесленники производили и другие шелковые изделия. Так, Филипп Ефремов отмечал, что в Бухаре «выкармливают шелковые черви, кои производят множеству шелку, из коих ткут парчи полосатые с золотыми и серебряными узорами, атласы, бархат, магроматы, кутни полосатые с золотыми мелкими травками и всякие другие парчицы»¹²². К сожалению, более подробных данных об изготовлении в среднеазиатских мастерских в интересующий нас период шелковых тканей обнаружить не удалось.

Имеющиеся скудные данные говорят о выработке в Самарканде XVI в. шерстяных тканей.

Интересный термин *سقرلات مالی* — валяние сукна (?), который мог бы в какой-то мере характеризовать эту отрасль ремесла, для нас не совсем ясен. Термин *сакарлат* (*سقرلات*) означает тонкую шерстяную ткань красного цвета. Не связана ли с производством этой ткани деятельность Устода Паянда Мухаммеда, сына Муллы Султана Мухаммеда, в обучение к которому в 1590 г. поступил Шахмухаммед, сын Курбана Али? Последний по истечении трех лет должен был приобрести специальность *сакарлатмали* (*صنعت سقرلات مالی*) в такой степени, что «мастера упомянутого искусства одобрили бы» его знания¹²³.

Из другого юридического документа, составленного в том же году, мы узнаем, что неоднократно упоминавшийся в казийских решениях скупщик-ростовщик Дарья-хан, сын Шейха Саади, в числе других товаров купил белый расчесанный козий пух (*پوش سفید شاه کرده*)¹²⁴, который, надо думать, в дальнейшем поступал к ткачам шерстяных тканей.

В целом материалы, извлеченные из письменных источников, позволяют наметить общие черты, характеризующие ремесла, связанные с производством ткацких изделий.

Текстильная промышленность среднеазиатских городов XVI в. включала группу отраслей, вырабатывавших пряжу и ткани из хлопка, шелка и шерсти.

Для изучаемого периода было характерно территориальное отделение сырья от производства тканей. Конкретные данные об этом имеются в указе, выданном на имя надзирателя ткачей и в юридическом документе, составленном в Самарканде в 1590 г.¹²⁵

¹²² Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 26.

¹²³ Маджму'а-йи васанк, л. 120а.

¹²⁴ Там же, л. 189а.

¹²⁵ Мактубат ва аспад, л. 116б—117а; Маджу'а-йи васанк, л. 189а.

Ассортимент среднеазиатских тканей в XVI в. был довольно разнообразен. Это были материи всевозможных сортов и видов, изготовлявшиеся из разной пряжи и отличавшиеся техникой выделки. «Пестрые» и «семицветные» набойки, однотонные, полосатые, с цветочным, в основном мелким, орнаментом, естественного цвета хлопка и отбеленные ткани резко отличались друг от друга.

Изготавливались ткани в купонах, определенной длины, но в отдельных случаях и метражно.

Для измерения тканей использовались, согласно нашим источникам, следующие меры длины: зар'-и карбас (карбасный зар') города Самарканда, большой самаркандский газ, газ-и мукассар — укороченный газ, и более мелкая мера — герех (могли быть и иные). Все извлеченные нами упоминания о мерах длины для замера тканей относятся к Самарканду XVI в.

Из пряжи ткали так же штучные изделия: платки, покрывала, тюрбаны, пояса-кушаки. По договору, составленному в Самарканде 11 зулькада 997 г. х. (21 сентября 1589 г.), некая Аваз (عوض)-бика, дочь Устода Шира, отдала в обучение своего сына Тимура. Мастер Устод Абдулла, сын Муллы Баглаки (باغلقی) должен был за три года обучить того мальчика «искусству чахаргулбафи» (اصنعت چهارگل بافی).

Неясно, означал ли этот термин тканье платка или покрывала с узорами на четырех углах или же — узорчатую ткань. В последнем случае это могло быть свидетельством наличия сложного ткацкого станка для тканья узорчатой ткани.

По сравнению с другими специалистами, ткачи (бафанда, алачабаф, футабар, джамабаф и другие) чаще упоминаются в просмотренных нами источниках. Это, как и ряд других косвенных данных, позволяет считать, что мелкие производители, занятые выделкой тканей, составляли значительную часть ремесленного населения Бухары и Самарканда.

Сложный процесс производства таких тканей, как бархат, фута, алача и некоторых других, отделка чита и т. п. требовали квалифицированных мастеров, каждый из которых занимался выделкой лишь одного вида. Обычно к собственным именам специалистов добавлялись профессиональные наименования соответственно виду ткани, вырабатываемой каждым из них: бахмалбаф, шахибаф, футабар, читгар, алачабаф, чахаргулбаф и т. п. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует, что изготовление подобных тканей составляло основное занятие перечисленных лиц.

¹²⁸ Маджму'а-йи васанк, л. 1186.

Возможно, независимо от изготавливаемой ткани, ткачи объединялись в одну корпорацию. О широких полномочиях начальника ткачей, которому подчинялись не только ткачи — джамабафы (جامه يافى), но и продавцы определенного вида тканей — баззазы, мы узнаем из нишана, выданного упомянутому надзирателю Камалиддину Зикрие¹²⁷. Этот указ, как и рисала ткачей («Бафандалик рисаласи» и «Рисала-и бафандачилилик» на узбекском языке)¹²⁸, свидетельствует об объединении широкого круга специалистов, имевших дело с ткацкими изделиями. Хотя у нас нет конкретных данных, все же можно полагать, что в зависимости от выполняемой работы ремесленные организации могли отличаться одна от другой.

Набойщики же, наносившие узор на готовую ткань (как об этом свидетельствует наличие специального рисала читгаров на узбекском и таджикском языках, а также отсутствие набойщиков в числе перечисленных в рисала мастеров, занятых тканьем), составляли особую организацию.

Степень развития отраслевой системы в ткацком производстве характеризуется наличием особых дуканов по продаже разных (дорогих?) тканей (баззазан بازارات)¹²⁹, а также специализированных торговых рядов и базаров: Алача, Баззазан, Карбас, Лаввафан (базар прядильщиков), улицы золотошвеев — Зардузан и других¹³⁰.

Следует отметить одну очень интересную деталь. Наряду с мастерами, занятыми выделкой определенного вида ткани, были также продавцы, имевшие дело только с продажей и лишь одного вида ткани: карбаса (كارباس فروش), дорогих материй (بزار) и т. п., что свидетельствует о специализации торговли текстильными изделиями.

В рассматриваемый период, как и в более ранние века, практиковалось нанесение на ткань отличительных знаков. Об этом мы узнаем из юридического документа, оформленного в Самарканде 27 мухаррама 998 г. х. (6 декабря 1589 г.). Он был составлен в связи с получением Маулана Хафизом Ак-Мухаммедом, сыном Ходжи Мухаммеда, по доверенности (توكالت مطلقه عامه) (ниже, в тексте документа, эта доверенность называется тамассук — تهمك), данной ему со стороны Мирзы Салима, сына Маулана Ибрахима Садра, следующих тканей:

¹²⁷ Мактубат ва аснад, л. 1166—117а.

¹²⁸ Рисала-и бафандаги, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-1900 (2), л. 5а, 7б; Рисала-и бафандаган, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-2036, л. 137а.

¹²⁹ Из архива шейхов Джулбары, Док. 10, 30.

¹³⁰ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 10484; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 23, 27, 231; Из архива шейхов Джулбары, Док. 10, 31.

один мандил-и сунарками (مندیل سونار کامی), один чубтар-и хай-рабади (چوبتار خیر آبادی), один хосса-и сунарками (خاסה), один малмал-и шахи (مال مال شاهی), один катан-и (?) (کاتان (?)), один гуджерати (گجراتی).

Далее в документе указывается, что «каждый из этих пяти упомянутых кусков [ткани] украшен печатью упомянутого господина садра»

هر یک از این پنج عدد پارچه مذکور مزین بمهر¹³¹ جناب صدر مذکور. Следовательно, на ткани, в данном случае привезенные из Индии (что явствует из их наименований), в отдельных случаях наносилась пометка. Поскольку в документе говорится о «печати вышеупомянутого господина садра», можно полагать, что речь идет о проставлении на ткани оттиска печати с именем Мирзы Салима, сына Маулана Ибрахима Садра. Оттиск печати был поставлен на все перечисленные в акте ткани, как это можно заключить из содержания документа.

Целью опечатывания тканей могло быть освобождение товаров от взимания таможенных пошлин, число которых (на чем мы остановимся ниже в специальном разделе) было довольно значительным. При этом, высокое звание садра должно было гарантировать свободный провоз перечисленных товаров, а возможно и их перепродажу. Вполне вероятно также, что проставление оттисков печати предохраняло ткани от возможной замены их другими.

Рассмотренный факт о нанесении на ткань оттиска печати является единственно известным указанием о метке на ткань в XVI в. Для раннего средневековья подобный случай рассмотрен в работе Д. Г. Шеперда и В. Б. Хеннинга и в статье А. М. Беленицкого и И. Б. Бентовича. В статье двух последних исследователей высказана мысль, что подобная надпись на ткани могла быть таможенной или торговой пометкой.

Перечисленные ткани изготовлялись в мастерских-дуканах и домах ткачей (например, алачабафов). Основная их масса предназначалась для продажи. В то же время можно полагать, что грубые хлопчатобумажные ткани, в том числе и бязь, выделялись повсеместно для личного пользования не только в домах крестьян, в хозяйствах которых можно было наблюдать объединение добывающей и обрабатывающей отраслей, подобных тем, которые В. И. Ленин назвал «домашней промышленностью», но и в бедных городских семьях, члены которых сами

¹³¹ Маджму'а-и-и васайк, л. 1826.

готовили для себя и семьи одежду, скатерти, покрывала и другие бумажные изделия, необходимые в быту.

Из окружающих селений в город привозили пряжу, ткани домашнего изготовления, а из специализированных местечек и другие материалы, более тонкой выделки.

Таким образом, одни мастера ткали ткань для себя, другие ткали ее для продажи и сами же реализовывали свою продукцию, третьи передавали изделия купцам, которые, не принимая никакого участия в производстве, занимались только их скупкой и сбытом. Следовательно, в области ткацкого производства наблюдалось наличие разных видов ремесла: домашнего, на заказ и на рынок. В целом производство имело товарный характер.

Изготовление таких тканей, как самаркандский бархат и бухарская алача можно рассматривать как примеры свидетельства специализации Самарканда и Бухары на выделке отдельных видов тканей. Для более ранних столетий подобная специализация была отмечена в работе А. Ю. Якубовского, который писал: «Почти каждый город славился выделкой той или иной хлопчатобумажной, шелковой, а иногда и шерстяной ткани»¹³².

Специализация Самарканда и Бухары на производстве разных сортов тканей и местное своеобразие этих тканей способствовали распространению торговли текстильными изделиями за рамки местных рынков. Убедительный пример в этом отношении — производство малинового бархата в Самарканде, изготовлявшегося в расчете на экспорт «во все края и страны».

Название сельца Алачабафан, упоминающегося в документе XVI в., можно рассматривать как один из примеров специализации жителей данного местечка на производстве определенного вида ткани, изготовлявшегося местными мастерами в расчете на вывоз. Город являлся основным центром изготовления тканей, но не единственным.

Ткацкие изделия составляли одну из основных статей внутренней и внешней торговли среднеазиатских городов, а также являлись одним из предметов обмена с кочевой степью. В этой области наблюдается разная форма соединения торгового капитала с ремеслом.

Как отметили К. Маркс и Ф. Энгельс, «Наряду с ткавшими для собственного потребления крестьянами, которые продолжали — и поныне продолжают — это делать, в городах возник новый класс ткачей, ткани которых были предназначены для всего внутреннего рынка, а по большей части также и для внешних рынков»¹³³.

¹³² А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии., стр. 5.

¹³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 55

В Самарканд и Бухару доставлялись разнообразные материи из других городов шейбанидского государства. Однако среднеазиатская знать не довольствовалась местными тканями. Для удовлетворения ее вкусов ввозились дорогие материи из других стран. Ярлык бухарского хана Абдулазиза (1643) был выдан «торговому человеку» Ходже Ибрахиму для того, чтобы он купил в России для ханского обихода «узорчатые русские товары», «шелк цветной». Тонкие белые ткани, «которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатобумажной бумаги», доставляли из Индии. Оттуда же завозили ткани чит, чубтар, хосса и другие. «Персы привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно (и) пестрые шелка», «из Китайских стран в мирное время и, когда проезд свободен, сюда привозят атлас, камку и тому подобные вещи»¹³⁴, — отмечает Антоний Дженкинсон. Ткани завозились в Среднюю Азию также из Афганистана, а согласно сообщению автора «Манокиби Ходжа Ахрар», и из Турции¹³⁵. В свою очередь, из Самарканда и Бухары снаряжались большие караваны, которые доставляли ткани в другие государства.

Выше были приведены сведения из описей, на основании которых можно составить список среднеазиатских тканей, экспортировавшихся в Московское государство в конце XVI—XVII в. Они составляли основную часть вывозившихся в эти края товаров.

Среднеазиатские ткани доставлялись также в соседние степные районы, как об этом сообщают Фазлаллах ибн Рузбихан, Султан Бабур и другие историки¹³⁶. А относительно вывоза товаров в Хивинское ханство Дженкинсон, посетивший Ургенч в 1558 г., писал, что в городе «одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или из Персии...»¹³⁷.

Основное место среди экспортируемых товаров занимали хлопчатобумажные ткани, привлекавшие малосостоятельного потребителя сравнительной дешевизной, прочностью и яркими красками. Массовый сбыт и внутри страны и за ее пределами имели теплые и прочные бязи, разноцветные набойки-чит, ткани из более толстой пряжи — алача. Таким образом, в рассматриваемый период Средняя Азия являлась производителем и экспортером тканей и изделий, главным образом, из хлопка. В меньшей степени вывозились шелковые материи. В отличие от раннего средневековья основная масса экспортной продукции ткачей была рассчитана не на феодальную знать, а на средние слои населения.

¹³⁴ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 184.

¹³⁵ Р. Н. Хабиев. Из истории политико-экономической жизни., стр. 38.

¹³⁶ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман наме-йи Бухара, л. 84а.

¹³⁷ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 177.

Широкая торговля способствовала расширению ткацкого производства на землях среднеазиатских государств. При полном господстве феодального строя ткачество, которое занимало ведущее место в ремесленной промышленности, по-прежнему оставалось основанным на ручном труде и выработка высококачественных материй была возможна лишь благодаря традиционному умению народных мастеров.

КРАСИТЕЛИ, КРАСИЛЬНОЕ ДЕЛО

С производством тканей тесно связано красильное дело. Анализируя встречающиеся в письменных памятниках разрозненные, маленькими крупицами разбросанные сведения, можно убедиться в том, что в результате крашения ткани приобретали тот или иной цвет достаточной прочности. Любовь народа к яркому цвету отразилась в интенсивной окраске тканей, упоминания о которых имеются в источниках. Судя по рисала набойщиков, бязь могла быть окрашена в восемь цветов. «Если (тебя) спросят, каких цветов бывает бязь [буз]? То отвечай: восьми цветов», — поучает рисала и называет следующие цвета: черный (قارا), синий (كوك), желтый (ساراق), зеленый (سبز), муравьиный (?), темно-фиолетовый (красный) (رنگ موری), (رنگ بنفشه), цвета серой белки (رنگ بزم رنگ) и ? — رنگ کرم.

В рисала дается также совет отвечать в таком же порядке о семидесяти двух цветах¹³⁸, хотя в тексте не указывается, о каких именно.

Среди возможных расцветок бязи, перечисленных в упомянутой рисала читгаров, нет красного. Однако в XVI в. красный цвет использовался довольно активно: чит красный (سرخ) и чит красный шахри (سرخ شاهی), зендени «красные» и «червленые»¹³⁹ так же, как и детали одежды красного цвета, нередко упоминаются в письменных памятниках конца XV—XVII в.

В числе ткацких изделий в юридических документах, составленных в Самарканде в связи с приобретением их в кредит, называются также многоцветные ткани чит — пестрый (ملون) и семицветный (هفت رنگ).

Окрашивались ткани в основном растительными красками, которые отличались интенсивностью тонов и чрезвычайной стойкостью.

¹³⁸ Рисала-и читгары, № В-1900 (23), строки 56—57.

¹³⁹ Черленый, червленый — красный. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. III, М., 1971, стр. 628.

¹⁴⁰ Маджму'а-йи васик, л. 184а, 182б.

П. И. Пашино, собравший в 60-х годах XIX в. большую информацию о Туркестане, отметил, что среднеазиатские ткани, сотканые из окрашенной нитки, отличались нелиночестью¹⁴¹. Такими же прочными были в XVI столетии краски, использовавшиеся для нанесения разноцветных узоров на бязь. Подтверждением тому может служить фрагмент полувскрывшей хлопчатобумажной набивной ткани, обнаруженной при вскрытии гробницы Биби-ханым. Рисунок этой ткани сохранился, несмотря на то, что с момента ее выработки прошло больше пяти столетий¹⁴².

Добыча растительных и минеральных красок была делом сложным, требующим определенных знаний в области химических процессов. При приготовлении красок, как видно из рисала читгаров, практиковалось соблюдение весовых соотношений, для чего использовались специальные весы (*میشقال ترازو*) и гири (*میشقال*)¹⁴³. Рецепты красок отработывались в результате длительной практики и многолетнего труда и обычно хранились в большой тайне. Знатоки рецептов изготовления красок порой находили общее признание лишь в зрелые годы, о чем свидетельствует нишан из «Мактубат ва аснад». Согласно указу Шейбанида Абдулазиз-хана, последний проявил внимание к мастеру, познавшему тайны изготовления красок — Мулле Мир Мухаммеду Хусейну Афшангару, когда тот был уже убелен сединой. С юношеских лет до глубокой старости занимался Мулла Мир Мухаммед Хусейн приготовлением красок и посвятил этому всю жизнь. Он смешивал разные составы подобно лекарственным и мог получить оттенки красок, напоминавшие цвета павлина¹⁴⁴.

Крашение тканей производилось как в специальных мастерских-красильнях, так и в домашних условиях. В юридических документах XVI в. довольно часто упоминаются красильни, применительно к которым использовались арабские и персидские слова — дука-и саббаги и дука-и рангрез (*دكان صبائی دكان رنگرزی*). Сами мастера-красиль-

щики также назывались по-разному — саббаг и рангрез (*صبّاع رنگرز*).

Наши материалы не включают каких-либо данных, свидетельствующих о разнице между носителями этих терминов, одновременно встречающихся в однотипных документах (хотя, по всей вероятности, разница между ними была)¹⁴⁵. В Бухаре конца XVI в. проживали Ходжа Юсуф

¹⁴¹ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 140.

¹⁴² О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара., стр. 80.

¹⁴³ Рисала-и ифакчилик, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № 1900 (2), л. 96—11а.

¹⁴⁴ Мактубат ва аснад, л. 198а, б.

¹⁴⁵ В современном Иране красильщики также обозначаются двумя этими терминами.

Али Саббаг, сын Устода Садриддина Саббага, Ибн Али Саббаг, сын Устода Ходжи Мухаммеда Му'аззина и Устод Могул Рангрес; что же касается Самарканда, то в первой четверти этого столетия здесь жили и работали Мубарак-Кадам Саббаг, сын Абдуллы, Хусейн Саббаг, сын Султана Дервиша и многие другие¹⁴⁶.

Обучение навыкам крашения требовало значительного времени. Обычно мастера-красильщики готовили себе помощников из числа членов своей семьи и близких родственников. Вместе с тем имеются сведения о подготовке специалистов и из посторонних лиц.

В сборник казийских документов вошел договор, заключенный при поступлении на обучение ученика со стороны 7 зулка'да 997 г. х. (17 сентября 1589 г.) в «высоком здании суда» (در محكمه عليه).

Согласно его содержанию, Науруз Мухаммед, сын Шамухаммеда, поступил в ученичество к Устоду Хасану, сыну Устода Мухаммеда Хусейна Саббага. Последний должен был за три года обучить мальчика красильному ремеслу (صنعت صبائی)¹⁴⁷.

Случайно сохранившийся материал показывает, что, как и среди других ремесленников, из среды красильщиков выделилась более зажиточная прослойка. Один из представителей этой прослойки Мулла Яр Мухаммед Саббаг, сын Мир Дервиша, выступает в юридическом документе как кредитор, ссудивший довольно крупную денежную сумму Мулле Мухаммед Саиду, сыну Низамиддина. Последний согласно документу от 9 ша'бана 998 г. х. (13 июня 1590 г.) должен был через 16 месяцев вернуть кредитору 349 тагга-и хани (в указанную сумму, видимо, входили и проценты за ссуду)¹⁴⁸.

Красильни в Бухаре и Самарканде располагались в основном рядом или на территории базаров, по соседству с другими мастерскими и лавками. По данным «Вакф-наме», на территории Самарканда имелись, например, три красильни на базаре Эмир-зода Мухаммеда и по две красильни на базарах Ходжа Мухаммед Чап и Дар-и махкама-и кухна¹⁴⁹, в Бухаре же джуйбарским шейхам принадлежали два дукана-красильни, находившиеся «вне тима», красильный дуکان с худжрой на улице Масжид-и Гоукушан и сукнийат¹⁵⁰ красильного дукана с айваном на базаре Дарваза-и поу на улице Масжид-и маулана Рахматулла¹⁵¹. Эти красильни названы в связи с оформлением акта передачи в вакф и куп-

¹⁴⁶ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 4, 90, 266; Вакф-наме, текст, стр. 123, 129, перевод, стр. 236, 240.

¹⁴⁷ Маджму'а-лн васанк, л. 118а.

¹⁴⁸ Там же, л. 187а.

¹⁴⁹ Вакф-наме, текст, стр. 126, 130 и др., перевод, стр. 238, 241.

¹⁵⁰ О термине сукнийат см.: Р. Г. Мукминова. К изучению среднеазиатских терминов тагджа, сукнийат, ички, Сб. «Письменные памятники Востока», Ежегодник, 1968, М., 1970, стр. 129—130.

¹⁵¹ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 37, 44, 278.

ли-продажи разного вида имущества, т. е. совершенно случайно. В действительности же число их в двух городах могло быть значительно больше. Вполне возможно, что в городские красильни поступала для окраски не только пряжа, изготовленная в городе, но и привозимая из окрестностей.

Краски широко применялись не только в текстильном производстве, но и в ряде других, например, в гончарном деле. Несколько красильных дуканов вместе с дукан-хана, как и некоторые другие недвижимости, приобретенные джуйбарскими шейхами, находились в Гиждуване, где в этот период довольно развито было гончарное производство. Эти красильни располагались на улице Касагаран — мастеров, изготавливавших посуду — каса, а один из прежних владельцев красильни, продавший ее джуйбарскому шейху, именуется Махмудом, сыном Устода Султана Мухаммеда Касагара Гиждувани¹⁵². Подобные сведения позволяют считать, что красильщики работали в тесной взаимосвязи с гончарами. Однако в домах гончаров и в мастерских ремесленников, специализировавшихся на отделке тканей, например, в читгар-хане, краски умели готовить и сами мастера.

В рукописохранилище Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР хранится рисала для мастеров, имевших дело с обработкой шелка, — «Рисала-и ифакчилик» (رساله ايفاكجي ليکي).

Из него мы узнаем, что при приготовлении красок мастера пользовались весами и гирями, что говорит о практике соблюдения определенных весовых соотношений¹⁵³.

Красители применялись не только в текстильном и гончарном производствах, но и в других отраслях ремесла. До нас дошли, например, первая и вторая главы (باب) не установленного сочинения о приготовлении киновари и окраске бумаги (در ريختن شنگوف و رنگ کردن کاغذ)¹⁵⁴.

Растительные и некоторые минеральные краски находили значительное применение при производстве бумаги. Письмо на Востоке считалось красивым, если оно было написано на цветной бумаге. Многие богато оформленные манускрипты имели широкие поля, которые вырезались из окрашенной бумаги кремового, розового, светло-бирюзового, бледно-желтого, голубоватого тонов.

Автор трактата по каллиграфии (1514 г.) Султан Али Мешхеда советует писать не на белой бумаге, а на слегка окрашенной, дабы меньше утомлялись глаза.

¹⁵² Из архива шейхов Джуйбари, Док. 283, 285.

¹⁵³ Рисала-и ифакчилик, л. 96, 11а.

¹⁵⁴ Персидские и таджикские рукописи..., ч. 1, № 1275.

«Нет цвета лучше, чем [у бумаги] китайской¹⁵⁵. Нет нужды в том, чтобы ты проверял это [утверждение]. [Этот цвет составляют] шафран, хна и несколько капель чернил; ничего другого не одобряй. Письмо на такой бумаге красиво и также красиво золото. Хорошее письмо желательно украсить. Густой красный и белый цвета утомляют глаза [так же], как если смотреть на солнце. [Бумага] для письма должна быть полутонной, чтобы глаз от нее успокаивался»¹⁵⁶.

Известна также крапленая бумага, а также бумага темных цветов, на которой писали цветными чернилами: «На бумаге темных цветов красиво цветное письмо»¹⁵⁷. Бумага «цвета гороха» (کاغذ نخودی) упоминается в сборнике документов «Маджму'а-йи васайк»¹⁵⁸. По свидетельству Султана Али для придания бумаге желтого цвета использовали шафран. Для получения желаемого оттенка при выделке так называемой «китайской» бумаги в нее добавлялись: «...шафран, хна и несколько капель чернил; ничего другого не одобряй»¹⁵⁹.

Окрашенная бумага имела в восточных странах и специальное назначение. Синий цвет, например, выражал траур, красный — праздничное настроение. В рукописи XVI в., переписанной, по определению А. А. Семенова, «где-то на пространстве между Балхом и Бухарою», приведен рецепт окраски бумаги в пунцовый цвет, который, по словам анонимного автора, бывает «чрезвычайно приятным и очень прочным». Способ приготовления смеси разных жидкостей для окрашивания бумаги состоял из нескольких операций¹⁶⁰.

Высокого уровня достигло в XVI в. искусство каллиграфии. Выдающимися мастерами художественного письма были упомянутый выше Султан Али Мешхеди, Мир Али Херави, Махмуд ибн Исхак аш-Шихаби и другие. Труд по теории каллиграфического искусства составил в 1586—1587 гг. Дервиш Мухаммед ибн Дуст Мухаммед Бухари.

Искусство художественного письма требовало не только красивого почерка, но и стойких хорошего качества чернил. Сложные рецепты составления черных и цветных чернил нашли отражение в произведениях авторов сочинений, написанных в XVI столетии. Автор XVI в., имя которого, как и название сочинения, пока не установлены, приводит описание способов приготовления жидкостей, используемых в худо-

¹⁵⁵ Сорт бумаги.

¹⁵⁶ Г. И. Костыгова. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди. Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II(V), Восточный сборник, Л., 1957, стр. 133. Дальше при ссылке на трактат: Султан-Али Мешхеди.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Маджму'а-йи васайк, л. 176.

¹⁵⁹ Султан-Али Мешхеди, стр. 133.

¹⁶⁰ А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 157—158.

жественном письме, и требующих, как это видно из его изложения, определенных навыков и кропотливого труда¹⁶¹.

Рецепт приготовления чернил приводится в трактате Султана Али Мешхеда. Здесь как составные части жидкости называются: сажа (*جو ده*), вишневая камедь (*صمغ*), купорос (*زآك*) и чернильные орешки (*مازو*). Для получения стойких чернил он советует купорос заменить квасцами (*ا بـ*), что стало практиковаться, согласно тексту, лишь Султаном Али: «Никто не знал этого кроме меня»¹⁶². В той части трактата, которая посвящена приготовлению чернил, Султан Али советует:

«Возьми хорошей сажу, один сир сажу и четыре [сира] хорошей вишневой камеди. Скоро ли, долго ли, отыщи купорос и чернильный орешек, возьми сир одного и два сира другого. Вишневую камедь высыпь в чистую воду, чтобы она полностью растворилась [и стала] как медовая вода. Один-два дня крепко перемешивай воду с вишневой камедью, очисти комнату от пыли и сора. До ста часов растирай ее [с сажей?]. Запомни от меня эти похвальные слова: квасцы гораздо лучше купороса, и никто не знал этого кроме меня. Чернилам от купороса бывает вред. Итак, лучше заменить купорос квасцами. Вскипяти настой из чернильных орешков и следи, пока он станет совсем прозрачным и [тебе] по душе. Прибавь к нему мягкие квасцы. Я ясно сказал тебе то, что было скрыто. После этого понемногу сливай [оба раствора], пробуй [достаточно ли слил одного и другого] и с этим не спорь, дабы в то время, когда [чернила] сгустятся, во время письма твое сердце было бы спокойно. Труда рук для этого не жалея. А иначе, знай: то, что ты сделал, бесполезно»¹⁶³.

Раскрывая «то, что было скрыто» и являлось профессиональной тайной, Султан Али учит молодых писцов, как получить стойкие чернила и красивое письмо.

Для придания чернилам особого аромата в смесь добавляли разные вещества. «Вместо чернил свежим мускусом» было написано письмо Тимура к хорезмскому государю Юсуфу Суфи для того, чтобы буквы «вышли яснее на шелковой бумаге». По определению А. А. Семенова: «В художественной каллиграфии существовала сложная система (продукт многих веков и поколений) выбора наилучшего тростника для письма, очинки тростниковых перьев, выбора бумаги..., способов окрас-

¹⁶¹ Перевод этого места рукописи с подробным указанием доз, требуемых специй и времени выдержки, необходимого для добавления нужных жидкостей, приводится в работе А. А. Семенова «Гератская художественная рукопись»..., стр. 158—160.

¹⁶² Возможно и другое понимание: Султан Али раскрыл секрет изготовления стойких чернил.

¹⁶³ Султан-Али Мешхеда, перевод, стр. 129, 131, текст, стр. 129, 130.

ки в разные цвета, разнообразная рецептура для получения черных и цветных чернил, для приведения в жидкий вид золота и серебра. Все это имело свою терминологию, свои секреты, свою школу»¹⁶⁴.

Богато оформленные манускрипты нередко иллюстрировались миниатюрами. Их краски сохранили яркость до настоящего времени. Как и многие другие мастера того периода, выполнявшие при изготовлении основного изделия целый ряд побочных операций, художник сам составлял нужные ему краски, что требовало знания их состава и технологии приготовления. В живописи использовались не только растительные, но и минеральные краски, разведенные на взбитых яичных белках.

В специальном «Трактате о живописи», время создания которого исследователь относит к XV в. и локализует Средней Азией, говорится о тридцати двух красках, которые якобы распространил Джабраил¹⁶⁵.

Роскошные рукописи, созданные в рассматриваемый период, сочетали в себе достижения в технике миниатюры позднего средневековья и прекрасное оформление листов, в котором принимало участие множество мастеров близких специальностей. Каждая художественная рукопись была продуктом коллективного труда¹⁶⁶. Над ее созданием трудились: мастера-бумагоделы и лошильщики, художники-миниатюристы и художники-орнаменталисты, каллиграфы и переплетчики (имевшие дело с картоном и кожей), те, кто умел разводить лазурь, приводить в жидкое состояние золото и серебро, и те, кто проводил золотые и цветные линии, орнаментировал поля, делал заставки, и многие из них использовали те или иные краски. В одном из указов, составленном на имя знаменитого мастера-живописца Камалиддина Бехзада, «художественное мастерство которого, согласно указу, превосходило Мони», перечисляется целая группа лиц, участвовавших в создании богатой книги. Среди них называются: катибан (писцы), наккашан (художники, орнаментовщики), музаххибан (золотильщики), джадвалкашан (линовальщики), халкаран (наводящие золото), заркубан (инкрустаторы золотом), ладжвардшуйан (моющие лапис-лазурь) и другие специалисты, работавшие в библиотеке (китаб-хана) государя. *سبحکم فرمودیم که*

*منصب استیفا کلاتری مردم کتابخانه همایون و کتابان و تفاشان و
منهیان و جدول کشان و حل کاران و زرگودان و لاجورد شویان و*

¹⁶⁴ А. А. Семенов. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои, стр. 133.

¹⁶⁵ Э. Дарский. Среднеазиатский устав цеха живописца, «Проблемы востоковедения», 1959, № 3, стр. 107—108.

¹⁶⁶ А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись эпохи Алишера Навои, стр. 156; М. С. Булатов, В. Г. Дольнская. Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV—XVI вв., Сб. «Из истории искусств великого города», Ташкент, 1972, стр. 171.

سایر جماعتی که بامر مذکور منصوب باشند در ممالک محروسه مقوس
و متعلق شوند.¹⁶⁷

Камалиддин Бехзад участвовал совместно с каллиграфом Султаном Али в оформлении рукописей Алишера Навои и Абдурахмана Джамии в Герате. Эти манускрипты, как видно из хранящихся в рукописохранилищах произведений конца XV—XVI в., имели много общего с рукописными книгами, оформленными в Самарканде и Бухаре, а это даст нам право считать, что в создании самаркандских и бухарских рукописей принимало участие не меньшее число специалистов, чем те, которые перечислены в упомянутом указе.

Краски использовались также в архитектурной керамике для облицовки и орнаментации стен монументальных сооружений, в том числе и тех, которые были возведены в XVI в. и сохранились до наших дней.

Растительные краски имели значительное применение в кожевенном деле. В этом случае небезынтересно вспомнить сообщение историка Сейфи, которого цитирует В. В. Бартольд, называя его произведение «до сих пор никем не исследованным турецким сочинением», написанным в 990 г. х. (1582 г.) «и сохранившимся, насколько нам известно, только в одной рукописи; последняя хранится в библиотеке Лейденского университета»¹⁶⁸. По словам Сейфи, казахские мастера шили кафтаны из овечьей шерсти, окрашенной в разные цвета.

П. И. Пашино, посетивший Туркестанский край в 1866 г., отметил, что красная краска, добытая из марены, использовалась для окрашивания замши и бараньих шкур, так же как и желтая краска зарчуба, полученная из корней ревеня. В Туркестанской области выделявали род замши из козлиной шкуры, которая называлась пуст-и буз, и род замши из бараньей шкуры, известной под названием миши. Оба они окрашивались в оранжевый или малиновый цвет. Замше можно было придавать также черный и синевато-серый цвета¹⁶⁹. Кожа «цвета печени» называется в «Маджму'а-йи васанк»¹⁷⁰.

Красками и золотом расписывались деревянные седла, которые в большинстве случаев не обивали сафьяном или дорогой тканью, хотя были и такие. Среди подарков, присланных Абдулла-ханом II царю Федору Ивановичу, называются «два деревца седельные навожены красками и золотом травы»¹⁷¹.

¹⁶⁷ Мактубат ва аспад, л. 169б—170а.

¹⁶⁸ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 96; Т. И. Султанов. Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв., по персидско-таджикским и тюркским источникам. Автореф. канд. дисс., Л., 1971.

¹⁶⁹ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 141, 145.

¹⁷⁰ Маджму'а-йи васанк, л. 176.

¹⁷¹ МИУТТ, стр. 98.

Краски, добываемые из растений, использовались в косметике. Кастильский посол Клавихо заметил, что в тимуридском государстве «волосы красят, чтобы сделать их черными». Брови и ресницы красили усьмой и подводили сурьмой.

«Что за глаза! — их подводить сурьмой — лишь вздор

пустой,

Какие брови! — Крася их, испортишь лишь усьмой», —

писал Алишер Навои.

Красильными материалами при окраске тканей, писчей бумаги, кожи и т. п. служили руйан (руина), бузгун, нил, хна, бакам, зак, за'фаран, кермез и др.¹⁷² Из высохших полевых цветов получали испарак, дающий желтый цвет. Для добывания желтой краски зарчуба использовались коренья ревеня. Как красильные вещества употреблялись, кроме того, гранатные корки, луковая шелуха, чай и др.¹⁷³

Руйан. Одной из распространенных в Средней Азии растительных красок была марена — руйан, руина (в разных источниках пишется по-разному — روين، روين، رويان). В рисала читгаров руйан упоминается как краска, использовавшаяся набойщиками для нанесения узоров на ткань. При приготовлении раствора руйан клали в котел с водой и кипятили¹⁷⁴.

П. И. Пашино в путевых заметках рассказывает, что корни марены, опущенные в воду, дают красную краску; если же эту краску поставить в теплое место и заставить ее бродить, положив в нее листья, вызывающие брожение, то она превращается в желтую краску.

В Средней Азии марена культивировалась издавна. Русские исследователи XIX в. отмечают, что лучшие сорта ее возделывались в окрестностях Намангана. Меньше ценилась бухарская марена, а сорт возделывавшийся в Хиве был низкого качества. Марена произрастала и в Ташкентской области. И. П. Петрушевский на основании извлечений из «Китаб-и 'ильм-и фалахат у зира'ат» отметил, что «марена (руинас) дает хороший урожай на засоленных землях, где другие растения урожая не дают»¹⁷⁵.

Согласно свидетельствам XIX столетия, марена выращивалась в разных районах Средней Азии. «Устав» мастеров набойщиков не отмечает районы, где культивировалась марена, однако здесь сообщается, что первоначальным местом произрастания руйана была якобы Мекка¹⁷⁶.

¹⁷² Скучные данные источников не позволяют охарактеризовать все красители, использовавшиеся в производстве.

¹⁷³ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 145.

¹⁷⁴ Рисала-и читгари, № 5003, л. 196; Рисала-и читгари, № 1900 (23).

¹⁷⁵ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 191.

¹⁷⁶ Рисала-и читгари, № 5003, л. 206.

По описанию П. И. Небольсина, марену выращивали так. В начале весны поднимали землю мотыгами и бороили вспаханные слои. По пашне проводили лунки глубиной в четверть аршина и в промежутках высевали марену. Зеленые стебли скашивали для скота, но чаще оставляли для тепла корню. Чтобы иметь марену высокого качества, ей давали расти три года; на четвертый, когда стебли высыхали уже совершенно, корни достигали надежной зрелости. Спелые корни выкапывали и высушивали. Качество марены зависело от свойства почвы и времени произрастания¹⁷⁷.

Из Средней Азии марена доставлялась в Россию. По данным более позднего времени на русские рынки ее чаще привозили хивинцы. В. В. Григорьев, отмечая значение ввоза в Россию хлопчатобумажных тканей и растительной краски марены, заметил, что у ворот менового двора описывалось, сколько было верблюдов с тюками хлопчатой бумаги и сколько с мареной.

П. И. Небольсин, который по словам В. В. Григорьева, рассматривал «во всем объеме» торговые обороты России «с Бухарою, Кокандом и Хивою»¹⁷⁸, отметил, что русские купцы закупали марену и продавали ее в Казань фабрикантам кумачей¹⁷⁹. Здесь невольно вспоминаются слова Наршахи, который в числе товаров, вывозимых из селения Шарг, называет карбас и руйан. Вполне возможно, что марену вывозили из Бухары и в XVI в.

Нил. В разные оттенки синего и голубого красили ткани с помощью индиго (нил — نيل) — растения индийского происхождения¹⁸⁰. Эта растительная краска применялась в промышленном производстве.

В государство Шейбанидов индиго ввозилось из Индии. Также обстоит дело в более позднее время. П. И. Небольсин сообщает, что в Средней Азии красят кошенилью, индиго, бузгунджем и испаракон и далее добавляет, что индиго в большом употреблении во всей Средней Азии, куда оно доставляется из Индостана¹⁸¹.

Судя по письменным источникам, индиго как производственное сырье продавалось в XVI в. на рынках Бухары и Самарканда. Торговцы нилом (нилфурушан) и сама краска нил упоминаются в произведениях современников описываемых событий¹⁸². Из Средней Азии в числе

¹⁷⁷ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 309.

¹⁷⁸ В. В. Григорьев. Разбор сочинения П. И. Небольсина «Очерки торговли России со Средней Азией», Отд. оттиск, стр. 118—144, 147.

¹⁷⁹ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 310.

¹⁸⁰ Цвет металлического оружия, предметов из стали Навои нередко определяет как цвет индиго.

¹⁸¹ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 293, 311.

¹⁸² Из архива шейхов Джуйбари, Док. 58, 267; Алишер Навои. Сокровищница мысли, Сочинения, т. II, Ташкент, 1969, стр. 31.

других транзитных товаров нил доставлялся в Московское государство, что нашло отражение в документальных материалах XVII в. В росписи товаров хивинского посла Мухаммеда Амина Баходура, прибывшего в Москву в ноябре 1641 г., среди разного вида тканей числилось четыре чаши индиго (نیل). Отсюда видно, что для определения количества индиго в Средней Азии пользовались чашей — касой (نیل چهار کاسه)¹⁸³.

П. И. Небольсин писал: «В Бухарии запасы индиго бывают велики, краска лежит часто несколько лет до продажи»¹⁸⁴. Приведенные выше сведения об индиго и его продавцах позволяют думать, что и в XVI в. нил привозился в Среднюю Азию в значительном количестве.

Бакам (بقم), соответствует русскому бакам, — фернамбуковое (бразильское) дерево. Из него получали краски темно-фиолетового и красного (пурпурного) цвета, использовавшиеся для окраски шелка и других изделий. Для этого бакам варили в котле вместе с разведенными квасцами. Чуб-и бакам (چوب بقم) встретился нам лишь в одном источнике (акт о разделе имущества, конец XVI в., Самарканд), но значительность его количества, в числе других полуфабрикатов и сырья, включенных в опись наследственного имущества¹⁸⁵, может быть объяснена широким применением бакама в хозяйстве (он использовался также для столярных и токарных изделий). Вполне возможно, что Самарканд служил перевалочным пунктом для бакама, привозимого сюда из другой страны. Применительно к более позднему времени уточняется, что бакам был двух видов — кизил бакам и кара бакам, использовали они для окрашивания шелка и замши¹⁸⁶.

Бузгун. Широкое применение при наложении узоров на бязь находил бузгун (бузгундж, бузгунч), о чем мы узнаем из цитированных выше двух рисала читгаров.

П. И. Небольсин зафиксировал, что в Бухаре и Ташкенте бузгун продавали пудами¹⁸⁷. В уставах-обрядниках, составленных на узбекском и персидско-таджикском языках, слово бузгун в разных местах написано по-разному: بوزغون، بوجغون، بوزغونج.

Бузгун представлял собой чернильные орешки, образующиеся на

¹⁸³ МИУГТ, текст, стр. 427.

¹⁸⁴ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 312.

¹⁸⁵ Маджму'а-йи васанк, л. 229а.

¹⁸⁶ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, стр. 45, 50.

¹⁸⁷ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 311.

¹⁸⁸ Там же; Рисала-и читгари, № 5003, л. 21а.

листьях фисташковых деревьев¹⁸⁹. Умение пользоваться бузгуном, по «Рисала-и читгари», приписывалось Усто Беку Мухаммеду¹⁹⁰.

Шафран. Оранжево-желтую краску получали из натурального шафрана (за'фаран — زعفران).

В пехлевийском труде IX в. разъясняется: «Все, что служит для окраски одежды, как шафран, сапон, зачава, ваха и прочие этого рода, называется красильным растением (rag)». Шафран среди других культурных растений упоминается и в «Шах-наме» Фирдоуси¹⁹¹. Подобные сообщения говорят об умении пользоваться шафраном как растительной краской с давних времен.

Шафран использовался не только в текстильном производстве и считался отличным красителем шелковых и шерстяных тканей, он имел самое многообразное применение в хозяйстве. Часто использовался шафран в качестве пряности, служил лекарственным средством при различных заболеваниях, применялся при приготовлении чернил¹⁹².

Хна. С незапамятных времен известна была в Средней Азии растительная краска хна (хенна). Оранжевая пудра из сухих листьев употреблялась для окрашивания бороды и усов. Женщины красили ею ногти, концы пальцев, ладони, а иногда и лицо, чтобы предохранить кожу от загара и трещин, могущих образоваться от горячих лучей солнца, а также от холода.

Из моих кровавых слез хну для милой сделаю,
Из агатовых зрачков я чернила сделаю¹⁹³.

Сок хны входил в состав смеси, из которой готовили хорошие чернила, ее использовали для придания оттенка бумаге. В некоторых случаях хна использовалась как лекарственное средство¹⁹⁴.

В юридических документах XVI в. нередко упоминаются продавцы хны — хнафурушан. О сравнительно значительном их числе и степени распространения использования хны можно судить по тому, что в Самарканде начала XVI столетия имелась баня продавцов хны — хаммам-и хнафурушан¹⁹⁵.

Кермес. Для окрашивания дорогих тканей использовалась ценная

¹⁸⁹ А. М. Миронов. Производство хлопчатобумажной маты и набоек..., стр. 1142.

¹⁹⁰ Рисала-и читгари, № 5003, л. 21а.

¹⁹¹ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 175, 190, 177.

¹⁹² Рисала-и читгари, № 5003, л. 436; см. также: А. А. Семенов. Гератская хужественная рукопись..., стр. 159; Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. II, Ташкент, 1956, стр. 239—240.

¹⁹³ Алишер Навои. Газели, Сочинения, т. II, стр. 89.

¹⁹⁴ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 202.

¹⁹⁵ Вакф-наме, текст, стр. 129, перевод, стр. 240.

красная краска кермес (*قرمز*), получаемая из насекомого кермес. Кермес, кирмиз, кармезин, кармин — слова, вошедшие в словари европейских народов для обозначения оттенков красного цвета.

Из сообщения Захириддина Бабура относительно выделки в Самарканде XVI в. кермезинного бархата (*قرمزی مخمل*)¹⁹⁶ можно сделать вывод, что в Средней Азии кермес использовался и для окрашивания бархата.

Ладжвард (лазурит — *لاجورد*). Древняя надпись из ахеменидского дворца в Сузах повествовала о том, что при его постройке из Согда доставлялся лазурит¹⁹⁷. Много веков спустя персидский автор также сообщал, что синяя краска — лапис-лазурь привозилась в Иран из «страны узбеков»¹⁹⁸.

Лазурит доставлялся из Бадахшана (современный Афганистан) и использовался в разных отраслях, в том числе для окраски глиняной посуды. В Бухаре он продавался в трех разновидностях: густо-синий, небесно-синий и зеленовато-синий¹⁹⁹. Кастильский посол писал, что богатство Самарканда «заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях..., в притираниях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях»²⁰⁰.

В XIV—XV вв. среднеазиатская лазоревая краска доставлялась из Самарканда и Бухары в Поволжье и на Русь.

Зак. При набивании узоров на бязь, как это видно из рисала мастеров-набосечников на узбекском языке, использовался зак (*زاک، خضاک*)²⁰¹ — купорос, квасцы (как принято переводить это слово в словарях). Однако Султан Али Мешхеди для обозначения квасцов и купороса использует разные слова (*زیه* и *زاک*). Автор трактата по каллиграфии, давая рецепт приготовления чернил, советует юноше, обучающемуся художественному письму: «Запомни от меня эти похвальные слова: квасцы гораздо лучше купороса».

یادگیر از من این حنوطه سخن
زیه از زاک بهترست بسی

¹⁹⁶ The Babar-nama, л. 48a.

¹⁹⁷ М. Е. Массон. К истории горного дела..., стр. 10.

¹⁹⁸ И. П. Петрушевский. Иран в XVII в. В кн.: Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Белецкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958, стр. 288.

¹⁹⁹ А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, 1954, стр. 267—268.

²⁰⁰ Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура..., стр. 327.

²⁰¹ Рисала-и читгари, № 1900 (23), строки 102—105.

²⁰² Султан-Али Мешхеди, стр. 128—129.

Арабизированное (от зак — زاک) слово زاج означает то же, что тюркское кара буёх (قره بویه) — черная краска, железный сульфат, черная краска для тканей²⁰³.

Из рисала читгаров мы узнаем, что зак предварительно высушивался на солнце, затем его собирали, клали в воду, размельчали при помощи камня (خاکنی تاشقه اوراده) и заваривали (دم خاکنی دم).

²⁰⁴ Турецкий купорос — зак-и турк (زاک ترک), а по Султану Али, зак (زاک), как составная

часть входил в сложный состав смесей, из которого делали чернила. Для этого определенное количество купороса клали на железную пластинку и держали на огне пока не сгорит входящая в его состав сера. Пережженный купорос распускали в розовой воде и добавляли в чернила из специально подготовленной сажи. Затем туда же подливали другие смеси: жидкую хну, жидкую басму, шафран и другие вещества. В результате получались стойкие чернила, цвет которых сохранялся, как видно из дошедших до нас рукописей, сотни лет²⁰⁵.

Квасцы кроме красильного дела употреблялись также для дубления кожи. Использовались они также для придания определенного оттенка бумаге.

Ишхар. Для отбеливания тканей применялся поташ (ишхар, ишкар — اشکار или اشخار). Его кипятили с водой и в кипящий раствор опускали ткань. Как видно из рисала, ишхар использовался при набивании ткани читгарами²⁰⁶.

Судя по сочинению XVI в., не имеющему заглавия и принадлежащему перу анонимного автора, растертый в порошок ишхар использовался также для приготовления смеси жидкости, в которой окрашивалась бумага²⁰⁷. Поташ входил в смесь, добавляемую в глину, при изготовлении керамических изделий²⁰⁸.

Как отбеливатель применялась также зола, образовавшаяся при горении каменного угля. Как сообщает Хафиз Таныш, при сгорании черных камней (каменного угля) образуется белая зола, которую используют вместо ишхара для отбеливания деталей одежды. Это отмечает и Хондемир в своем сочинении «Хабиб ас-сийар». По его словам,

²⁰³ Кипрский купорос زاج فی بی, т. е. зеленый купорос.

²⁰⁴ Рисала-и читгари, № 1900 (23), строки 102—105.

²⁰⁵ А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 159.

²⁰⁶ Рисала-и читгари, № 5003, л. 196.

²⁰⁷ А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 158.

²⁰⁸ А. А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде, ЗИРГО, кн. IV, 1871, стр. 262.

в Ташкенте (Шаше) «имеется гора Ширэ, в которой находится много рудников, из которых добывается золото, железо, медь, бирюза и нефть. Здесь же имеется камень, который может гореть как уголь. Когда он сгорит, то остается чрезвычайно белый пепел. Этим пеплом белят материю, от чего она приобретает необыкновенную белизну»²⁰⁹.

Для отбеливания желтоватых тканей существовали специальные мастерские.

Ахар. В текстильном производстве находил применение крахмал — ахар (آهار). Для его приготовления доводили до кипения определенное количество разведенной пшеничной муки. Ткань опускалась в эту массу, высушивалась и выравнивалась.

Ахар использовался для крахмаливания готовой ткани ткачами, а также набойщиками-читгарами. Согласно рисала ткачей ремесленники-новички должны были научиться готовить крахмал. Если их спросят: «Что входит в состав крахмала?» (آهار اۆزى نېچە ئىشە بىلە يولور), они должны ответить: «три (вещи) — вода, мука и огонь». Все это должно браться в соответствующем количестве, «не много и не мало». Если приготовленный крахмал все же останется, то следовало отдать его тому, кто в нем нуждается²¹⁰.

Ахар в виде кашицеобразной массы использовался также для придания глянца бумаге. Бумажный глянec в Средней Азии назывался ахар-и мухра (آهار مېھر). При ошибках в письме на такой бумаге «написанное осторожно смывалось теплой водой при помощи мягкой губки — абр (ابر); когда это место высыхало, его вновь покрывали жидким крахмалом, сушили и хорошенько ложили»²¹¹.

Рецепт приготовления крахмального клейстера, которым покрывали бумагу перед лощением, приводит в своем руководстве для художественного письма Султан Али Мешхеда: «Приготовляй ахар из крахмала, запомни это слово от опытного старика. Сначала приготовь массу [из крахмала и воды] и [еще] подлей воды [чтобы стало пожиже], затем прокипяти это один миг на жарком огне. Потом прибавь к этому жидкого клея. Процеди, чтобы [было] не жидким и не густым. Наноси на бумагу и старайся, чтобы бумага не сдвинулась с места. Когда ты нанесешь на свою бумагу ахар, осторожно проведи по ней чем-нибудь влажным, [чтобы] сгладить неровности»²¹².

²⁰⁹ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии, стр. 39.

²¹⁰ Рисала бафандачилики, л. 9а, 10а; Рисала-и читгари, № 5003, л. 196.

²¹¹ А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 157.

²¹² Султан-Али Мешхеда, перевод, стр. 133, текст, стр. 132.

Крахмалу приписывалось мифическое происхождение от Евы²¹³. Являвшиеся товарами производственного значения краски продавались и покупались на рынках.

Торговля красками выделилась в особую профессию. Наименование рангинфуруш (رنگين فروش), прибавляемое к собственному имени, свидетельствует о том, что продажа красок была занятием носителей этого термина. Другие занимались торговлей привозной растительной краски индиго. Нилфуруш (نیل فروش) — торговец нилом, хнафуруш — торговец хной нередко фигурирует в юридических документах²¹⁴.

Из Средней Азии краски (некоторые транзитом) поступали в другие страны. В числе товаров, отправленных Абдулла-ханом II в конце XVI в., кроме тканей, являвшихся основным товаром почти всех среднеазиатских посольств, были и краски. Количество их было значительно — сорок пудов²¹⁵. Некоторые виды растительных красок пересылались в Россию через Самарканд и Бухару из Индии, как это, видимо, обстояло и с индиго, привезенным в Москву вместе с разными видами тканей хивинским послом в 1611 г. Здесь оно было известно под названием «крутик». Так определено индиго в «росписи посольским Эминь-Богатыря животам» от 1641 г., где оно числится в описи доставленных из Средней Азии товаров²¹⁶.

Для характеристики состояния красильного дела в Средней Азии позднего времени значительный интерес представляет сообщение, что бухарские купцы устраивали красильни в Московском государстве²¹⁷.

В то же время какие-то виды красок ввозились в Бухарское ханство из России. Об этом косвенно свидетельствует определение бухарского седла, обозначенного в описи «конского прибора» Бориса Годунова, «краски писано московскими»²¹⁸. В XIX в. из России в Среднюю Азию поставляли киноварь и сандал, черный и красный, толченый и кусками. В это столетие сюда экспортировалась также кошениль. Из Бадахшана везли в Бухару лапис-лазурь, из мелких кусков которого делали ультрамариновую краску²¹⁹, из Индии через современный Афганистан доставлялось индиго.

²¹³ Бафандачилик рисаласи, л. 16а.

²¹⁴ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 61, 8, 267.

²¹⁵ МИУТТ, стр. 98.

²¹⁶ Там же, стр. 168.

²¹⁷ В. Е. Вархар. Хлопчатобумажная промышленность. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXVII (полутом 73), СПб., 1903, стр. 336.

²¹⁸ М. В. Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока..., стр. 64.

²¹⁹ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 255, 314.

ПРОИЗВОДСТВО БУМАГИ

Выделка бумаги занимала особое место в ремесленном производстве Средней Азии.

Истории возникновения и производства бумаги посвящены работы А. П. Федченко, В. Развадовского, Г. Григорьева, А. А. Семенова, автора этих строк и других²²⁰. Химический анализ среднеазиатской бумаги рассматривает в своей статье П. Д. Зотов. Производству бумаги в Самарканде посвятил несколько строк А. Мец, упоминание о среднеазиатской бумаге имеется в работе И. П. Петрушевского²²¹.

Появление писчей бумаги на мусульманском Востоке относится к средневековью. Свидетельства источников позволяют считать, что, как и в первые века распространения ислама, в конце XV—XVI в. Самарканд продолжал оставаться центром производства высококачественной бумаги.

Мастер художественного письма Султан Али Мешхеди, создавший в сотрудничестве с другой знаменитостью Камалиддином Бехзадом подлинные шедевры каллиграфического искусства, в том числе копии произведений Алишера Навои и Абдурахмана Джами, образцы которых хранятся в настоящее время в книгохранилищах мира, отмечает высокосортность самаркандской бумаги.

В 1514 г. Султан Али Мешхеди написал трактат по каллиграфии, в котором изложил свой опыт и знания, приобретенные им «с поры молодости...». В стихотворной форме он описывает долгий и тернистый путь, который предстоит пройти каллиграфу, прежде чем он станет мастером художественного письма. Чтобы достичь совершенства, юноша обязан был не только уметь красиво писать, знать способы приготовления стойких чернил, уметь выбрать тростник для калама и очинить его, но и усвоить моральные качества, предъявляемые молодому

²²⁰ А. П. Федченко. Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде, Сб., «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872; [Он же]. Путешествие в Туркестан, Известия Имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI, вып. 7, СПб., 1875; В. Развадовский. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае. «Кагаз-обжувоз» (Производство бумаги), «Туркестанское сельское хозяйство», 1916. № 4, стр. 342—344; Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись.; Он же. О среднеазиатской бумаге; Г. Н. Чабров. Художественное оформление туркестанской литографированной книги, Труды АН ТаджССР, Искусство таджикского народа, вып. II, Душанбе, 1960; Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги..., М. М. Абрамов. Из истории производства самаркандской бумаги (К 2500-летию Самарканда), ОНУ, 1968, № 12.

²²¹ П. Д. Зотов. К истории бумажного производства на Востоке, Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954; Он же. К вопросу о «шелковых бумагах», ОНУ, 1961, № 9; Адам Мец. Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 363—364; И. П. Петрушевский. Иран в XVII в., стр. 288.

каллиграфу. Еще он должен был уметь приготовить состав, которым покрывали бумагу перед лощением, знать технику лощения с тем, чтобы в случае описок смыть их и «подремонтировать» это место. Конечно, молодой писец должен был уметь отбирать соответствующую бумагу для письма. Приведенные в трактате сведения о наилучших сортах бумаги, в частности о самаркандской, на которой письмо «получается ровным и красивым», о способах получения красивого письма, о цветах бумаги представляют для нас огромный интерес, ибо они исходят из уст тонкого знатока писчей бумаги, большого мастера-каллиграфа, каким был Султан Али Мешхеда.

Автограф стихотворного наставления по каллиграфии хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Факсимильное воспроизведение его и перевод на русский язык, выполненные Г. И. Костыговой, помогли ввести это произведение в научный обиход и сделали трактат доступным для широкого круга исследователей.

«Бумаги, лучше китайской, нет, сколько ни пробуй, [лучшей] нет. Как хороша самаркандская бумага! Если ты разумный человек, не отвергай ее. Письмо на ней получается равным и красивым, но [она] должна быть чистой и белой. Будь то обычная [бумага], будь то султанская, старайся взять хорошую».

Так пишет Султан Али в части, озаглавленной «О распознавании бумаги»²²².

Мнение о прекрасных качествах самаркандской бумаги, высказанное мастером художественного письма, и его совет: «Если ты разумный человек, не отвергай ее», имеют для выявления уровня бумажного производства в Самарканде XVI в. особую ценность.

Не меньший интерес представляет для нас высказывание другого современника — Захириддина Бабура: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда». Ему было с чем сравнивать. В 912 г. х. (1506/1507 г.) автор мемуаров осмотрел гератскую мастерскую по выделке бумаги, расположенную в окрестностях города²²³, а к моменту, когда была завершена работа над «Бабур-наме», Захириддин Бабур уже видел города Индии и должен был знать о качестве индийской бумаги²²⁴. Становится очевидным, что самаркандская бумага была не единственной, производившейся в XVI в. на Востоке, и что она действительно обладала высокими качествами.

Характеристику самаркандской бумаги мы находим также у автора персидского словаря «Бурхан-и кати», составленного в Индии. «Из Са-

²²² Султан-Али Мешхеда, стр. 131.

²²³ Бабур-наме, стр. 62, 233.

²²⁴ На индийской бумаге написано собрание писем «Мукатибат», куда входят письма, адресованные Бабуру и Навои (СВР АН УзССР, № 4209).

марканда привозят прекрасную бумагу»²²⁵, сообщается в словаре о Самарканде.

Здесь в мастерских, как явствует из сообщения Султана Али, выделялась бумага нескольких сортов: «чистая и белая» и «обычная», надо думать, не обладавшая столь высокими качествами²²⁶. Особая «мраморная» бумага, кагаз-и абри (کاغذ ابری), использовалась для отделки полей листов рукописных книг.

Вместе с тем один и тот же вид бумаги мог быть разного качества, о чем мы узнаем из следующих слов: «Будь то обычная (бумага), будь то султанская, старайся взять хорошую». Лучший сорт бумаги был известен под наименованием «султанской», «самаркандской султанской» или «самаркандской шелковой».

По мнению некоторых исследователей, так называемая «шелковая бумага», известная в Средней Азии как «кагаз-и абришами», выделялась из «шелковых оческов», «сырцового шелка», «шелковичных коконов» и тому подобного²²⁷. Теперь это мнение подвергнуто сомнению.

Исследование бумаги рукописей Института востоковедения АН УзССР (анализу подвергались пятнадцать рукописей, относящихся к XV—XIX вв.), которые при описании в каталоге были определены как изготовленные из шелкового волокна, показало, что бумага данных рукописей была изготовлена из растительных волокон. Самаркандская бумага, по мнению того же исследователя, делалась из льняного тряпья²²⁸.

Мастера-бумагоделы (кагазгар) нередко упоминаются в источниках. Один из носителей этой профессии Устод Сейфи Кагазгар, сын Устода Карим Берди, согласно юридическому документу 1589 г., владел мукомольной мельницей²²⁹. Это позволяет предполагать, что некоторые мастера — кагазгары лишь руководили производственным процессом, не принимая в нем непосредственного участия.

А. А. Семенов приводит сведения об известном самаркандском мастере первой половины XVI в. Мир-Ибрахиме, с именем которого было связано производство специального сорта бумаги с «водяным знаком в виде белого кольца размером побольше двугривенного». Под названием «мир-ибрахими» эта бумага известна и в следующие столетия²³⁰.

²²⁵ Бурхан-и кати, Изд. 3-е, т. II, Лакнау, 1888 г. (1305 г. х.), стр. 53.

²²⁶ Султан-Али Мешхеди, стр. 131.

²²⁷ См. А. В ам б е р и. Путешествие по Средней Азии, стр. 211.

²²⁸ П. Д. З о т о в. К вопросу о «шелковых бумагах», стр. 48—54; Он же. К истории бумажного производства..., стр. 158.

²²⁹ Маджму'а-йи васият, л. 142а.

²³⁰ А. А. Семенов. О среднеазиатской бумаге..., стр. 9; см. также Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, Записки Имп. Русского археологического общества, т. V, Новая серия, СПб., 1892.

Содружество трех известных мастеров — бумагодела Мир-Ибрахима, изящнейшего каллиграфа Мир Убайда, художника, оформляющего рукописи, Мир Шафи' — создало письменные памятники, представляющие художественную ценность и в настоящее время.

Конечно, роскошные манускрипты были рассчитаны не для всех, кто умел читать. Прекрасно оформленная книга ценилась дорого и предназначалась для довольно узкой группы аристократов, высокопоставленных сановников и составлявшей сравнительно небольшое число интеллигенции.

Немало манускриптов и документов, написанных в XVI в. на самаркандской бумаге, дошли до нас в хорошей сохранности. Теперь они ценятся не только как исторические источники, но и как подлинные шедевры искусства народных мастеров разных специальностей, и в том числе бумагоделов.

В «Собрании восточных рукописей» приводятся описания «Абдулла-наме» Хафиза Таныша, написанного, «по-видимому, не позже XVI в.», и «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана, который, «возможно, является автографом автора», и, «судя по бумаге и палеографическим признакам... относится к началу XVI в.»²³¹, а также сочинений других авторов, создавших свои произведения в рассматриваемый период на территории государства Шейбанидов. «Ко времени не позднее второй половины XVI в.» относит исследователь сочинения «Бадаи' ал-вакаи'» А. Н. Болдырев одну из старейших рукописей мемуаров Васафи, переписанную в Джуйбар²³². В тот же период, видимо, был составлен дошедший до нас сборник документов джуйбарских шейхов, по бумаге и почерку чрезвычайно близкий к «Бадаи' ал-вакаи'»²³³. Исходя из того, что самаркандская бумага считалась одной из лучших, можно полагать, что эти сочинения, или многие из них, составленные по желанию отдельных среднеазиатских правителей, были написаны на славившейся в тот период самаркандской султанской бумаге. К числу таких рукописей можно отнести и оригиналы дарственной грамоты Мирх-Султан-ханум «Вакф-наме», «Маджму'а-йи васайк» и другие²³⁴.

Об отдельных манускриптах Института востоковедения АН УзССР более уверенно говорится, что они написаны на самаркандской бумаге, например, «Анис ат-талибин» переписан в 1593 г. на великолепной «очень плотной», «хорошо лощеной», «цвета слоновой кости самаркандской» бумаге; трактат Хусейна ибн Ахмеда ал-Хусейна ал-Бухари переписан в XVI в. «на весьма плотной цвета слоновой кости восточной

²³¹ СВР АН УзССР, т. I, № 137, стр. 61.

²³² А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-дина Васафи..., стр. 210.

²³³ Там же; Из архива шейхов Джуйбар, стр. V.

²³⁴ Вакф-наме-и хазрат-и Шейбани-хан, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-670; Маджму'а-йи васайк.

бумаге («самарканди»). На плотной самаркандской бумаге переписана в 1501—1502 гг. рисала Хусейна ибн Али ал-Ваиза ал-Кашифи. «Толстой самаркандской лощеной» определена бумага рукописи «Раузат ал-ахбаб» Атауллы ибн Фазлуллы, переписанной в 1575 г. На плотной самаркандской бумаге кремового цвета написан список одного из сочинений Абу Али ибн Сина, датированный 1644 г., и т. д.²³⁵. Следовательно, самаркандская бумага была плотной, хорошо лощеной, цвета слоновой кости (последняя у местных жителей определялась, видимо, как «бумага [цвета] гороха» (*كغافل الخردی*)²³⁶. Из сообщения Султана Али Мешхеда выявляется, что самаркандская бумага отличалась малопроницаемостью чернил, гладкой поверхностью и прочностью.

Относительно высокий уровень развития бумажного производства в Самарканде XVI столетия свидетельствует в целом о довольно широком спросе на бумагу среди городского населения. Значительное количество бумаги требовалось для создания исторических и поэтических произведений, составления различного вида юридических документов, частной переписки. Конечно, часто использовалась более низкосортная бумага.

Как явствует из отдельных указаний, мутаваллии обязаны были обеспечивать студентов бумагой для письма. Но это делалось далеко не всегда и не всеми распорядителями вакфа. Прекрасно осведомленный о внутренней жизни медресе Алишер Навои отметил, что нередко «бедные студенты выпрашивали листок бумаги для письма»²³⁷.

Бумажные толчеи и мастерская, где выделялись листы бумаги и где они лощились на специальном станке, упоминаются в числе недвижимого имущества, переданного в вакф в пользу двух самаркандских медресе. Они, как и другие толчеи и бумагоделательные мастерские, располагались в окрестностях Самарканда близ обсерватории Улугбека на каналах, выведенных из Снаба²³⁸.

Изучение сведений из «Вакф-наме» показывает, что мастер-кагазгар занимался выделкой бумаги, а лощение производил другой специалист — мухракаш. Таким образом, в мастерской были заняты, по крайней мере, два специалиста: мастер-бумагодел и мастер-лощильщик. В то же время нелощеная бумага также могла продаваться на рынке, как это отмечено и для более позднего времени²³⁹.

²³⁵ СВР АН УзССР, т. III, № 2036, стр. 107, т. VIII, № 5942, стр. 391, № 5940, стр. 389, № 5768, стр. 193; т. IV, № 3255, стр. 317.

²³⁶ Маджму'а-и-и васайк, л. 176.

²³⁷ Алишер Навои. Вакфия, Баку, 1926, стр. 49; ркл. ИВ АН УзССР, № 6530, л. 326—33а; ркл. ИВ АН УзССР, № 5046, л. 1536 (37).

²³⁸ Вакф-наме, стр. 244, 245.

²³⁹ Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., стр. 154.

Производство бумаги ручной выработки продолжалось в Средней Азии и в следующие столетия.

А. Вамбери еще упоминает о самаркандской бумаге, хотя его данные о бумаге из сырцового шелка не соответствуют действительности. «Бухарская²⁴⁰ и самаркандская писчая бумага пользуется громкой известностью не только во всем Туркестане, но и в соседних странах; она выделяется из сырцового шелка, чрезвычайно гладка и очень удобна для арабского письма», — писал он²⁴¹.

О существовании мастерских по выделке бумаги в окрестностях Самарканда в 70-х годах XIX в. интересовавшемуся производством бумаги в Средней Азии А. П. Федченко ничего не было известно. Несколько позже, на рубеже XIX—XX веков, В. Л. Вяткин подтвердил, что в конце XIX — начале XX в. производство бумаги около Самарканда прекратилось: «Пред самым занятием Самарканда русскими были случаи обращения в вакф бумажных мельниц. В настоящее время вся эта местность покрыта сплошь мукомольными мельницами и толчеями»²⁴².

В самом начале XX в. в Ташкенте и Коканде работали бумажные мельницы — последние «в многовековом существовании кустарного бумажного производства Средней Азии». По показаниям казака Максимова, «рабочих в Ташкенте на бумажном заводе, принадлежащем купцу Ахмеду», было до двадцати.

Несколько кокандских мастеров по сведениям Г. В. Григорьева организовали в XX в. бумажное производство в Бухаре. В гузаре Гурбун была устроена мастерская и в распоряжение мастеров было дано около сорока учеников-шагирдов²⁴³, а в «Путевых заметках» П. И. Пашино пишет, что писчая бумага из тряпья готовится одним ногойцем²⁴⁴.

В специальной статье «Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде», а также в работе «Путешествие в Туркестан» А. П. Федченко остановился на описании производства бумаги кокандскими мельницами²⁴⁵. Процесс выделки бумаги, как уже указывалось, описывает и В. Развадовский²⁴⁶.

²⁴⁰ О бумажном производстве в Бухаре см. Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части долины Зерафшан, Изв. Туркестанского отделения ИРГО, т. I, 1899; вып. II, Ташкент, 1900, стр. 259; А. А. Семенов. О среднеазиатской бумаге..., стр. 5.

²⁴¹ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии..., стр. 351.

²⁴² В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 22.

²⁴³ Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., стр. 147—160.

²⁴⁴ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 141.

²⁴⁵ А. П. Федченко. Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде, стр. 227—232; [А. П. Федченко]. Путешествие в Туркестан, стр. 49—50.

²⁴⁶ В. Развадовский. Опыт исследования..., стр. 342—344.

Изготовление бумаги в селениях Кагазгар и Чорку, расположенных недалеко от Коканда, подробно описал в работе «Кустарное производство бумаги в Узбекистане» Г. В. Григорьев²⁴⁷. Наблюдения бумажного производства в последние дни его существования и беседы с двумя мастерами — кагазгаром Кадыр Али Ядгаровым и мухракашем Мухаммед Али Кадыровым позволили ему отразить технический процесс производства бумаги. По словам автора, он старался «дать по возможности полное описание процесса приготовления бумаги», что, на наш взгляд, вполне удалось Г. В. Григорьеву. Автор приводит в своей работе также наименования инструментов для выделки бумаги. Сравнение их с инструментами, применявшимися в писчебумажной мастерской в Германии XVI в.²⁴⁸, позволило Г. В. Григорьеву сделать интересное заключение: в XVI в. в Германии применялись те же инструменты, что и в Средней Азии²⁴⁹.

Традиционность в ремесле и определенная застойность в хозяйственной жизни страны, в том числе и в ремесленном производстве, позволяют полагать, что в области изготовления писчей бумаги в XVI—XIX вв. не произошло особых изменений (это подтверждается также примерами из других ремесел). Следовательно, процесс производства бумаги в самаркандских мастерских в XV—XVI вв. был примерно таким же, как в мастерских, которые наблюдал Г. В. Григорьев. Поэтому описание процесса производства бумаги, относящееся к более позднему времени, в целом можно отнести и к XVI в. Сырьем для изготовления бумаги в тот период также служили тряпье и вата из старых халатов, одеял и тому подобного, которые сортировали по цвету и толкли в толчее, приводимой в движение водой.

По описанию Г. В. Григорьева, после ряда операций масса, подготавливаемая в течение многих дней, отливалась на форме с сеткой, переносилась на доску и отжималась. Готовые листы бумаги проклеивались крахмальным клейстером, высушивались и ложились. Выполнение последних операций производилось особым мастером мухракашем, который лошил бумагу посредством прокатывания.

Приблизительно в таких же толчеях изготавливалась в XVI в. волокнистая масса, из которой в кархана выделяли листы писчей бумаги, здесь же прокатывавшиеся на лощильных станках.

Как отмечает Султан Али Мешхеди, лощить отдельные места бумаги должен был уметь каждый мастер письма, с тем, чтобы смочь смыть ошибочно написанное и подправить лист. Поэтому в своем риса-

²⁴⁷ Г. В. Григорьев, Кустарное производство бумаги..., стр. 142—160.

²⁴⁸ Фотография с гравюры Иоста Аммана (1578 г.), отображающая оборудование бумажной мельницы и самый процесс производства, помещена в исследовании: И. Т. Малкин, История бумаги [М.], 1940.

²⁴⁹ Г. В. Григорьев, Кустарное производство бумаги..., стр. 157.

ла Султан Али учит будущего каллиграфа как сделать крахмал для покрытия бумаги и как лощить ее:

«Лощить бумагу следует так, чтобы на ее поверхности не появились складки. Доску для лощения следует чисто вымыть, в силу руки, но не крепко [и] не слабо»²⁵⁰.

При этом упоминается, что мастер письма не должен злоупотреблять исправлением написанного:

«Исправление письма не одобряется, для мастера [это] непохвально. Если бывает испорчено протяжение и несколько букв, так что [это] связано с исправлением по необходимости, исправь это калямом, будь далек, однако, от злоупотребления этим. Не исправляй перочинным ножом. Что общего у писцов с хирургами!»²⁵¹.

Как уже упоминалось, продавались разные сорта бумаги. Наряду с кагазгарами-мастерами, выделявавшими бумагу, в документальных источниках упоминаются и продавцы бумаги кагазфуруши²⁵².

Значительный интерес для характеристики писчей бумаги как ремесленной продукции, приобретаемой за деньги, и отражения ее товарности представляют материалы, извлеченные из «Вакф-наме». В условиях вакфной грамоты, выставленных Михр-Султан-ханум, говорится, что в начале каждого десятилетия эту вакфную грамоту необходимо передать на обозрение правителям, в частности хакиму, шейхулисламу и главному казию, а также «знатым людям той поры». Удостоверившись в ее подлинности, они разрешили бы снять с нее копии и затем подтвердили бы ее правильность, закрепив это печатью, чтобы выставленные учредителем вакфа условия «существовали бы постоянно». Мутавалли же вакфного учреждения должен был оплатить стоимость бумаги (كاهل کاغذ), израсходованной на рукопись грамоты (объем ее превышает все известные до настоящего времени вакфные документы), за счет доходов вакфного учреждения²⁵³.

Две упомянутые бумажные толчи и мастерская для выделки бумаги изготовляли бумагу на сбыт. Поэтому факт приобретения бумаги на деньги из доходов вакфного учреждения позволяет полагать, что эти бумажные мастерские поставляли свою продукцию на самаркандские рынки. Само же вакфное учреждение приобретало бумагу уже с базара.

Потребность в самаркандской бумаге не ограничивалась спросом на нее внутри страны. Из Средней Азии она экспортировалась в соседние страны. Автор словаря «Бурхан-и кати», давая сведения относительно Самарканда и подытоживая данные других, более ранних,

²⁵⁰ Султан-Али Мешхеди, стр. 135.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Из архива шейхов Джуйбари, Док. 65.

²⁵³ Р. Г. Мукмилова, К истории аграрных отношений..., стр. 32, 298-299.

авторов, пишет, что из Самарканда в Индию привозят бумагу²⁵⁴. Из Самарканда бумага доставлялась и в Герат. Несколько харваров бумаги вместе с другими товарами — кунджут, рисом, хлопком — было направлено на юг через Амударью по распоряжению Убайдуллы Ходжа Ахрара, о чем упоминается в письмах последнего к Алишеру Навои²⁵⁵. Крупнейший специалист по истории феодального Ирана И. П. Петрушевский отметил, что в XVI—XVII вв. в Иране было распространено писчебумажное производство, но бумага, производившаяся там, была хуже среднеазиатской, почему последняя и ввозилась в Иран²⁵⁶.

В 1675 г. в Москву от бухарского хана Абдулазиза приехал посол Хаджи Фарух. После двухмесячного пребывания в Москве с ответной грамотой и подарками он был отпущен назад в Бухару, а вместе с ним в Бухарское ханство были направлены русские посланники Василий Александрович Даутов и Мухаммед Юсуф Касымов. Первый был специально назначен в Бухару и Хиву, а Касымов должен был из Бухары отправиться в Индию. Оба везли грамоты от русского царя Алексея Михайловича: один к бухарскому хану Абдулазизу Баходуру, другой — к шаху Аурангзебу. Им было поручено купить «100 кож хартейных цветных тонких, несколько стоп бумаги цветной с крапинами»²⁵⁷. Из текста неясно, где должны были русские послы покупать эти изделия. Однако, основываясь на тех обстоятельствах, что с Индией Московское государство тогда еще только пыталось наладить отношения, и главное, среднеазиатская бумага доставлялась в другие страны и была широко известна за пределами государства, можно считать, что наказ о приобретении нескольких стоп «бумаги цветной с крапинами» был дан Василию Александровичу Даутову с тем, чтобы он приобрел их в Бухаре.

Итог нашего очерка о бумаге может быть сведен к следующему: в XVI в. в окрестностях Самарканда продолжала производиться бумага, известная в Мавераннахре с раннего средневековья; бумага в XVI в. отличалась большой товарностью, на самаркандских рынках обращались разные сорта ее, лучшими из которых считалась «самаркандская султанская» и «китайская». Первая из них изготовлялась в окрестностях Самарканда, но получила известность по названию города, где производилась ее реализация²⁵⁸. Сообщения современников свидетельствуют, что эта бумага была высокого качества и вывозилась далеко за пределы Средней Азии.

²⁵⁴ Бурхан-и кати, т. II, стр. 53.

²⁵⁵ А. Навои. Маджму'и мурсалот, л. 252—253; Цит. по: Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни..., стр. 38.

²⁵⁶ И. П. Петрушевский. Иран в XVII в., стр. 288.

²⁵⁷ МИУТТ, стр. 219—227; В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., стр. 46—48.

²⁵⁸ Бумага, известная под названием «китайской», возможно, изготовлялась не только в Китае, но и в других странах.

ПРОИЗВОДСТВО МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Обработка металла издревле была почетным делом и занимала заметное место в экономике среднеазиатских государств. В XVI в. бухарские и самаркандские мастера-металлисты изготавливали предметы из меди, бронзы, чугуна, железа и других металлов, а также сплавов. Извлечения из источников позволяют составить довольно обширный список металлических изделий, которые имели самое широкое применение в хозяйственной жизни страны, часть их была рассчитана на удовлетворение потребностей лишь узкого круга обеспеченного населения.

В письменных источниках мы чаще встречаем наименования дорогих металлических предметов, использовавшихся в феодальных домах, дворцах, культовых учреждениях. Имеются и отдельные упоминания об изделиях, которыми пользовались рядовые горожане. В частности, в документах, вошедших в сборник «Маджму'а-йи васайк», называются металлические изделия, использовавшиеся в домах средних слоев населения. В том числе: 30 тазов банных (*طاس حمام*) общим весом в 1 манн и 5 сиров, т. е. вес каждого таза 0,75 кг (документ 1590 г.); ведро медное (*سطل*) весом в дунимсир и нимча — 1,328 кг (документ 1590 г.); котел (*دبک*) большой медный лахорский в 10 дунимсиров — 12,5 кг (документ 1594 г.); три блюда (*طبق*) больших медных весом в 3 дунимсира и нимча, следовательно, вес каждого блюда составлял 1,526 кг (документ 1594 г.)²⁵⁹. В тот же сборник включен акт о разделе имущества, где числятся 8 блюд, два котла (*درک*), один котелок для растапливания овечьего курдючного сала (*دیگچه خویله گداز*) общим весом в 1½ манна, т. е. 30 кг (год составления акта не указан)²⁶⁰. Как видим, ценность металлических изделий определялась не только металлом, из которого они были изготовлены, но и их весом.

Документальные источники сообщают нам о железном затворе, замке, фонаре, вертеле, серпах и других изделиях из железа.

Широко использовавшиеся в хозяйстве лопата (*بیل*) (один из тех, кто занимался распродажей лопат — билфуруш, проживал в 1570 г. в Бухаре), тиша (*تیسه*), кетмень (*کلتند*), топор (*سالتو، قیر*) (последний имел и боевое назначение) изредка упоминаются в источниках. В числе сельскохозяйственного инвентаря, купленного джуйбарским шейхом, были четыре лопаты и два железных предмета,

²⁵⁹ Маджму'а-йи васайк, л. 256, 28а, 77а. Пересчет меры весов выполнен Е. А. Давидович (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии, стр. 90, прим. 65).

²⁶⁰ Маджму'а-йи васайк, л. 229а.

название которых не удалось восстановить из-за плохой сохранности текста, а по вакфной грамоте 1489 г. в списке жертвуемых имуществ числятся четырнадцать кетменей и шестнадцать лопат²⁶¹. Ремесленники-строители, основным инструментом которых была тиша (ахл-и тиша (اهل تیشه) упоминаются в нишане, выданном на имя главы (کلا سر) Устода Гуляма Али²⁶². На миниатюрах XVI в. лопата, кетмень и тиша имеют такую же форму, какую они, находя частичное применение в хозяйстве, имеют и теперь.

Сравнительно часто упоминаются в письменных памятниках котлы бронзовые, медные и чугунные, разных размеров, форм и назначения: для литья свеч, растапливания курдючного сала, сиропа и т. д. Для их обозначения использовались разные наименования: пагила, кудур, диг

(پاتله قدر دېگ) и др. Некоторые из них были очень большими. По приказу Тимурида Мирза Мухаммеда Джуки в Хорасане был отлит котел из сплава «семи металлов». Его величина была такой, что в нем (по словам Хафиза Таныша) можно было одновременно сварить мясо 300 баранов²⁶³. Такие котлы, подобно котлу из мечети Ходжа Ахмеда Ясави²⁶⁴, очевидно, изготавливались по предварительно приготовленным моделям, с которых снимались колыбы для отливки.

Наличие гладильных дуканов (دكان اوتو کشی) и упоминание утюга (آتو) «накаленного до красна», которым один из эмиров хотел наказать свою служанку, позволяет говорить о существовании металлических утюгов и, возможно, мастеров, изготавливавших их. Согласно одному из документов, в 1557 г. два гладильных дукана располагались снаружи старой крепости Бухары²⁶⁵.

Сельскохозяйственный инвентарь, инструменты ремесленников и простая медная посуда без какой-либо отделки свидетельствуют об использовании металлических, в частности, медных, изделий в быту довольно широких слоев населения.

Ассортимент металлических изделий, в основном использовавшихся в аристократических кругах населения (шестидесятые годы XV в), представлен в вакфном документе самаркандского мавзолея Ишрат-хана, составленном от имени дочери эмира Сухраба Хабибы Султан в 1464 г.

²⁶¹ Из архива шейхов Джуйбари. Док. 3, 375; Самаркандские документы..., стр. 172, 232.

²⁶² Мактубат ва аснад, л. 175а.

²⁶³ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 427б.

²⁶⁴ М. С. Булатов. Шедевр мастера Абдаль Азиза (Из истории художественного литья в эпоху среднеазиатского Ренессанса), СА, № 2, 1969, стр. 233—234. Там же литература вопроса.

²⁶⁵ Мактубат ва аснад, л. 216б; Маджму'а-и-и васанк, л. 116а; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан, т. II, стр. 1138; Из архива шейхов Джуйбари, Док. 48.

Приводим список этих предметов (в чтении и переводе В. Л. Вяткина): лангард (котел) медный, большого веса в семнадцать с половиной сиров — 8,75 кг²⁶⁶, (из расчета: сир = 1/40 манна, а мани XV—XVI вв. равен 20 кг); наила (котлообразный сосуд для разведения сладкой воды) медная, большого веса в двенадцать с половиной сиров — 6,25 кг; хуланчи (чаша) бронзовая; афтоба (кувшин для умывания) бронзовая; два стаканчика свечных бронзовых, чеканенных серебром, больших; машраба (котлообразный сосуд) с серебряным горлышком, золоченая; фонарь железный; кадильница (уд-суз) медная с серебряной насечкой; нож с ручкой из зуба с ножнами из кимухта²⁶⁷; сафьяновый сундук, закрываемый железным затвором; две бронзовые чаши золоченые; двенадцать кандилей (канделябров) медных, из них один обработанный золотом и одиннадцать малых; мангал (жаровня) медная с железными ножками и т. д.²⁶⁸. В других произведениях нередко упоминается циркуль.

В зависимости от металла, с которым имел дело мастер, а также вида вырабатываемой продукции ремесленники делились на множество профессий, причем наблюдалась довольно узкая специализация мастеров-металлистов.

Довольно многочисленны были кузнецы (ахангаран — *اھنگران*). Эти ремесленники, а нередко их дома и мастерские, упоминаются и в Бухаре и Самарканде. Дуكان вместе с деревянным айваном и открытой площадкой для кузнечного ремесла, согласно документу от 1566 г., располагался у базара внутри крепости Каракуль²⁶⁹.

На миниатюрах, иллюстрирующих рукописи XV—XVI вв., можно увидеть изображение кузницы, где размещены горн, меха, наковальня, молоты, щипцы, тиша и т. д. Здесь одновременно работало несколько человек²⁷⁰.

Гвозди разных форм и размеров были обнаружены в гробах при вскрытии захоронений в Самарканде. Их изготавливали гвоздари

²⁶⁶ Сир — единица веса, равная 1/40 манна (батмана) (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии., стр. 103, 90).

²⁶⁷ В. Л. Вяткин это слово ошибочно прочитал *کیمخت* (کیمخاب) вместо *کیمخت*. Отсюда перевод: «камка» (сорт ткани), вместо «кимухт» (особый сорт кожи).

²⁶⁸ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 125, 126, 128, 131. (Чтение и перевод В. Л. Вяткиным отдельных терминов требует уточнения).

²⁶⁹ Маджму'а-йи васанк, л. 177а; Из архива шейхов Джуйбари. Док. 43, 280, 308.

²⁷⁰ Ркп. ЛО ИВ АН СССР, С-1654, л. 212; О. И. Галеркина. Рукопись сочинений Навои 1521—1522 гг. из собраний ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Труды, т. XLII, Институт истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, 1956, стр. 228, 230, 232.

(михчегаран — *میخچه گران*). Мастерские ковалей (подковщиков) (на'лбандан — *نعل بندان*, такачийан — *تاقاچیان*) в Самарканде упоминаются на старом базаре подковщиков — на'лбандан-икадим. В городе была и улица подковщиков — такачийан. Были они и в Бухаре. Мастера по изготовлению иголок (сузангаран — *سوزانگران*) дали название самаркандским воротам Сузангаран и примыкавшей к ним улице²⁷¹. В серии документов, составленных при поступлении ученика к мастеру, имеется договор 1589 г., по которому сын Шамсуддина поступил в обучение к мастеру Устоду Мулле Мирзе Али Сузангару с тем, чтобы последний в течение двух лет обучил его искусству игольщика (*صنعت سوزنگری*)²⁷².

На выделке ножей специализировались мастера-ножовщики (кардгар — *کار دگر*, пичакчи — *پچاقچی*), изготавливавшие ножи разных форм и размеров. Один из таких мастеров, некий Маулана Абди, «известный как Пичакчй», проживал в Самарканде в конце XVI в. Один из дуканов по производству ножей (*دکان کار دکاری*) находился на базаре Масджид-и Маулана Эмири в Бухаре²⁷³.

Для зачинки каляма использовались особые перочинные ножи (*اقلیم تراش*), лезвие которых было разной длины и ширины, о чем мы узнаем от Султана Али: «Я дам тебе наставление о перочинном ноже, открою сокровенные слова: лезвие его (должно быть) не длинным (и) не коротким, не узким и не широким...»²⁷⁴. В настоящее время среди экспонатов Музея истории народов Узбекистана им. Айбека имеются перочинный нож и бритвы, использовавшиеся в медицине, а также очень большие ножи с треугольным сечением лезвия, которые могли иметь боевое назначение.

В источниках упоминается слесарь — чилаңгар (*چیلانگر*), мастер, выделывавший напильники, — сухангар (*سوهانگر*), мастер, изготавливавший щипцы для снятия нагара со свечей, — микразгар (*مقراضگر*)²⁷⁵ и другие мастера, специализировавшиеся на изготовлении какого-либо одного предмета.

Широкий ассортимент предметов бытового и хозяйственного назначения изготавливали медники (*مسگر*). Основной продукцией медни-

²⁷¹ Маджму'а-йи васанк, л. 171а; Самаркандские документы., стр. 341, 378; Вакфнаме, стр. 238.

²⁷² Маджму'а-йи васанк, л. 1186.

²⁷³ Там же, лл. 26а, 105а: Из архива шейхов Джуйбари, Док. 43 (В переводе неверно: дукан «по продаже ножей», «Хозяйство джуйбарских шейхов», стр. 119).

²⁷⁴ Султан-Али Мешхеди, стр. 135.

²⁷⁵ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 43, 90; Мактубат ва аснад, л. 25а, 175а.

ка была посуда, разная по величине и форме: кувшины разного назначения и наименования (افتابه، کوزه), тазы, в том числе банные (طاس حمام), ведра (سطل). В вакф-наме 1489 г. называются большие и маленькие медные котлы (دبگ), миски (کاسه، شاه کاسه), медные котелки (پاتله) для сиропа, медные шумовки (کبکیر), блюда (طبق لیگرد) и кувшины (کوزه). В источниках упоминаются также: медные кадилыница, ковшик, канделябры и другая продукция медников²⁷⁶. Зайниддин Васифи сообщает, что лучшие образцы медных изделий украшались чеканкой. Такие изделия из меди стоили дорого и были доступны лишь богатым горожанам. Один из мастеров-чеканщиков — самаркандец Устод Камал (начало XVI в.) «обладал предельным совершенством в искусстве обтачивания металла» (методом? چرخکاری). По характеристике его друга, он был якобы «единственным мастером [своей] эпохи..., подобного ему ремесленника на престоле ремесла не сидело»²⁷⁷.

Отливкой изделий из бронзы (برنج) занимался рихтагар (ریخته گری). Во второй половине XVI в. в Бухаре проживал некий мастер-литейщик Устод Яр Хасан Рихтагар, который, по сведениям юридического документа 1563 г., имел свой дуكان и дом, «построенный на отчужденной полосе рва»²⁷⁸.

В литературе было высказано мнение, что в Средней Азии «бронза исчезла из обихода чуть не с XIII в.»²⁷⁹, между тем в письменных источниках XV—XVI вв. упоминаются не только литейщики-рихтагар, но и значительное число изделий из бронзы (برنج).

Уникальная группа бронзовых художественных изделий, общее число которых превышало шестьдесят, и включало сосуды, на которых «чеканка сочетается с филигранной резьбой, нанесением черни, инкрустацией золотом, серебром и красной медью», была обнаружена при археологических работах последних лет в Самарканде на площади Регистан, к востоку от медресе Шир-Дор. Среди них кувшины с высокими

²⁷⁶ Маджму'а-йи васайк, лл. 256, 28а, 77а; Самаркандские документы, текст, стр. 171, перевод, стр. 232—233; В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 129.

²⁷⁷ Зайн ал-дин Васифи. Бада'ал-вакан', т. I, стр. 108; А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ал-дина Васифи., стр. 228—230.

²⁷⁸ Из архива шейхов Джуйбары, Док. 40.

²⁷⁹ А. А. Семенов. Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана, Литература и искусство Узбекистана, кн. IV—V, стр. 122.

цилиндрическими горловинами и овально-округлым туловом, котелки шаровидной формы, полые подставки восьмигранной формы, покрытые чеканкой, некоторые инкрустированы красной медью, десертная ложечка, ковш и другие изделия. Часть из них инкрустирована серебром и золотом, что выполнялось «преимущественно способом холодной набойки: серебряные буквы, изображения и медные пластинки вбивали в подготовленную предварительно резцом глубокую основу; золотые буквы подписи вырезали из тонкого листового золота и набивали сверху». Все это находилось на небольшой разрушенной печи XIV—начала XV в.²⁸⁰

Среди бронзовых сосудов, перечисленных в дарственной грамоте в пользу мавзолея Ишрат-хана, числятся бронзовая хуланчи (чаша) (افغانه برنجين) бронзовая афтоба (افغانه برنجين) два стаканчика свечных бронзовых, чеканенных серебром (در سر شمع برنجين) бронзовый стаканчик для свечей с узорами из золота (نقره کوشت (بك شمع پای برنج نقش طلا).

Судя по данным исследователей, изготовление медных и бронзовых кувшинов и некоторых других изделий осуществлялось в XV и XIX столетиях путем сплавания элементов, каждый из которых отливался отдельно. По аналогии можно полагать, что также изготовлялась бронзовая продукция в XVI в.

В приведенном выше списке предметов домашнего обихода, жертвуемых в пользу мавзолея Ишрат-хана, упоминается жаровня — мангал (مئول). Он мог использоваться для приготовления небольшого количества пищи, а также для прогрева помещения при помощи раскаленного древесного угля. Определенный вид мангала (по данным более позднего времени) был известен под названием мангал-и бухари — бухарский мангал. Им часто пользовались на базарах для приготовления пищи²⁸¹.

Мангал, включенный в список вакфных документов, был сделан, как сказано в источнике, из меди (مس) а его ножки — из железа.

К более позднему времени относятся указания о чугунных мангалах, каждая часть которых отливалась отдельно, а также о мангалах из бронзы с чугунными ножками²⁸², т. е. во всех случаях мангал состоял

²⁸⁰ Ю. Ф. Буряков. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV — начала XV века из Самарканда, ОНУ, 1969, № 8—9, стр. 82, 84; См. также: М. С. Булатов. Шедевр мастера Абдль Азиза.

²⁸¹ Hans E. Wulff. The traditional crafts of Persia, p. 28.

²⁸² О. А. Сухарева. К вопросу о литье металлов в Средней Азии, стр. 153; Hans E. Wulff. The traditional crafts of Persia, p. 28.

из нескольких элементов, спаявшихся вместе. Кувшины, обнаруженные при археологических раскопках в Самарканде, были спаяны из приготовленных врозь элементов, ручки крепились с помощью заклёпок-гвоздиков.

Довольно развитым ремеслом в XVI в. было литье чугуна, которое, как сообщает М. Е. Массон, было известно в течение всего средневековья²⁸³. Основными изделиями из чугуна были котлы. Котлы изготовлялись разных размеров для бытовых нужд и производства (таким был, например, «котел чугунный для литья свеч») ²⁸⁴. Из чугуна изготовлялись также светильники; среди них встречаются подвесные, украшенные ажурной решеткой. Образцы их экспонируются в Музее истории народов Узбекистана им. Айбека и Государственном музее искусств УзССР.

Среди предметов, переданных в пользу медресе Шейбани-хана, называются два чугунных котла (دیگجوين). Один из них был разбитый и не мог использоваться по назначению и, как оговаривается в грамоте, служил для прикрытия огня²⁸⁵. Эта деталь — негодный котел в списке вакфного имущества, не только свидетельство скрупулезности описи, но и значительной ценности предмета из чугуна.

В одном из актов, составленных в Самарканде в 1590 г. в связи с разделом имущества, оставшегося после смерти жителя местности Чуйанчи (Чугунщик) тумана Согди Калан Самаркандской округи Муллы Науруза, сына Муллы Паянда, мы находим материалы, значительно дополняющие сведения о чугунолитейном промысле в Средней Азии XVI в. Здесь упоминаются чугунолитейная мастерская и 4 манна чугуна, стоимостью в 16 танга ханских²⁸⁶. Последнее в дальнейшем могло быть использовано для изготовления чугунных изделий. Само же название местности свидетельствует о том, что жители занимались чугунолитейным делом. Это первые выявленные письменные сообщения о чугунолитейной мастерской и занятий населения Средней Азии чугунолитейным делом, почему содержание акта с этой точки зрения, представляет огромный интерес. Следует также отметить упоминание земель Чуйанчийан в «Самаркандских документах XV—XVI вв.», что также может быть рассмотрено как факт занятия жителей этих земель литьем чугуна²⁸⁷.

Литейщик чугуна — чуйанчи, был тесно связан с городом, где в основном реализовывалась продукция чугунолитейного производства.

²⁸³ М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана, стр. 3, 48; Он же. К истории горного дела на территории Узбекистана, стр. 39, 47.

²⁸⁴ Самаркандские документы, стр. 232.

²⁸⁵ Вакф-наме, текст, стр. 120, перевод, стр. 234.

²⁸⁶ Маджму'а-и васайк, л. 227а.

²⁸⁷ Самаркандские документы., стр. 177, 390.

Реже упоминаются в источниках предметы из стали (بولاد، فولاد), хотя ее обработка была известна на Востоке еще в раннее средневековье (особенной славой пользовалась дамаская сталь, отличавшаяся высококачеством). «Булатные сабли» и ножи называются в числе товаров, привезенных среднеазиатскими послами в Московское государство. Имели применение также булатные ножи европейского изготовления²⁸⁸.

Обработка драгоценных металлов была высокоразвитой отраслью ремесла. Письменные источники XVI в. упоминают о специалистах-тянульщиках узкой плоской ленточки из серебра (سیم کش) и из золота (زر کش). Одна из лавок-мастерских тянульщиков металлической ленточки-сим (دکان سیم کش)²⁸⁹, располагавшаяся в Самарканде на базаре Хурдафурушан, в 1589 г. была продана «неокончательной продажей», т. е. заложена одному из «уважаемых» лиц города. В дуكانе имелся следующий инвентарь (терминология, использованная для обозначения, к сожалению, выяснена лишь частично): кузнечный мех (گاو دم), три чурбана (کنده), вероятно с наковальнями, на которых производилась обработка раскаленного металла, а также три балки-подпорки и четыре суфы. Один из чурбанов называется آهن کشی, другой آتش کاری, третий باریک کشی. Инвентарь вместе с дуканом, как балки и суфы, находившиеся у входа, переходили в распоряжение нового хозяина.

Как во многих случаях, оформленных юридически и включенных в серию документов «Маджму'а-йи васайк», отныне прежний владелец дукана обязан был платить за аренду мастерской сумму в размере 6 динаров за каждый истекший день. По законам шариата это оформлялось как плата, причитающаяся за хранение новым хозяином тридцати банных тазов, седла и попоны, принадлежавших прежнему владельцу мастерской²⁹⁰.

В Бухаре и Самарканде, где находился феодальный правитель и его пышный двор, где был сосредоточен государственный аппарат, где жили и куда съезжались купцы, было сосредоточено производство дорогостоящих ювелирных изделий. В рукописях изучаемого времени нередко упоминаются ювелиры-заргаран (زرگران), специали-

²⁸⁸ МИУТТ, стр. 98, 249; Зайн ад-дин Васифи, Бадаи'ал-вакан', стр. 1100; Маджму'а-йи васайк, л. 1856.

²⁸⁹ Узкая полоска металла—сим в России известна была под названием «бить» (Е. М. Пещерев а. Бухарские золотошвей, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVI, стр. 274).

²⁹⁰ Маджму'а-йи васайк, л. 256.

ровавшиеся на изготовлении серег, перстней, браслетов и т. п. Золотые серьги (**سُرِّيَّة طَلْعَة**), каждая весом в три мискаля²⁹¹, упоминаются в одном из юридических документов, составленном в 1590 г.²⁹². Золото шло на женские украшения, но и мужчины любили пользоваться драгоценностями²⁹³. Любимым камнем на Востоке были бирюза, сердолик, агат — камни с магическим значением, равно как ла'л, изумруд и жемчуг, которым украшались налобные повязки и серьги.

Дорогие украшения составляли фамильные достояния и передавались из поколения в поколение. Мастера-ювелиры были особенно тесно связаны с феодальной знатью. При дворах государей и некоторых эмиров могли быть свои ювелиры. Таким был, например, Султан Мурад, мастер золотых дел (**زرگر**) эмира Шахмансура — одного из приближенных Султана Хусейна²⁹⁴. Браслеты, серьги, кольца, выполненные из меди, бронзы и серебра дополняли праздничный наряд городских женщин среднего сословия, а также привозились в сельские местности и в степные районы.

Небольшой круг феодальной знати пользовался дорогой посудой, украшенной золотом и серебром. Золотые и серебряные бокалы и блюда (**الحنان اياغ نقره حمام**) нередко упоминаются в «Абдулла-наме» Хафиза Таныша, «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха и в других исторических сочинениях этого периода²⁹⁵. Изображения таких предметов можно видеть на миниатюрах XVI в.

Роскошные изделия из металла, отделанные чеканкой, инкрустированные золотом, серебром и драгоценными камнями, служили предметом дарения. «Золотые» и «серебряные» бокалы были преподнесены, например, Шейбани-хану. В числе подарков, привезенных в 1585 г. послом Абдулла-хана II Мухаммедом Али царю Федору Ивановичу, называется «чаша ценная с травами навожена золотом»²⁹⁶.

По сообщениям письменных источников, мастерские медников, кузнецов и других металлостов находились на базарах. Здесь они работали, здесь же они продавали свою продукцию.

Специализированные базары по обработке металла существовали во многих среднеазиатских городах. Торговые ряды кузнецов, медников, литейщиков котлов, подковщиков, серповщиков, целые кварталы подковщиков, мастеров по изготовлению иглол и т. д., находившиеся в

²⁹¹ Если исходить из того, что в Самарканде «единица веса в 4,46 г сохранилась... и в последующее время», после VI—VIII вв. (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии..., стр. 95), то каждая серьга весила 13,38 г.

²⁹² Маджму'а-йи васайк, л. 816.

²⁹³ См., например, миниатюры к «Бабур-наме», миниатюра № 1.

²⁹⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1103.

²⁹⁵ См. например, Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 3.

²⁹⁶ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 3; МИУТТ, стр. 98.

Самарканде и Бухаре, сосредоточивали основное число мастерских и лавок по изготовлению металлических предметов и их реализации, а в указанных кварталах значительная часть домов принадлежала носителям названных профессий. Часть мастеров-металлистов работала на дому.

Многочисленность мастеров, специализировавшихся на изготовлении и продаже металлических изделий, позволяет считать, что промыслы по обработке металлов занимали в жизни населения городов XVI в. значительное место.

Приведенный материал свидетельствует также о довольно узкой специализации ремесленников-металлистов. Готовое или полуготовое изделие могло передаваться на обработку другому специалисту. Мастер-медник, например, сочетал свою работу со специалистом-отделочником, причем по установленным правилам, первый, если даже и умел обрабатывать свои изделия, не всегда имел право обходить второго. Подобный пример имеется в мемуарах Зайниддина Васифи²⁹⁷. Текст Васифи позволяет полагать, что основная часть готовой продукции передавалась медником на обработку другому специалисту. Основываясь на исследовании группы медных и бронзовых изделий из Самарканда, относящихся к концу XIV — началу XV в., Ю. Ф. Буряков также заключил, что изделия медника поступали на обработку к художнику по металлу²⁹⁸.

Перечень разнообразных изделий металлистов, а также сохранившиеся в музеях образцы свидетельствуют о довольно высоком уровне ремесленного производства в области цветной металлургии и упорном труде народных мастеров, занимавшихся ковкой, литьем и чеканкой по металлу. Переплетение рисунка с арабскими письменами требовало от мастеров особенно высокой квалификации, помимо искусства в этих случаях необходима была грамотность для умения гравировать на особо ценных изделиях изречения из Корана, стихи известных поэтов или имя заказчика, реже мастера.

При Шейбанидах обработка железа производилась прежними методами. У нас нет сведений, которые бы позволили говорить о прогрессе в области этого производства, по сравнению с предыдущим столетием. Самарканд — некогда центр производства чеканных инкрустированных изделий, хотя в следующие столетия (XVIII — начало XX вв.) «и в технике чеканки, и в художественных принципах имеет много оригинальных, только ему свойственных черт», постепенно уступает пер-

²⁹⁷ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 108.

²⁹⁸ Ю. Ф. Буряков. Коллекция бронзовых художественных изделий., стр. 84.

венство Бухаре. Медночеканные изделия бухарских мастеров XVIII — начала XX в. завоевали широкую славу и известность²⁹⁹.

Среднеазиатские города были знакомы с изделиями европейских мастеров-металлистов. Наши источники дважды упоминают о ноже европейского изготовления — кард-и фаранги (کارد فرنگی). В первом случае речь идет о Герате. По словам Зайниддина Васифи, он бежал из бала-хана в саду (куда его заточили), разрезав железную решетку «франкским ножом»³⁰⁰. Другой пример относится к Самарканду конца XVI в. Согласно юридическому решению от 1589 г., группа мастеров получила у некоего Муллы Баки, сына Яр Мухаммеда, ссуду в 100 танга-и хани, передав ему на хранение «булатный нож для (резки) мяса, европейского изготовления» (بک کارد فولاد گوشت بر فرنگی تاجی).

Цена ножа определяется в одну тангу, а за каждый день хранения его должны были уплатить 7 динаров³⁰¹. Как известно, мусульманский закон запрещал брать проценты за ссуду денег и они взимались в завуалированной форме, якобы за хранение какой-либо вещи, принадлежавшей должнику. В данном случае таким предметом был стальной нож для мяса европейского изготовления.

Некоторые металлические предметы доставлялись из соседних стран, пример тому — упомянутый лахорский котел.

Приведенные примеры свидетельствуют как о связях Средней Азии с соседними и отдаленными странами, так и об определенном взаимовлиянии разных стран в области ремесла. Через Россию и другие страны в Среднюю Азию ввозились и изделия западных мастеров.

Предметы вооружения. Часть мастеров-металлистов специализировалась на изготовлении оружия. Значительное развитие оружейное дело получило в Самарканде — столице обширной империи Тимура, политическая мощь которой во многом зависела от армии, для которой в специальных мастерских изготовлялось разного рода вооружение: мечи, сабли, кинжалы, секиры, боевые топоры, латы, шлемы.

С приходом к власти Шейбанидов заметная роль в войске стала принадлежать кочевым элементам, из которых комплектовалось ядро армии, состоящее из конницы.

Воины, как правило, должны были приходить в ополчение вооруженными. Описывая снаряжение войск двух политических противников начала XVI в. — Тимуридов и Шейбанидов, авторы сочинений не

²⁹⁹ Т. А. Абдуллаев. Медночеканные изделия узбеков XIX—XX вв., Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1970; Он же. Художественные металлические изделия Самарканда; Sigrid Westphal—Heilbusch, Ilse Bruns. Metallgefäße aus Buchara, Museum für Völkerkunde.

³⁰⁰ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-ваки', т. II, стр. 1100.

³⁰¹ Маджму' а-ли васаик, л. 1856.

отмечают особой разницы между ними: те и другие были вооружены луком со стрелами, кинжалом и мечом; различные части тела прикрывались доспехами.

Основными политическими претендентами на власть в Мавераннахре в самом конце XV—начале XVI в. были узбекский хан Шейбани и потомок Тимура Захириддин Мухаммед Бабур. Первый из них, как свидетельствует поэт Мухаммед Салих, постоянно имел при себе лук с колчаном (سپهسالار پادشاهي قولندا)³⁰² и был прекрасным стрелком из лука. Приблизительно также характеризуют авторы вооружение Захириддина Бабура. Мечом и кинжалом был вооружен, по сообщению Фазлаллаха ибн Рузбихана, племянник Шейбани-хана Убайдулла-султан³⁰³, а тимуридский эмир Ибрахим Сару Минглик, сдавшийся Бабуру, в знак полного повиновения «повесил на шею меч (مچ) и колчан»³⁰⁴.

Меч и лук со стрелами широко использовались конными лучниками при нападении, с помощью лука защищались на крепостных стенах осажденные горожане. «Лук у него был крепкий, стрела — длинная», — характеризует одного из эмиров Султана Хусейна Захириддин Бабур³⁰⁵. Следовательно лук и стрелы изготовлялись разных размеров и форм. Применялись также арбалеты (самострелы) — тахш (تخش).

Стрельцы — тахшандазан изредка упоминаются как участники военных столкновений³⁰⁶.

Лук и стрелы продолжали играть значительную роль при боевых столкновениях и позже, когда значительное распространение получили ружья. Так, в 1519 г. продвигаясь на территории Афганистана, Захириддин Мухаммед Бабур имел в своем войске стрельцов из ружей — туфакандазов, сам же он предпочитал пользоваться луком и стрелами. Меткой стрельбе из лука, как и верховой езде, в соответствии с требованиями времени он был обучен с детских лет³⁰⁷. Сочетание лука и стрел с ручным огнестрельным оружием объяснялось тем, что эффективность ружья в первое время лишь немногим превосходила эффективность лука.

Для ношения лука мастера готовили чехол — палучне, а для стрел — колчан (саадак — (سداغ ق)). Для ханов и султанов изготовлялись саадаки, которые делались из дорогой кожи, украшались дра-

³⁰² Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 21, 38.

³⁰⁶ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 52, 53; The Babar-nama, л. 316.

³⁰⁴ The Babar-nama, л. 316.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 52, 53; The Babar-nama, л. 316.

³⁰⁷ The Babar-nama, л. 234а.

гоцекиным металлом и самоцветами. Подобные саадаки служили одним из предметов вывоза в другие страны, как и «луки с золотом» («каман-и тиллакари») — *کمان طلاکاری*³⁰⁸.

Разными по форме были изготавливаемые ремесленниками щиты (*تورم قالقان*). Деревянные щиты могли быть сделаны тут же во время осады крепости мастерами, находившимися при войске³⁰⁹. Изготавливались и более надежные щиты с металлическими украшениями. Но и их иногда пронзали стрелы, особенно если были пущены хорезмскими юношами, являвшимися, по признанию современников, хорошими стрелками³¹⁰. «Они так хорошо метали стрелы, что не раз простреливали насквозь щит и кольчугу, а иногда даже две кольчуги», — писал Бабур³¹¹.

В музеях Узбекистана, в частности, среди экспонатов и в фондах Государственного Музея культуры Узбекской ССР (Самарканд) и Музея истории народов Узбекистана (Ташкент), имеются щиты деревянные, обтянутые кожей, а также сделанные из кожи и металла. Щиты из кожи скреплялись металлической пластинкой в форме кольца, на которую часто наносился разноцветный орнамент. Большинство кожаных щитов покрашены черной краской, на некоторых имеются следы красной краски. Можно полагать, что такими же были изготовленные мастерами разноцветные щиты, упоминающиеся Хафизом Танышем в «Абдулла-наме». Хафиз Таныш говорит также о щитах рубинового цвета — *ла'л*³¹². Следовательно, мастера, изготавливавшие щиты, имели дело и с красками. Некоторые из кожаных щитов — продолговатой формы, сужающиеся к центру и расширяющиеся к углам. В фондах музеев имеются и металлические щиты, орнаментированные чеканкой и насечкой. Они разных размеров. Время и место их изготовления не обозначено. Но в общем они напоминают те, которые встречаются у воинов, изображенных на миниатюрах XVI в.

В числе даров, присланных из среднеазиатских ханств, Ирана и Турции, в описи оружия и ратных доспехов Бориса Годунова упоминаются «медные, железные и расшитые шелком тростниковые щиты бухарской, иранской и турецкой работы»³¹³.

Кольчуга и латы — *джиба*, *сават* (*саут*), *джаушан* (*جیه صاوت*) защищали тело воина от холодного и, отчасти, огнестрельного оружия. (*ساوت جوشن*)

³⁰⁸ МИУТТ, текст, стр. 435, перевод, стр. 236.

³⁰⁹ См. например, Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 58.

³¹⁰ The Babar-nama, л. 463а, 234а; Абдулла-наме, рип. Д—88, л. 445б.

³¹¹ Бабур-наме, стр. 189.

³¹² Хафиз Таныш. Абдулла-наме, стр. 423б.

³¹³ М. В. Фехнер. Торговля русского государства..., стр. 92.

Обычно доспехи изготавливались местными мастерами, но были и привозные, импортировавшиеся из других стран. По словам Хафиза Таныша, несколько верблюдов, нагруженных дербентскими доспехами — саут, прибыли в Бухару из Москвы³¹⁴. Упоминаются также «калыцкая джиба» и «дербенд джибаси».

В Самарканде конца XVI в. несколько мастеров специализировались на изготовлении доспехов. В серии договоров из «Маджму'а-йн васайк», заключенных в связи с поступлением мальчиков в обучение к мастерам, имеются соглашения, составленные между мастерами — джибатаб и будущими учениками (или близкими последних, если они были малолетними). Договоры были заключены в 1590 г. в Самарканде³¹⁵. Согласно одному из них, Мулла Тимур, сын Муллы Джан Мухаммеда, отдал своего брата Ибадуллу в обучение Устоду Мухаммед Мумину Джибатабу с тем, чтобы последний за два года обучил его брата «искусству изготовления доспехов» (صنعت جلیبه تابی) в такой степени, чтобы мастера этой специальности одобрили успехи Ибадуллы. Согласно второму договору, мастер Устод Науруз Джибатаб должен был по истечении четырех лет обучить своей специальности мальчика по имени Шахмухаммед, сына Устода Рамазана³¹⁶.

Продукция самаркандских джибатабов приобреталась военными из зажиточных слоев местного населения, а также населения других городов. В Бухаре, а возможно в Ташкенте и других центрах, могли быть свои специалисты, изготавливавшие доспехи для воинов.

Образцы кольчуг сохранились до наших дней. В фондах Музея истории народов Узбекистана им. Айбека имеются кольчуги, сделанные из металлических колец, продетых друг в друга. По форме — это рубахи с короткими рукавами. В кольца воротника продеты полосы из кожи, прочной ткани или бархата, обеспечивающие вертикальное положение воротника. Костюм воина на миниатюрах XVI в. и существовавшая традиционность в выработке ремесленных изделий позволяют думать, что образцы музейных кольчуг очень близки к тем, которые изготавливались самаркандскими мастерами.

Голову воины защищали шлемом. Он мог быть разных форм, сшитым из войлока, а также металлическим, с подвешенной кольчужной сеткой и без нее.

Тело боевых коней предводителей феодальных ополчений покрывалось броней (سجدهم بر گستوان). Часть таких доспехов доставлялась в Среднюю Азию из Европы, они назывались «фаранги» — «европей-

³¹⁴ Хафиз Таныш, Абдулла-наме, л. 335б.

³¹⁵ Маджму' а-йн васанк, л. 120б, 122б.

³¹⁶ Там же.

ский». Воин, закованный в металл, восседающий на коне в европейской броне, упоминается как участник военных сражений и во второй половине XVI в.³¹⁷

К собственному имени мастера-оружейника добавляли еще одно в зависимости от вида вооружения: лучный мастер (کمانگر), мастер, изготавливавший колчаны (ترکش دوز), мастер по выделке стрел (تیرگر), мастер мечей (شیرگر) и т. д.

Один из указов (инша), включенный в рукописный сборник «Мактубат ва аснад», дает некоторое представление о социально-экономическом положении определенной группы оружейников. Указ был выдан некоему Шейхиму Курчи, который согласно инша, назначался на должность начальника арсенала (داروغگی قورخانه). Под его началом находились мастера стрел, мастера-лучники, мастера, кующие мечи, носители особых плащей (?), вероятно, одевавшихся поверх доспехов, (توز پوشان)³¹⁸, а также группа населения (جماعت), которая «с древнейшего времени до настоящих дней» относилась к курчи (قورچیان). Оружейники обязаны были беспрекословно подчиняться начальнику қурхана, который со своей стороны должен был заботиться «об их благополучии». Примечательно, что в тексте одновременно используются термины استاد — мастер и هنرمندان — ремесленник³¹⁹. Большой интерес представляет сообщение о том, что оружейники, упоминаемые в указе, закреплялись за даругой қурханы на правах дарбаста (دریست او دانند) и сборы от ремесла и посевов ремесленников должны были передаваться ему³²⁰.

С распространением и совершенствованием огнестрельного оружия изменяется характер рубящего и метательного вооружения. Пуля сравнительно легко пробивала доспехи, почему последние изменили форму, а позже постепенно потеряли свое значение. Однако в XVI в. еще продолжали пользоваться доспехами и щитами, какие были известны в предыдущее столетие, а лучники и после того, как стали применяться ружья, оставались опорой феодального войска.

Виды оружия наглядно отражали классовую принадлежность их носителей. Сделанные во время боя простые деревянные щиты и щиты, покрытые чеканкой и рисунками, — пример вооружения представите-

³¹⁷ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д—88, л. 465б.

³¹⁸ Содержание термина не выяснено.

³¹⁹ Мактубат ва аснад, л. 45а, 46а.

³²⁰ Подробнее см.: А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., стр. 45.

лей разных ступеней иерархической лестницы, столь характерной для периода феодализма.

Как видно из источников, доспехи были далеко не у всех воинов. В войсках узбекских султанов, по свидетельству Мухаммеда Салиха, те, кто не имел джиба, обматывал тело войлоком: *جيبه سبز کیمز بيله*.

*جولفانی*³²¹. Предметы военного снаряжения, предназначавшиеся для феодальных правителей и знати, богато украшались драгоценными камнями и художественной чеканкой. Нередко, описывая феодальных предводителей во время походов, авторы письменных источников XVI в. указывают, что они были в золоченых доспехах. Так, автор «Зубдат ал-асар» отмечает, что оружие, одежда и седло одного из сефевидских военачальников «были из золота». «Из золота», по словам Хафиза Таныша, было вооружение Абдулла-хана II: в его руках был «золотой щит, на голове золотая каска», подпоясан он был золотым поясом»³²².

Бурные политические события, развернувшиеся в связи с завоеванием тимуридских владений войсками Мухаммеда Шейбани на рубеже XV—XVI вв., нашли отражение в многочисленных исторических источниках, авторы которых принадлежали к разным политическим группировкам. В них освещаются как военные действия завоевателей, так и многочисленные межфеодальные и династические войны внутри тимуридского государства. Между тем, при подробнейшем описании военных сражений и предметов вооружения воинов в письменных источниках этого времени лишь изредка встречаются упоминания о применении ручного огнестрельного оружия³²³. Определенное указание об огнестрельном оружии при описании военных действий ополченцев, возглавляемых Захириддином Бабуром в 1519 г.

Более регулярное применение ружей отрядами, действовавшими на территории Средней Азии, относится к середине XVI в. Применительно к этому времени говорится о ружьях с медным (*مسی*) стволом; такими ружьями был, например, вооружен отряд воинов из войска Саид Бурхан-хана — удельного правителя Бухары. К тому же времени относятся сведения о ружьях с железным стволом; в данном случае они были у «румийцев»³²⁴.

Описывая свое пребывание на территории Хорезма, Антоний Дженкинсон сообщает: «26 декабря мне приказано было явиться к королю,

³²¹ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 168.

³²² Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д—88, л. 464а.

³²³ См., например, Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 56.

³²⁴ Сейди Али Раис. Миръотул мамолик, (Мамлакатлар кузгуси), Тошкент, 1963, стр. 100.

которому я представил грамоту русского царя...» Он «заставил меня стрелять перед ним из наших ружей и сам практиковался в стрельбе из них»³²⁵. Из этого сообщения можно заключить, что местные ружья отличались от тех, которые были у Дженкинсона.

Усовершенствованное технически ручное огнестрельное оружие со второй половины XVI в. заняло прочное место в вооружении войск и, в частности, наемных. Отряд наемных солдат, состоящий из стрельцов из ружей, служил, к примеру, в войсках Шейбанида Науруз Ахмед-хана (Барак-хана) в тот период, когда последний был правителем Самарканда, а также его сына Баба Султана в период его правления³²⁶.

Стрельцы из ружей — туфакандазы и воины, «мечущие молнии», — аташбазы, неоднократно упоминаются в составе войск узбекских султанов историком Хафизом Танышем³²⁷. Образцы ружей периода позднего феодализма в настоящее время экспонируются в Музее истории народов Узбекистана им. Айбека.

Одновременно с ружьями применялись и пушки (قزان، توپ)³²⁸.

Любопытное изложение об артиллерийском орудии, стреляющем взрывающимся снарядом, приводится в поэме Алишера Навои «Стена Искандара». По словам поэта, Александр Македонский будто бы использовал при осаде крепости пушку, которая палила по цели, расположенной на большом расстоянии. Та пушка — «на колесах медная труба» — была изобретением мудрецов, находившихся в армии греческого полководца. По словам Навои, она стреляла ядром-гранатой, сделанной из сплава ртути, бронзы и олова. Наполненный особым составом и заправленный фитилями через два отверстия шар должен был взорваться, едва коснувшись цели. Осколки шара «и ужасающая вонь взорвавшегося в шаре вещества» должны были сокрушить врага.

Для метания ядра использовалось «чина вещество» — порох.

И выйдя за передний воинств ряд,
Они в трубу вкатили свой снаряд,
Спервоначалу чина вещество
На дно трубы насыпав под него³²⁹.

К 1525—1529 гг. относится деятельность мастера-литейщика Али-Кули. Своими успехами на территории Индии Захириддин Бабур многим был обязан ему. Меткий стрелок из ружья, умеющий вести огонь из европейской пушки-фаранги, позже он сам стал отливать

³²⁵ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 183.

³²⁶ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, стр. 153.

³²⁷ Там же, стр. 153, 317.

³²⁸ А. М. Бсленицкий. О появлении и распространении огнестрельного оружия.; Ю. Пулатов, А. Мирхасилов. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии, Материалы по истории Узбекистана, Ташкент, 1963.

³²⁹ Алишер Навои. Стена Искандара, Соч. т. 7, стр. 143—146.

пушки и метать из них «камни огромного размера». Захириддин Бабур называет Устода Али-Кули «редкостью нашего века».

Пушки, отлитые Устом Али-Кули были разных размеров. Они состояли из двух частей: вставляемой части — таш уйй (تاش اویس) и пороховой части — дарухана (داروخانه).

Расплавленный металл (по определению Бабура — медь مى) через желобки вливался в форму, в которой отливалась пушка, затем изделию давали остыть³³⁰. Весь процесс производства занимал несколько дней: сначала велись подготовительные работы, затем производилась отливка, после чего некоторое время (по Бабуру, один-два дня) выжидали, пока отлитая часть орудия затвердеет.

Незнание технологического процесса литья и несовершенство техники не позволяли мастерам быть уверенными в успешном завершении работы. Устоду Али-Кули, например, пришлось испытать большие волнения с отливкой одной из пушек. Как рассказывает Захириддин Бабур, при заполнении расплавленным металлом формы, в которой отливалась пушка, хотя она «и не наполнилась, приток расплавленного металла, лившегося из горнов, постепенно прекратился: в горнах или в металле, видимо, был какой-то изъян», отчего Устод Али-Кули впал в отчаяние и «хотел даже броситься в расплавленную медь, налитую в форму». Однако, когда форма охладилась и ее открыли «вкладная часть пушки оказалась без единого порока»³³¹.

Мастера, отливавшие пушки, назывались рихтагар. При работе они пользовались подсобной рабочей силой. Они же изготавливали пушки и в более позднее время³³².

Бухарские и самаркандские литейщики-рихтагары из сплава меди с оловом делали различные бронзовые изделия. В середине XVI в. в Бухаре упоминаются несколько мастеров-рихтагаров³³³.

Пушки Устода Али-Кули часто разрывались, порой после первого же выстрела. Один из таких случаев привел к гибели восьми человек, находившихся у орудия. Вот что пишет об этом Султан Бабур: «В воскресенье Устод Али-Кули выстрелил ядром из большой пушки. Хотя ядро пролетело далеко, но пушка разорвалась на куски. Одним куском повалило толпу людей; восемь из них умерло».

Более усовершенствованным стало изготовление артиллерийских орудий к концу XVI в. Пушки стали более прочными, размеры их более

³³⁰ Бабур-наме, стр. 369; The Babar-nama, л. 302a--302b.

³³¹ Бабур-наме, стр. 348.

³³² О. А. Сухарева. К вопросу о литье металлов в Средней Азии стр. 159, 160.

³³³ Из архива шейхов Джуйбари, Док. 40, 45; Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 482а.

или менее одинаковыми. Каждая из семи пушек, отлитых по приказу Абдулла-хана II в мечети Гаухар Шад (Герат), стреляла ядрами весом в 2-3 манна³³⁴. Если в первой четверти XVI в. мастер, отливший пушку, сам же стрелял из нее, то рассказ Хафиза Таныша об одновременном изготовлении семи пушек дает основание говорить, что в конце XVI в. пушечный мастер в основном специализировался на литье орудия и лишь в отдельных случаях сам мог метать ядра.

Сведения, имеющиеся в сообщениях русских послов, свидетельствуют о довольно широком применении огнестрельного оружия в Средней Азии конца XVI—XVII в. Русский посол к персидскому шаху Аббасу — Григорий Васильчиков констатирует, что при взятии Герата войсками Абдулла-хана II в 1588 г. у узбеков были «огневой бой, и пушки, и пицали»³³⁵.

К концу XVI в. при военных действиях в основном использовались пушки местного изготовления. Фаранги упоминаются значительно реже. Эти примеры говорят об определенных сдвигах в производстве артиллерийских орудий. Вместе с тем в XVI в. одновременно применя-

лись: зарбузан (*زربزان*), ра'д (*رعد*), запбурак (*زپبرك*), манджаник (*مجنك*), камнеметы (*كماندار*) и другие виды орудий прошлых веков, т. е. наблюдается одновременное использование стенобитной и метательной техники и артиллерии.

В военной технике использовали также нефть (*نفت، نفت باغی*). Об этом упоминается как в начале XVI в. (Мухаммед Салих), так и во второй половине столетия (Хафиз Таныш)³³⁶. Во время нападения с крепостных стен на неприятеля бросали горящие тряпки, пропитанные нефтью, что было для того времени грозным «оружием». По сообщениям Эгельберга, Кемпфера и Эвлия Челеби козлиные бурдюки, наполненные нефтью, развозились из Апшерона по разным странам, в том числе и в Среднюю Азию. Купцы, приезжающие за нефтью, располагались там в особом караван-сарас³³⁷.

Мастера специализировались в основном на изготовлении лишь одного из видов оружия. Их мастерские в большинстве случаев располагались в торговых рядах.

³³⁴ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 469а.

³³⁵ Б. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., стр. 11.

³³⁶ Мухаммед Салих. Шенбаши-наме, стр. 52; Хафиз Таныш. Абдулла-наме, л. 163б.

³³⁷ С. Б. Ашурбейли. Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX в.), Баку, 1964, стр. 195, 197.

В Бухаре и Самарканде существовали специальные торговые ряды и крытые базары (род пассажа) колчанщиков, мастеров стрел, мастеров, изготовлявших лук и других³³⁸.

Центром оружейного дела в первые десятилетия XVI в. оставался Самарканд. Здесь специалисты, изготовлявшие мечи и сабли — тйг, шамшир кйльч (*تيج، شمشير، قیلچ*), ножи — пичак, кярд (*پچاق، کارد*), разные стрелы и луки, пики и копья — сунгу, найза (*سولنگو، نیزه*), ковали разнообразное оружие для продажи и на заказ. Сабля одного из ферганских беков Нойона Кукельташа была изготовлена самаркандским мастером по его специальному заказу³³⁹.

В последние десятилетия XVI столетия с переходом столицы узбекского государства в Бухару производство вооружения сосредоточивается здесь. В этом городе стала выделяться значительная часть предметов вооружения ханского войска. В Бухаре находился пороховой склад — дару-хана (*داروخانه*), помещение которого имело худжры первого и второго этажа. Хафиз Таныш описывает как неожиданно сюда попала искра и произошел взрыв, приведший к ужасным бедствиям. Склад был расположен на людном месте и во время взрыва погибло много людей, в том числе большое число ремесленников. Несколько часов в воздух взлетали обломки бревен и досок, кирпичи и камни, человеческие руки и ноги. Огонь уничтожил много торгово-ремесленных заведений³⁴⁰.

Приведенные материалы показывают, что мастера-металлисты изготовляли продукцию на рынок и на заказ. Некоторые виды металлических предметов изготовлялись для жителей других городов (ферганец Нойон Кукельташ, к примеру, заказал себе саблю в Самарканде).

Не все ремесленники-металлисты имели дуканы-мастерские, где сами могли продавать свою продукцию.

Изделия из металла, в частности художественно обработанные металлические сосуды и некоторые виды оружия, доставлялись из Средней Азии в другие страны. В числе даров и товаров бухарского посла (1585 г.) называется «чаша ценная с травами навожена золотом». Предметом дарения также служило отделанное дорогое оружие³⁴¹. В списках привезенных из Средней Азии в Россию товаров упоминаются булатные ножи, щиты, луки и стрелы. В 1585 г. царю Федору Ивановичу были поданы две челобитные от имени посла бухарского хана Абдуллы II Мухаммеда Али. В них в числе других предметов называ-

³³⁸ Из архива шейхов Джуйбаря. Док. 45; Маджму'а-йи васанк, л. 127а.

³³⁹ The Babar-nama, л. 97б.

³⁴⁰ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 450б—451а.

³⁴¹ См. например, Бабур-наме, стр. 407, 432; МИУТТ, стр. 125, 142, 439, 440, 441.

ются стальной шлем — «шолом булатный навожен золотом и травами», «сабля булатная навожена золотом, ножны хоз черный», «нож булатный рыбий зуб черен навожен золотом», «ножны булатные навожены золотом оков серебрян».

В Государственном Эрмитаже и в Оружейной палате представлены сабли и предметы конского убранства среднеазиатской работы XVII—XIX вв. Среди них «седло бухарское XVII в., деревянное, расписанное красками в виде стилизованных трав и оправленное золотом»³⁴². Бухарское седло, которое «краски писано московскими», значится в описи «конского прибора» Бориса Годунова³⁴³. Богато украшенное оружие имело спрос лишь среди сравнительно узкого круга придворной знати, стремившейся произвести впечатление роскошью оружия.

Некоторые виды оружия доставлялись в государство Шейбанидов из других стран. Хафиз Таныш сообщает, что в царствование Абдулла-хана II в Бухару были доставлены франкские (европейские) панцири (خوشنای فرنگی) и дербендские доспехи. Как уже говорилось, упоминаются также европейские пушки, ножи и т. п.

В прозжей грамоте, выданной 10 июня 1589 г. бухарскому и «изюмскому» послам Мухаммеду Али, Достуму и Кадишу, отпущенным из Москвы, перечислены товары, разрешенные к вывозу из России. В их числе называются подарки русского царя среднеазиатским государям: «...а с ними есмь послали к их государям наших поминков 10 кречетов да купили они 10 пансырей...». И далее добавляется: «и кречетов и пансырей с ними больше того не отпускали бы»³⁴⁴.

В последующие годы панцири и кречеты являлись предметами, которыми постоянно интересовались послы среднеазиатских правителей, прибывшие в Московское государство. «Добрых пансырей» (حبیه اعلی) да «немецких добрых полос сабельных» было приказано купить в Московском государстве бухарскому «торговому» человеку Ходжа Ибрахиму в 1643 г.³⁴⁵

Из других видов вооружения, ввезенных из иных стран или производившихся в городах Средней Азии, но еще сохранявших наименование местности, где они выделялись первоначально, упоминаются калмыцкие доспехи, в которые был одет Бабур (قالسوق حبیه), («стрела пробила двойной лист моей калмыцкой кольчуги»³⁴⁶, дербендские доспехи (حبیه سی نینگ کوی فریندیشی)³⁴⁷, монгольские

³⁴² Л. П. Кириллова. Конюшенная казна. Сб. «Оружейная палата», 1961, стр. 326.

³⁴³ М. В. Фехнер. Торговля русского государства..., стр. 64, 92.

³⁴⁴ МИУТТ, стр. 108.

³⁴⁵ МИУТТ, перевод, стр. 185, текст, стр. 432.

³⁴⁶ The Babar-nama, л. 113; Бабур-наме, стр. 131.

³⁴⁷ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 110.

щиты, колчаны и седла из зеленой шагрени, индийские копы и сабли, а также черкесские сабли и шашки³⁴⁸. В связи с последним примером небезынтересно вспомнить распоряжение русского царя (1661 г.) отыскать в Астрахани черкесов, «пансырного дела самых добрых мастеров»³⁴⁹. К сказанному можно добавить, что в числе предметов, подаренных Абдулле-хану II, упоминаются хорасанские луки (کمان), которые, надо полагать, отличались от мавераннахрских³⁵⁰.

Наши материалы не позволяют установить, произошли ли какие-либо изменения в области обработки металлов в XVI в.

Относительно времени Тимура Клавихо заметил, что мастера, выделывавшие латы, шлемы и другое оружие не умеют закалять железо и изготавливаемые ими латы не обладают достаточной крепостью. Основываясь на этих данных, П. П. Иванов сделал заключение, «что техника обработки металла в этот период уже не достигала той высоты, на которой стояло в свое время ферганское производство оружия»³⁵¹.

Использование в Средней Азии XVI в., как для воинов, так и для боевых коней, доспехов, изготовленных мастерами других восточных стран и Европы, говорит о том, что и во второй половине XVI в. некоторые виды вооружения в отдельных странах изготавливались лучше, чем в Средней Азии. В то же время использование в бою артиллерийских орудий, в основном изготовленных местными мастерами, а также деятельность самаркандских мастеров-джибатаб, чьи изделия имели значительный спрос (о чем свидетельствует поступление к ним в обучение учеников), говорят об определенных успехах в XVI в., и особенно во второй его половине, в области производства некоторых видов вооружения. В целом можно отметить, что в среднеазиатских городах на протяжении столетия происходит дальнейшее совершенствование вооружения войск (ружье и применение при осадах городов пушек), увеличивается и улучшается производство артиллерийских орудий.

Материалы из источников дают некоторое представление о цене меди, олова и чугуна (для разных местностей и времени): один хорасанский манн меди в Герате в конце XVI в. стоил 5 танга, один мискаль свинца — 2 пула (по другой версии — 10 пулов). Сведения эти автор мемуаров Васифи сообщает в связи с эпизодом появления в Хорасане некоего алхимика, который пытался получить с помощью эликсира золота и серебро из меди и свинца. Когда весть об этом распространилась

³⁴⁸ The Babar-nama, л. 386, 103а; Абдулла-наме, Д-88, л. 421а; Алишер Навои, Стена Некадара, стр. 78.

³⁴⁹ С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв., ИИЗ, 1938, № 4, стр. 265.

³⁵⁰ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 312.

³⁵¹ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии, стр. 39.

в Герате, «медь, один хорасанский манн которой стоил пять танга, нельзя было найти и за тридцать танга. Цена свинца, один мискаль которого стоил два (по другой рукописи «десять») пула, дошла до двадцати ашрафи (по другой версии «динаров») ³⁵². Один манн чугуна в Самарканде (в местности Чуйанчи) в 1590 г. оценивался в четыре хапских танга ³⁵³.

Сведения, сообщаемые Зайниддином Васафи, об обязанности медника передавать продукцию, изготовленную им для дальнейшей обработки чархкару, свидетельствует о строгом разграничении сферы деятельности мастеров-металлистов различных специальностей.

ОДЕЖДА И ЕЕ ДЕТАЛИ

Спрос на отдельные виды готовой одежды со стороны населения города, а отчасти также сельской округи и скотоводческой степи, стимулировал развитие специальных промыслов по изготовлению одежды и ее деталей. Наши материалы по этой отрасли производства относятся к Самарканду, Бухаре, и частично к Герату. Костюм гератцев был во многом схож с самаркандским и бухарским ³⁵⁴, что дает право при описании костюма пользоваться соответствующим материалом о гератцах. Приведем наименования деталей одежды, встречающихся в просмотренных произведениях.

Для определения халата довольно часто применяется слово «джама» (جامه), использовавшееся также для обозначения одежды вообще ³⁵⁵. В отдельных случаях уточняется, что «джама» был сшит из карбаса (کرباسی), т. е. из хлопчатобумажной материи, или из катана (کتان). Об одном из таких халатов — джама-и катани, говорится, что он был украшен золотым шитьем и драгоценными камнями ³⁵⁶. Для определения жалованного халата использовалось так же слово «хал'ат» (خلعت) ³⁵⁷.

Из других видов верхней одежды упоминаются: кабо (قاب), согласно словарю Л. З. Будагова, верхняя одежда, надеваемая на ру-

³⁵² Зайн ад-дин Васафи. Бада' и ал-вакан', т. II, стр. 1294.

³⁵³ Из расчета: 16 : 4 = 4 (Маджму' а-йи васанк, л. 227а).

³⁵⁴ Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. По данным миниатюр, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956, стр. 96, 116.

³⁵⁵ Также называется отрез на одну одежду.

³⁵⁶ Зайн ад-дин Васафи. Бада' и ал-вакан', т. I, стр. 553.

³⁵⁷ The Babar-nama, л. 357б.

башку³⁵⁸; по нашим данным, она могла быть парчевой (قبای برچاگی) и хлопчатобумажной (قبای پرینه); фараджи (فرجی), надевавшаяся поверх одежды, например, поверх кабо³⁵⁹; чекмень (چکمان, چکمن) с вышивкой и без нее, с пуговицами (نگمه‌لیک) и без них, с указанием, что он был из сакарлата (سمرلات — красного сукна) и без уточнения, из чего он был сшит. Чекмени из домотканного сукна более грубой выделки, как и в более позднее время, служили зимней одеждой чабанов³⁶⁰.

В холодное время года надевали шубы и тулупы (تون پوستین) из овчины (گول پوستین), а в отдельных случаях (представители аристократии) — из соболя (پوستین کش, کیش تون) и других дорогих мехов, покрытых сверху атласом (например, پوستین کش که ابراء).³⁶¹ آن اطلس خطائی بود.

Слово тун, как видно из замечания Захириддина Бабура, применялось и для обозначения верхней одежды вообще, видимо, халата. По его словам, Омар Шейх-мирза стягивал тун (تون) поясом так туго, что последний иногда рвался³⁶². Дорогие халаты высших слоев населения вышивались шелком и украшались драгоценными камнями.

Халаты, чекмси и шубы, как и полный комплект костюма сарупо (سروپا), служили предметами дарения. Главы феодального правительств и высокопоставленные вельможи имели специальные фонды одежды для пожалований за службу, почетным гостям, послам и т. д. Стоимость некоторых из халатов составляла огромную сумму, например, в Герате в начале XVI в. 30 тыс. танга³⁶³. Такого рода халаты, как это наблюдалось и в более позднее время, превратились в своего рода денежный эквивалент³⁶⁴. Особой милостью государя считался обычай дарить с «царского» плеча³⁶⁵.

³⁵⁸ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, стр. 35.

³⁵⁹ См., например, Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи. Рашахат айн ал-хайрат, стр. 318; Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ал-вакан', т. I, стр. 555—556.

³⁶⁰ Таджики Каратегина и Дарваза, Вып. 2, Душанбе, 1970, стр. 127.

³⁶¹ Мухаммед Салих, Шейбани-нама, стр. 87; The Babar-nama, л. 1176; Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ал-вакан', т. I, стр. 136.

³⁶² The Babar-nama, л. 66-7a.

³⁶³ Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ал-вакан', т. II, стр. 1127.

³⁶⁴ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 112.

³⁶⁵ The Babar-nama, л. 357a.

Существование особого пассажа для продажи халатов (одежды) (تیم جامه فروشان) в Бухаре говорит о товарном характере производства халатов.

Кроме халатов, в просмотренных нами письменных источниках упоминаются рубашка и платье (староузб. كنگلك, современн. كنگلاک, тадж. ګونګлак, кафтан (хафтан — حافتان), дакале (دکاله), короткая одежда до половины тела — нимче (نیمچه), рубашка — курте (کرتة), штаны — эзар (ازار).

К сожалению, мы не всегда располагаем данными, которые дали бы представление о внешнем виде перечисленной одежды. Как доказано археологическими исследованиями последних лет, детский халат первой половины XV в. из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде напоминал покроем один из видов современной одежды. Он шит ручным способом.

Разные виды одежды среднеазиатского населения на основе изучения миниатюр XV—XVI вв. рассмотрены Г. А. Пугаченковой³⁶⁶.

Упоминание чекмени с пуговицами позволяет сделать определенное заключение в вопросе о том, были ли известны пуговицы до XIX в. Чекмени с пуговицами были в гардеробе Захириддина Бабура в период его пребывания в Индии. В числе других даров они были преподнесены Бабуром послу узбекского султана Абу Саида, а также послам Мухр-Султан-ханум и ее сына Пулад Султана.

К более позднему времени относится источник, где называются детали одежды ремесленника. Из рисала набойщиков «Рисала-и читгари» мы узнаем, что, приступая к работе, ремесленник-читгар, имевший дело с красками, надевал рабочий халат (جامه کار), пояс (کورتہ کار)³⁶⁷, пательную рубашку (طاقہ کار)³⁶⁸ и соответствующую шапку. Однако вряд ли речь идет о специальной рабочей одежде. Более вероятно, что при определенных видах работы (в данном случае, при крашении) ремесленник просто пользовался старой одеждой. Цитированная рисала читгаров дошла до нас в списке XIX в., но можно полагать, что смена одежды существовала и в XVI в.

³⁶⁶ Н. Б. Немцова. К истории тканей и одежды..., стр. 245; Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии..., стр. 85—119.

³⁶⁷ «Фута» использовалась и для обозначения чалмы. В цитируемом тексте, надо полагать, имеется в виду пояс.

³⁶⁸ Рисала-и читгари, № 5003, л. 136—14а.

В вакфной грамоте Хусейна Хорезми мы находим сведения о костюме дервиша. По условию учредителя вакфа, в случае, если его потомки вынуждены будут поселиться в ханако данного вакфа, мутавалли должен ежегодно выдавать им четыре обычных халата, два зимних и два летних (چهار حامه جاری دو زمستانی و دو تابستانی), две рубашки (دو پیرامین), двое штанов (دو زار سه بندی)³⁶⁹, одну чалму из тафты длиной в 5 зар' карбасным зар'ом города Самарканда (т. е. «карбасным локтем» Самарканда, размер которого не выяснен), обычную тюбетейку (шапку) (یک طاقیه جاری), пояс из хлопчатобумажной ткани светло-коричневого цвета (یک قوطه مل), две пары верхней обуви кафш из вывернутой кожи (دو کفش اخترمه), сапоги из вывернутой кожи (یک سوزه اخترمه) — все по-дервишски (مجموع درویشان باشد)³⁷⁰.

Определенный интерес представляют сведения о верхней одежде кочевых и полукочевых народностей. По сообщению Мухаммеда Салиха, ополченцы и султаны дешти-кипчакских узбеков были одеты в шубы из меха лисиц (تونس ایدی الطای), красных лисиц (تولکن), выдры (سوسار), горностаю (آس), белки (تبین), соболя (کیش). Вместо матерчатой рубашки использовалась меховая одежда (کونکلاک اورینیدا ایدی آس و تبین) и в зимние холода поверх одежды надевался тулуп, а на голову — меховой колпак (کیشایک)³⁷¹.

Фазлаллах ибн Рузбихан кроме меховой одежды описывает одежду знати дешти-кипчакских племен из шелка со множеством украшений³⁷². А люди Алача-хана (Ахмед-хана), дяди Захириддина Бабура со стороны матери, были одеты по-монгольски, в «могольские шапки и халаты из вышитого китайского атласа» (مغولچه پورک لاری) (خطای اطلس و ساجیه تککان تولار)³⁷³. Такой же костюм был преподнесен Захириддину Бабуру. Когда он надел его, то стал со-

³⁶⁹ О значении термина سه بندی см. выше.

³⁷⁰ Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а—27б.

³⁷¹ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 86—87.

³⁷² Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-и Бухара, л. 73б.

³⁷³ The Babar-nama, л. 103а, 102б.

вершенно неузнаваем. Этот эпизод — косвенное свидетельство того, насколько одежда монголов отличалась от одежды ферганцев. В то же время в Средней Азии были распространены отдельные детали монгольской одежды. Правитель Ферганы Омар Шейх, например, летом везде кроме дивана большей частью ходил в «могольской шапке» (مغولی) ³⁷⁴ (بورک).

Составной частью мужского костюма был пояс, который соответственно иерархии мог быть сделан из простой хлопчатобумажной материи или дорогой — златотканной с металлической нитью. Вместе с тем и представители обеспеченных слоев населения порой одевались по-дервишски: писатель и историк Ходжа Самандар Термези (XVII в.), когда вел уединенный образ жизни, никогда не облачался в приличную одежду и обвязывался веревкой³⁷⁵. Фу́та, как деталь одежды знатного юноши-гератца, жившего в конце XV в., упоминалась выше. В Герате такая фу́та оценивалась в 50 танга, приблизительно столько же, сколько стоил чекмень на том же юноше. Применялись также пояса (کمر) с металлическими украшениями, особенно среди воинского сословия³⁷⁶. Для относительно более позднего времени известно, что в Бухаре делались специальные пояса, они назывались и камарбанд и тагбанд. Это ремесло было сконцентрировано в квартале Тагбандбафан³⁷⁷.

Сравнительно часто называются головные уборы (بورک، طاقیا، قلیبان). Мужчины (возможно лишь чиновничья знать и султаны) носили меховую шапку из черного курчавого барашка (طاقمه برة سیاه) или (قرا قوزی بورک) каракуля³⁷⁸. Черная мерлушковая шапка или колпак (قلبان) была у Султана Хусейна. Упоминаются также горностаевая (اس بورک) и другие меховые шапки. Шапка (طاقیه، вероятно, тибетейка) с узором «цветок персика» (گل شتالو) упоминается Зайниддином Васифи³⁷⁹.

Образец для юридического оформления отношений между мастером и учеником (Бухара, XVI в.), согласно которому первый обязывал-

³⁷⁴ The Babar-nama, л. 976; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 17.

³⁷⁵ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи, перевод с персид., предисловие, примечание и указатели М. А. Салахетдиновой, М., 1971, стр. 5.

³⁷⁶ Описание деталей военного костюма представляет предмет специального исследования.

³⁷⁷ Приношу благодарность О. А. Сухаревой за сообщение этих данных.

³⁷⁸ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. I, стр. 541 и др.

³⁷⁹ The Babar-nama, л. 164a, 976; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 87; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. I, стр. 553.

ся по истечении трех лет обучить мальчика шить тюбетейки (?) (طاقچه) показывает, что в Бухаре XVI в. изготовлением данного вида головного убора занимались мужчины. Производство шапок имело товарный характер, свидетельством чему служит существование торговых рядов для продажи одежды и шапок³⁸⁰.

Большое распространение имела в Средней Азии чалма. В средневековые, как и позже, чалма была нескольких вариантов. Для ее обозначения в наших источниках используются термины дастар и фута (صتار فوطه). Судя по сообщению автора «Рашахат», фута-чалма отличалась от дастар³⁸¹.

Навертывание чалмы и ее размеры, также как сорт и длина ткани, в разные времена в зависимости от местности и принадлежности данного лица к той или иной социальной категории населения могли быть разными³⁸². Студенты медресе, как и рядовое население, носили чалму со свисающим концом³⁸³. Представители же высшего духовенства (موالي) носили многократно закрученную чалму огромного размера³⁸⁴. В такой же чалме, будучи правителем в Индии, изображен на одной из миниатюр султан Бабур.

Из наименований обуви встречаются туфли с загнутым или кончающимся тонким усиком носком, надеваемые на босую ногу — папуш (پاپوش), кожаные калоши — кафш (کفش), сапоги муза (موزه) и вид сапогов арабей (عربی), относительно которых упоминается, что они были с пуговицами (عربی نگه داری)³⁸⁵.

Часть населения, специализировавшаяся на изготовлении определенного вида обуви, в основном занимала отдельную часть города. В Самарканде в конце XVI в. существовал квартал мастеров, шьющих обувь папуш — Папушдузан. Торговый ряд продавцов обуви — Кафшфурушан в Бухаре служит подтверждением того, что производство обуви носило товарный характер³⁸⁶. В особую группу выделялись и ремесленники, чинившие старую обувь. Мастера-парадузы упоминаются в Самарканде XVI в.

Летняя одежда отличалась от зимней. В вакфной грамоте Хусейна Хорезми, а также у Мухаммеда Салиха и Али ибн Хусейна ал-Ва'иза

³⁸⁰ См., например, «Из архива шейхов Джуйбария», Док. 29.

³⁸¹ Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи. Рашахат айн ал-хайат, стр. 225.

³⁸² См., например, The Babar-nama, л. 7а, 186, 164а.

³⁸³ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1116; А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества..., стр. 346.

³⁸⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 623.

³⁸⁵ Там же, стр. 541, 555.

³⁸⁶ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 295.

ал-Кашифи упоминаются «летний» и «зимний» халат, «зимние колпаки», «летние сапоги». Между тем, трудовой люд зимой и летом пользовался одной и той же одеждой (надо полагать, за исключением теплого халата)³⁸⁷.

Одежда хранилась в сундуках (*خندق، صندوق*). В богатых домах было множество сундуков, в каждом из них могли храниться разные вещи³⁸⁸.

Драгоценности также хранились в особых сундуках. В сокровищнице гератского вельможи эмира Шахвали находилось десять сундуков со всевозможными ценностями. Два из них были полны ла'лов, топазов, яхонтов, изумрудов и жемчуга. А в большом сундуке невесты Султана Хусейна находились вставленные в него сорок сундучков, наполненные драгоценными камнями. В сундучках же хранились золотые предметы—ручные и ножные браслеты, кольца, серьги. Сундуки служили местом хранения и рукописных книг³⁸⁹.

Зажиточные горожане пользовались металлическими утюгами (*اتوئی، اتو*), которые раскалялись на огне. Например, в 1507 г. некий эмир Шахвали, разгневавшись на свою служанку приказал наказать ее раскаленным утюгом³⁹⁰. Утюг упоминается также в грамоте о пожаловании должности главного портного удела Шахрухия. В Бухаре имелись гладильные (*اولوگشی*) дуканы.

Основная часть упомянутых деталей одежды изготовлялась местными мастерами. Термины джамадузан, дарзийан, такийадузан, пустиндузан, муйнадузан и другие, служившие для обозначения мастеров, изготовлявших разные виды одежды, встречаются довольно часто.

Некоторые виды одежды привозились в Бухару и в Самарканд из других городов и областей. Сейфи, например, сообщает, что казахские мастера выделявали кафтаны из овечьей кожи, окрашенной в разные цвета и похожей на атлас. «Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы»³⁹¹, а Фазлаллах ибн Рузбихан говорит, что из Астрахани в туркестанские города доставлялись собольи и беличьи шубы.

Из украшений в рассмотренных нами источниках упоминаются золотые браслеты (*دستواره*), кольца (*الکشری*), серьги

³⁸⁷ См., например, Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 623; А. Н. Болдырев. Алишер Навои., стр. 149.

³⁸⁸ См., например, Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1118, 1111, 1127.

³⁸⁹ В акф-наме, стр. 229.

³⁹⁰ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 1138.

³⁹¹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч. т. II, часть I, М., 1963, стр. 97; Т. И. Султанов. Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв., стр. 18.

(*حلقه طلا*). Вес золотой серьги (*حلقه گوشواره*), упоминающейся в одном из самаркандских документов XVI в., составляя три мискаля³⁹² (около 13,38 г, из расчета, что в Самарканде мискаль равнялся 4,46 г)³⁹³.

Любопытно, что на миниатюре начала XVII в. султан Бабур изображен с серьгой в ухе. Пример ношения серьги знатым мужчиной среднеазиатского происхождения — единственный известный нам, и не позволяет прийти к заключению, было ли это обычаем среди мужчин среднеазиатских городов, или же это лишь дань вкусам высокопоставленных индийских вельмож.

Интерес представляет также упоминание среди золотых предметов женского пожного браслета (*حلیه*), принадлежавшего женщине из дома Султана Хусейна. В решении самаркандского казия от 1590 г. называется *گرد روی مروارید*³⁹⁴, по всей вероятности, жемчужная нить, которая, судя по миниатюрам, окружала щеки и свисала под подбородком³⁹⁵. Вместе с упомянутыми серьгами она была оценена в 90 ханских танга³⁹⁶.

Широкий круг потребителей имели медные и бронзовые украшения, а также недорогие изделия из серебра.

Захириддин Бабур рассказывает, что женщины подвешивали на воротник сумочки с парфюмерными принадлежностями. Когда Бабура облачили в монгольский костюм, то «еще повесили три-четыре безделушки, которые вешают женщины на воротник (*بغاسیقه*) вроде карбончики для амбры, и сумки»³⁹⁷.

В прошлом костюм людей, в том числе средневековой Средней Азии XVI в., всегда отражал экономическое и социальное положение человека. По словам Зайниддина Васифи, «все вельможи носили изысканные одежды из шерсти (*صوفی*), красного сукна (*سقرلات*) или полотна (*کتان*)». Халаты, расшитые золотом и драгоценными камнями от воротника до подола, сразу выделяли высокопоставленных особ-феодалов. Один из таких халатов, хранившийся вместе с другими в сундуке гератского эмира Ядгара, оценивался в 30 тыс. танга³⁹⁸, что

³⁹² Маджму' а-йи васанк, л. 816.

³⁹³ Е. А. Давидович. Материалы по метрологии..., стр. 95.

³⁹⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1127; Маджму' а-йи васанк, л. 816.

³⁹⁵ Об этом см.: Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии..., стр. 92, 94.

³⁹⁶ Маджму' а-йи васанк, л. 816.

³⁹⁷ Бабур-наме, стр. 121.

³⁹⁸ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 553, 1127, т. II, стр. 1127.

приблизительно равнялось общей сумме податных сборов с населения целой области.

Золотошвеи расшивали дорогие одежды и отдельные детали к ним. Подобные предметы предназначались для узбекских султанов, их семей и феодальной знати. Клавихо, бывший в аристократических кругах тимуридского двора, взором чужеземца заметил великолепную одежду тимуридских вельмож, шитую золотом, украшенную жемчугом, рубинами и другими драгоценными камнями, «очень красиво вставленными». Золотое шитье на платье вельмож запечатлено на многих миниатюрах этого периода. В Самарканде упоминается квартал золотошвеев Зардузан.

Приход к власти Шейбанидов сопровождался грабежами и бесчинствами. Представители старой династии—Тимуридов, пытались скрыться от преследования, переодевшись в костюм своих слуг и рядовых горожан. В связи с описанием этих событий мы находим на страницах сочинений упоминания о «грязной одежде служанки», «рваной чалме» и шапке (طاقیه), соответствующей этому костюму, а также «халате бродяги»³⁹⁹ (موطه پاره پاره بر روی بیجینده و جامه غریبی), которые при обычных условиях вряд ли могли стать предметом внимания писателя.

Из кратких упоминаний источников можно заключить, что цвет одежды зависел от возраста ее носителя. Одежда молодежи обычно отличалась яркостью, хотя бывали случаи, когда люди почтенного возраста также облачались в красочную одежду. «Хотя он прожил долгие годы и стал седобородым, — пишет Захириддин Бабур о Султани Хусейне в последние годы его жизни, — но все же он одевался в одежды красного и зеленого шелка»⁴⁰⁰. Красный цвет считался цветом девушек и детей. В произведениях Алишера Навои встречаются упоминания об одежде девушек алого цвета, цвета тюльпана или розы. Между тем, каршинский судья (XVII в.) однажды «надев на себя одежду алого цвета и обмотав голову шелковой чалмой нарядился наподобие редкой красавицы»⁴⁰¹.

В знак траура голову повязывали синим и надевали синий халат (جامه کبود). В нашем примере в синий цвет облачились в первые же дни после смерти близкого человека⁴⁰². Траурная одежда могла быть и цвета фиалки⁴⁰³.

³⁹⁹ Там же, стр. 1128—1129.

⁴⁰⁰ Бабур-наме, стр. 190.

⁴⁰¹ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук, стр. 170.

⁴⁰² Зайи ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1246.

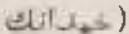
⁴⁰³ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук, стр. 168.

ДРУГИЕ ОТРАСЛИ РЕМЕСЛА

Кроме уже рассмотренных отраслей производства было еще несколько десятков разнообразных ремесел, которыми занималось городское население. Остановимся на наиболее важных из них.

Гончарное дело было одной из ведущих и развитых отраслей ремесленного производства. Изделия гончаров, особенно простая неглазурованная и глазурованная посуда — блюда, кувшины, чаши для супа и т.п. — каса, а также большие лохани для стирки, хумы — корчаги, большие сосуды для хранения воды, вина, масла или зерна, глиняные светильники и игрушки — имели очень большой спрос среди населения. Прекрасными глинами, пригодными для изготовления керамических изделий, был богат Самарканд. Как отметил Клавихо, глина здесь «самая лучшая во всем свете».

Кроме разнообразной посуды и предметов быта, керамисты изготавливали строительные материалы — шлифованные облицовочные кирпичи, многоцветную майолику на фаянсе, изразцы для отделки разных форм и размеров, черепицу для мощения полов, водопроводные трубы и кувшины для водоподъемных колес, тандыры (тануры) для выпечки хлебных лепешек и самсы (тандыр упоминается в казийском документе и грамоте медресе Шейбани-хана) и т. д.

Деятельность гончаров в Самарканде в некоторой степени воплотилась в названии самаркандской улицы Хумданак ()⁴⁰⁴, а в Бухаре — в наличии гузара Касагаран⁴⁰⁵.

Мастера-касатарашан (буквально, обтачивающие каса), мастера-касагаран (изготавливающие каса), нередко упоминаются в числе ремесленного населения двух городов⁴⁰⁶.

К сожалению, наши источники дают очень мало сведений о керамическом производстве в Бухаре и Самарканде XVI в. Показания источников свидетельствуют о развитии этой отрасли ремесла и в других местностях, квартал мастеров-касагаран находился, например, в селении Гиждуван⁴⁰⁷, где на протяжении столетий вырабатывался свой особый, «гиждуванский» стиль выпуска посуды.

Перемещение центра торговли и административного управления из Самарканда в Бухару сопровождается значительным расширением строительства в столице государства. В городе сооружаются монументальные здания медресе и мечетей, в которых нашли отражение попытки архитекторов сочетать широкие масштабы строительства с возможно

⁴⁰⁴ Маджму' а-йн васанк, л. 99а.

⁴⁰⁵ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ришван, л. 206.

⁴⁰⁶ Из архива шейхов Джуйбары, Док. 83, 91.

⁴⁰⁷ Там же, Док. 283.

дешевыми средствами их возведения и украшения. Если в бухарском медресе Мир-и Араб (1535/36) чувствуется еще развитие тимуридских традиций с использованием наборной мозаики, тонкого рисунка и росписи золотом, то во второй половине столетия бухарские зодчие стремятся достичь прекрасных результатов более простыми средствами. В разработке плана медресе Абдулла-хана (1590) наблюдается стремление зодчих к рациональному и экономному использованию площади застройки. Они увеличивают число худжр медресе, создают вспомогательные помещения. Но вместе с тем, как отметила Г. А. Пугаченкова, заметна утрата «зодчеством этой эпохи той ясности и простоты композиции, которая присуща медресе предшествующего столетия. Не решаясь отойти от канонической общей схемы, строитель медресе Абдулла-хана создает чрезвычайную перегрузку и запутанность плана, вызванную необходимостью устройства массивных стен, узких затемненных переходов и мелких худжр»⁴⁰⁸.

Большая строительная деятельность развернулась во второй половине XVI в. в Сумитане, входившем во владения могущественных шейхов Джуйбари. Здесь были воздвигнуты мечеть, медресе и ханака, построена баня и разбит большой сад — чарбог. Огромный чарбог с разными породами деревьев занимал обширную территорию, площадь которой равнялась ста танапам земли.

Множество народных мастеров разных специальностей были согнаны в Бухару для возведения медресе, мечетей, садов с дворцами. Создание подобных построек, занимавших огромное число рабочих рук, отвечало интересам лишь узкого круга феодальной аристократии. Значительное число мастеров и рабочих было занято во второй половине XVI в. в сооружении торгово-ремесленных заведений. В интересах той части феодальной знати, которая была тесно связана с внутренней и международной торговлей, возводились специализированный пассаж — тим Абдулла-хана, рабаты и сардоба.

С широкой деятельностью среднеазиатского купечества связано появление новых караван-сараев. Непосредственное участие в создании таких сооружений принимали могущественные джуйбарские шейхи, владевшие множеством торгово-ремесленных заведений в Бухаре и торговыми караванами, рассылавшимися в дальние страны. Современник описываемых событий Бадриддин Кашмири называет два караван-сарая в Бухаре, построенные по инициативе шейха. По словам автора, то были большие сооружения, куда приезжало множество купцов из Ирака и арабских стран.

Большинство сооружений этого времени, как отмечает современ-

⁴⁰⁸ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана, стр. 328.

ник, «были каменными», т. е. из жженого кирпича. Однако в целом, основываясь на работах, посвященных исследованию архитектурной керамики Узбекистана, можно отметить изменения, произошедшие как в сооружениях, так и в их облицовке. Ассортимент самой керамической облицовки в XVI в., по сравнению с XV в., значительно сузился. Широкое использование получил в это время фаянс, что позволило исследователям назвать XVI столетие «веком архитектурного фаянса». Довольно часто используются также облицовки из шлифованной терракоты с фаянсовой инкрустацией. Исчезают многоцветная позолоченная майолика, как и другие виды глазурованной керамики на глинокерамическом основании⁴⁰⁹.

Терминология просмотренных нами письменных источников, использовавшаяся для обозначения строителей, довольно разнообразна. В числе специалистов-строителей называются зодчие (معماران), расчетчики (محاسبان), те кто проектирует постройки (طراحان), штукатуры (گل کاران), месильщики кирпича (кирпичники — خشت مالان), мастера, изготавливающие изразцовые облицовочные плитки (کاشی تراش), резчики по камню (каменотесы) (سنگ تراشان), токари (خراطان), столяры (نجاران), обжигатели алебаstra (کج پزان), специалисты по возведению глинобитных стен (دیوار زن), мастера художественного орнамента, плотники (درودگران). (В одном из указов к строителям причислен и гребенщик (?) — شانه تراش).

В некоторых копиях указов, вошедших в сборник «Мактубат ва аснад», сообщается, что Самарканд (или Бухара) является столицей государства, почему необходимо украсить город красивыми зданиями. Однако имя государя, который издал эти указы, и время их оглашения остаются неизвестными. Лишь в отдельных случаях, когда речь идет о конкретных зданиях, например, о медресе Мир-и Араб в Бухаре, можно предположительно установить время и имя того, кто мог издать данный указ.

В области строительных ремесел наблюдалась довольно узкая специализация, что было характерно для многих других отраслей производства. Специалисты-строители «и прочие из джама'ат вместе со всеми, кто работает тишой», согласно копий указов, помещенных в «Мактубат ва аснад», должны были подчиняться самому главному зодчему (کلانتر معماران).

⁴⁰⁹ И. С. Гражданкина, М. К. Рахимов, Н. Е. Плетнев. Архитектурная керамика Узбекистана (Очерк исторического развития и опыт реставрации), Ташкент, 1968, стр. 33.

Некоторые из указов были выданы на имя даруги, возглавлявшего строительные работы. Строительными работами (конкретный пример относится к возведению стены вокруг чарбога) руководил также кутвал⁴¹⁰.

Бадриддин Кашмири в числе строителей называет также прорабов (?) кардаран (کار دران). В одном случае кардаран упоминается в числе тех, кому было поручено устройство чарбога, в другом — тех, кто проводил канал и благоустраивал сады.

Копия нишана, выданная на имя начальника строителей (мастеров, ремонтирующих (?) вакфных зданий в Самарканде, представляет значительный интерес в том отношении, что здесь среди перечисленных в указе специалистов называются амале (اماله). Последние должны были подчиняться даруге, на имя которого и был выдан указ. В определении содержания слова амале словари расходятся: рабочий, мастер, поденщик, чернорабочий, артист и другие. Для уточнения содержания данного термина применительно рассматриваемого времени требуются дополнительные материалы, которыми мы, к сожалению, пока не располагаем. Выявлению данного, как и многих других терминов, может содействовать дальнейшая совместная работа историков, востоковедов, лингвистов, этнографов, историков-архитекторов и т. д.

В строительных работах при проведении и ремонтировании оросительных каналов использовался труд мардикаров. Тысячами (число их часто определяется в 10 тысяч) насильно сгонялись они для выполнения тяжелой изнурительной работы из разных районов страны. Подобные действия феодалов наносили непоправимый ущерб хозяйству тех, кто вынужден был идти в мардикары. Можно не сомневаться в том, что мобилизация строительных рабочих, производившаяся по разверстке, носила принудительный характер⁴¹¹. Бесчеловечное обращение с подобными лицами со стороны феодальных властей отметил придворный историк Мухаммед Юсуф Мунши, который, описывая строительную деятельность Шейбанида Абдулмумин-хана (1598—1599), рассказывает: если «рабочий ленился, то его по ханскому приказу вместо глины и кирпича закладывали в стену. И теперь еще видны там (в стенах) следы человеческих скелетов»⁴¹².

В XV—XVI вв. совершенства достигает художественная обработка камня. Сохранившиеся до нашего времени надгробные камни узбекских султанов, их близких, основателя новой династии Шейбани-хана

⁴¹⁰ Мактубат ва аснад, л.л. 79а, 175а, 53а, 54б, 55а, 79б; Бадриддин Кашмири. Раузаат ар-ризван, л.л. 302, 305, 265а-301б, 316б.

⁴¹¹ См. например, Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме, перевод с тадж. с примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1957, л. 168б.

⁴¹² Мухаммед Юсуф Мунши. Мукимханская история, стр. 68.

и других представителей высшей светской и духовной власти — настоящие образцы высокохудожественных изделий народных творцов, где труд каменотеса нередко сочетался с изощренным мастерством резчика по камню.

К началу XVI в. относится так называемая суфа Шейбани-хана в Самарканде, где были захоронены Махмуд-султан, Мухаммед Шейбани, его родной и двоюродные братья и другие узбекские султаны. «Место погребения великих хаканов» было превращено в «высокий тахт из пестрого камня» и, как свидетельствует Фазлаллах ибн Рузбихан, возвышение из земли было облицовано каменными полированными плитами. На этом возвышении и теперь еще лежат намогильные камни, испещренные каллиграфическими надписями, выполненными руками умелых мастеров-резчиков по камню. «Гибкость резца, точность и изобретательность в орнаменте», отмеченные В. Л. Вяткиным, свидетельствуют о высокой квалификации народных умельцев⁴¹³.

Высокохудожественные образцы резьбы по камню можно увидеть также на многочисленных надгробиях семейной усыпальницы в Чар-Бакре, украшенных орнаментами и надписями.

Резной камень с эпитафией на смерть Шейбани-хана, убитого в 1510 г. в войне с персидским шахом Исмаилом Сефевидом, хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Это небольших размеров нефрит (?), ширина — 44 см, высота — 41 см, светло-зеленого, почти белого, тона, выточенный в виде стены здания с имитированным арочным входом и двумя нишами по бокам. В тонкой резьбе выполнен растительный орнамент, характер которого, по мнению А. Ю. Якубовского, дает право датировать памятник XIV—XV вв. Надпись же на нем, по мнению того же исследователя, высечена в XVI в. Этот камень был найден в Самарканде в развалинах «Белых ворот» вскоре после присоединения Средней Азии к России и является в настоящее время одним «из лучших образцов художественной обработки камня на Востоке»⁴¹⁴.

Самаркандские резчики по камню выполняли работу на заказ, и не только со стороны жителей данного города. По Васафи, удельный такшентский правитель Султан Мухаммед передал самаркандским каменщикам эпитафию с тарихом для того, чтобы они вырезали ее на могильном камне Снундж-хана. Не случайно, в Самарканде упоминается улица мечети резчиков по камню — Сангтарашан (سنگتراشان)⁴¹⁵.

Как и другие специалисты, резчики по камню находились в полной зависимости от феодальных властей. Особый интерес в этом плане представляет сообщение Бадриддина Кашмири о передаче Абдулла-

⁴¹³ Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 19—21.

⁴¹⁴ А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, стр. 61.

⁴¹⁵ Маджму'а-и-и васаик, л. 102а.

ханом II джуйбарскому шейху Ходже Са'ду в числе других подарков четырех невольников (غلام) — резчиков по камню (تراشان)⁴¹⁶.

Они были захвачены при походе Абдулла-хана II в Северную Индию. Этот пример показывает, что феодал-завоеватель при захвате города требовал выявления квалифицированных мастеров, забирал их в плен и увозил с собой вместе с награбленным богатством. Одновременно хан подарил джуйбарскому шейху девять кусков парчи, два куска ткани мандиль, две футы и одного коня.

Деревообделочники изготавливали разнообразные деревянные изделия — седла, двухколесные арбы (в Самарканде упоминается улица Арабачиан), клетки для птиц, гребешки, калыбы для набивки тканей, посохи. Среди вещей, переданных в пользу мавзолея Ишрат-хана, назван деревянный посох, орнаментированный золотом. Большим спросом пользовались сундуки. По описанию Васифи, в сокровищнице эмира хранился большой сундук, а в нем 40 сундуков с драгоценностями⁴¹⁷.

Резьбой по дереву занимались лучшие мастера. Они изготавливали художественно орнаментированные решетки, колонны, капители, двери⁴¹⁸. Резным деревом украшались внутренние стены зданий. По словам Захириддина Бабура, стены и потолки самаркандской мечети Масджид-и Мукатта были украшены узорами из отдельных обточенных кусочков дерева.

Извлечения из источников дают ряд терминов, обозначающих мастеров, специализировавшихся на выделке определенного вида изделий из дерева: пажжар (نچار), харрат (خراط), шанатараш (شانه تراش), харгахтараш (خارگاه تراش), дуктараш (دوک تراش) — «все, кто работает при помощи тиши»⁴¹⁹.

На миниатюрах XVI в. можно увидеть изображение ручной прялки, которая вместе с ручным ткацким станком была основным орудием прядильщиков и ткачей. В «Маджму'а-йи васанк» называется айванча на базаре Рисман в Самарканде, где готовились веретена — айванча-и дуктараш (دوک تراشی)⁴²⁰.

Торговый ряд — базар-и чуб, где шел торг лесом и строительными материалами для построек, и примыкавший к нему базар-и дар, где продавались готовые дверные коробки, двери и ворота, располагались

⁴¹⁶ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 261.

⁴¹⁷ Захириддин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1122.

⁴¹⁸ См. например: В. А. Левина. О резной деревянной двери медресе Улуг-бека в Бухаре. Труды САГУ, Археология Средней Азии, вып. LXIX, Ташкент, 1953.

⁴¹⁹ Махтубат ва аспад, л. 175а.

⁴²⁰ Маджму' а-йи васанк, л. 172а.

в позднефеодалной Бухаре «за северной границей бывшего Шахристана»⁴²¹.

В письменных источниках XV—XVI вв. упоминаются стеклянные сосуды разных форм и назначения: кувшинчики, рюмки, сосуды для лекарств, принадлежности туалета и другие бытовые изделия. Среди них называется стеклянный сосуд из Халеба (Алеппо) (سكّال من حلب)⁴²².

В строительстве монументальных построек и домов богатых горожан использовалось цветное оконное стекло. Для остекления оконных решеток мавзолея Ишрат-хана были использованы фиолетовые, синие, желтые, зеленые и красные стекла. Археологическими работами М. Е. Массона установлено, что в мавзолее Гур-Эмир и в загородном дворце Улугбека также применены специально изготовленные цветные стекла⁴²³.

Перечисляя многочисленных «просвещенных людей» Самарканда, Васифи называет Маулана Мухаммеда Абгинагара (стекольщика), который собирался преподнести несколько штук «шини» Шейбаниду Фулат-султану (вероятно, имеется в виду сын Шейбани-хана Пулад-султан). Археологическими изысканиями Ю. Ф. Бурякова обнаружены и исследованы стеклоделательные мастерские в Шахрухие. Время их функционирования исследователь относит к XV—XVI столетиям⁴²⁴.

Большое место в ремесленном производстве занимала выработка войлока — предмета домашнего обихода основной массы населения. Им застилались полы в домах, суфы во дворе; войлоком заделывались панели стен в том месте, где сидящие на полу люди прикасались к ним спиной. В период войн, при обороне города, войлоком завешивали крепостные стены, чтобы в нем застревали стрелы. Войлок использовался как подкладка для головного убора, который надевался во время сражений. (В одном из сражений на голове Захириддина Бабура был шишак, обтянутый войлоком. Противник ударил его по голове, но на шишаке, как говорил Бакур, «не порвалось ни одной нитки»). Описывая военные действия узбекских войск в XV—XVI вв., современники отмечают, что те из ополченцев, кто не имел доспехов, укрывались войлоком. Войлок использовался также для обшивки товаров, в частности, тканей, при навьючивании их на животных для пересылки торговыми караванами.

⁴²¹ Л. Н. Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары), Сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962, стр. 242.

⁴²² Мухаммед Салих. Шейбани-наме, л. 3.

⁴²³ Е. А. Давидович. Средневековое оконное стекло из Таджикистана, ДАН ТаджССР, 1953, № 7, стр. 30.

⁴²⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 98. Выражаю признательность Ю. Ф. Бурякову, поделившемуся своими неопубликованными материалами.

Мастера, вырабатывавшие войлок, селились в особой части города. Квартал Намадмалан сосредоточил основное число специалистов по выделке войлока.

Широкое применение своему труду находили мастера по выработке готовых изделий из кожи: кошельков, конской упряжи, ремней, чехлов для ножей. Кожа использовалась для изготовления обуви, разного вида воинского снаряжения. В условиях постоянных феодальных войн большим спросом пользовались кожаные колчаны для стрел и мешки для луков. На территории Самарканда жили специалисты, выделявшие сорт шагрени (кимухт — كیمخت). Они дали наименование кварталу Кимухтгаран. К началу XVII в. относятся сообщения о ввозе в Россию бухарских сафьянов — козловой кожи особой выделки. Определенные сорта кож завозились и из других, порой довольно отдаленных, областей. Казанское ханство в первой половине XVI в., а позже Казань в составе России импортировала юфть⁴²⁵.

В особую группу выделялись специалисты, изготавливавшие уздечки — ладжамдузан.

Для нужд населения производилось мыло. По условиям вакфной грамоты, составленной от имени Михр-Султан-ханум, мутавалли должен был выделять ежегодно из доходов вакфного учреждения сумму в две тыс. медных динаров на приобретение мыла для студентов и обслуживающего персонала медресе⁴²⁶.

Свечники изготавливали свечи, большие и маленькие. Медный котел для литья свеч называется в «Самаркандских документах XV—XVI вв.» в числе других предметов имущества вакфного хозяйства. Однако, продукция свечников, видимо, не всегда удовлетворяла потребности населения. На одном из маджлисов, проводившемся в доме Миракои Шохи в Самарканде, собравшиеся многочисленные «просвещенные люди города» испытывают знания Зайниддина Васафи в области искусства составления писем. Одно из этих писем было составлено по просьбе Маулана Фатхуллы Херави в адрес свечника Ходжи Хусейна. Последнего просили прислать свечи, так как в Самарканде уже несколько дней их нельзя было приобрести⁴²⁷.

Для одной из групп трудового населения Самарканда источником существования было плетение циновок. Тростниковые циновки широко применялись в быту и были необходимы в строительном деле. Высокое искусство мастеров плетения циновок отмечается историком XV в. На торжествах, устроенных по поводу возвращения Тимура из индийского

⁴²⁵ М. В. Фехнер. Торговля русского государства., стр. 81; Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства, М., 1950, стр. 277; МИУТТ, стр. 432.

⁴²⁶ Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений., стр. 34.

⁴²⁷ Зайнад-дин Васафи, Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 116.

похода, самаркандские умельцы показали свое мастерство в плетении «удивительных циновок». По сообщению Ибн Араб-шаха, искусные мастера сделали из камыша всадника, вооруженного луком и мечом⁴²⁸.

Из прутьев плели разнообразные корзины, использовавшиеся, судя по миниатюрам, для переноски строительных материалов, а также для винограда (о размерах корзин можно судить по данным Васифи: в одной из них под виноградом спрятался человек), хлебных лепешек и т. д. В Самарканде существовал базар плетельщиков корзин.

В XV—XVI вв. появляется большое число исторических и литературных произведений, часть которых была рассчитана не только на аристократические слои общества, но и на богатую торговую и ремесленную часть населения. В связи с этим дальнейшее развитие в этот период получило художественное оформление рукописных списков литературных произведений, в частности, переплетное искусство. Некоторые книги имели сафьяновые переплеты. Обложка из кожи цвета печени называется в «Маджму'а-йи васанк»⁴²⁹. Обложки книг делались также из картона, лицевая сторона которых имела гладкую поверхность. На обложки тиснением наносились медальоны с позолотой или в красках. Особо ценные книги помещались в футляры из кожи и дорогой ткани. Например, среди вещей, переданных в пользу мавзолея Ишрат-хана, назван Коран в сафьяновой обложке, с сафьяновым футляром и бархатной оберткой. Васифи в мемуарах упоминает «папку» для бумаг из тисненной кожи. Небольшой круг людей занимался переплетом книг (мукавасаз). Мастерские переплетчиков в основном находились на базарах, к примеру, на базаре Аттаран в Самарканде был расположен дуكان Мулла-зода Переплетчика. Специальные переплетчики работали в ханских и эмирских библиотеках. Среди мастеров художественного оформления книги источники называют каллиграфа, миниатюриста, позолотчика (музаххиб), катиба, джадвалкаша, халкара, заркуба, ладжвардшуя⁴³⁰. Некоторые из этих специалистов были вывезены в Самарканд и Бухару насильно, например, из Хорезма. Часть мастеров в начале XVI в. бежала с южных городов, опасаясь преследований Исманила Сефеви. Весной 1512 г. из Ирана в Мавераннахр направился большой караван, с которым среди беженцев ехал Зайниддин Васифи. Здесь были и другие видные деятели культуры — поэты, каллиграфы, музыканты⁴³¹.

В столице государства, куда часто приезжали купцы, а также крестьяне из соседних селений, привозившие сельскохозяйственные

⁴²⁸ А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии, стр. 196.

⁴²⁹ Маджму'а-йи васанк, л. 176.

⁴³⁰ Мактубат на аснад, л. 170.

⁴³¹ Зайниддин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 21 и след.

продукты и увозившие ремесленные изделия, где было много ремесленников, работавших в мастерских, расположенных преимущественно на территории базаров или рядом с ними, были значительно развиты пищевые промыслы. Специалисты, изготавливающие предметы питания, составляли особую группу населения города.

В самаркандских документах часто упоминаются лавки по продаже жареного гороха, лавки-пекарни и дуканы, где пеклись хлебные лепешки и пирожки, специализированные лавки, где каллапазы варили и продавали бараньи головы. Мастера-халвагары изготавливали халву и разные сладости, здесь же на базаре располагалась основная часть мясных лавок, а повара (ошпазы) готовили горячие блюда. Согласно вакфным документам, среди обслуживающего персонала медресе обычно были повара, нанимаемые управителями вакфного хозяйства за определенное вознаграждение деньгами или зерном (или тем и другим в определенной пропорции). Пищевые промыслы были тесно связаны с сельскохозяйственными и скотоводческими районами страны.

В Бухаре и Самарканде известен был целый ряд других ремесел. Кроме того, была большая группа людей, обслуживающих город и феодальную знать: банщики, парикмахеры, весовщики, носильщики, водносы, уборщики, ночные сторожа, псары и многие другие.

В Средней Азии с давних времен производили вино. По свидетельству очевидцев, Самарканд был окружен садами и виноградниками, которые тянулись иногда на несколько километров, здесь были сады городской знати.

Мухаммед Салих описывает хозяйство крупного самаркандского феодала шейхулислама Ходжи Абулмакарима. Больше половины урожая винограда Ходжа пускал на вино, из оставшегося количества приготавливали уксус и виноградный сироп — душаб⁴³². На территории города находились специальные постройки для хранения винограда.

В исторических сочинениях и документах XVI в. встречаются названия разных сортов вин — шараб, мусаллас, мускир, чагир и другие. Особой славой пользовались бухарские вина, о которых Бабур заметил: «В Мавераннахре нет вин крепче, чем бухарские...». Оно вывозилось отсюда в другие города, в частности, в Самарканд, что также видно из сообщения Бабура. «Когда в Самарканде я в первый раз пил вино, то пил бухарское вино»⁴³³. Известны были также водка (арак) и напитки, изготовлявшиеся из ячменя, проса и меда (последний был особенно распространен среди тюркского населения). В отдельных районах большим спросом пользовался кумыс — напиток, приготовленный из кобыльего молока. Вино использовалось также в медицине.

⁴³² Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 53.

⁴³³ Бабур-наме, стр. 63.

В Самарканде имелись винные лавки, где вино, возможно, определенные сорта его, продавалось открыто. Некий торговец Максуд, владевший шараб-ханой у Пули сафида, по свидетельству Васифи, пригласил в свою лавку многочисленное общество самаркандских купцов и поэтов, а Алишер Навои сообщает о существовании в его время кабаков (مېخانه) и игорных домов (قمارخانه)⁴³⁴.

В «Шейбани-наме» и в «Абдулла-наме» мы находим наименования сосудов «алтун айак» (التون اياغ), «чини кадах» (چيني قداخ)⁴³⁵

и др., которые использовались для питья вина⁴³⁶.

При дворе Тимура Клавихо видел кувшины с вином «и еще с другим питьем, которого они очень много пьют» и которое называется босат, а делают его из кобыльего молока с сахаром⁴³⁷.

Наши материалы опровергают мнение о том, что ислам совершенно вывел вино из употребления в Средней Азии. В Самарканде и Бухаре XVI в. производились разные сорта вин. Употребление вина среди определенных кругов населения было очень распространенным явлением. О Султани Хусейне-мирзе, например, Захириддин Бабур сообщает следующее: «За те почти сорок лет, что он был государем в Хорасане, не было дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы», а его сын Ибрахим Хусейн-мирза «неумеренно уливаясь гератским вином, умер еще при жизни своего отца»⁴³⁸. Болезнь Шейбанида Кельди Мухаммеда, рассказывает Васифи, была вызвана злоупотреблением пьянящими напитками.

Есть сведения, что вино пили и женщины. Об одной из жен самаркандского правителя Султана Ахмеда Бабур, например, сообщает: «она имела очень большую власть, пила вино (чагир)»⁴³⁹. «Благочестивая с виду, — пишет об одной из подобных женщин Алишер Навои, — пить ты вино начала»⁴⁴⁰.

На основании этнографических материалов Е. М. Пещерева отметил, что в Средней Азии в разных областях «имелась и своя манера готовить вино, и специальные сосуды для его изготовления, хранения и подачи к столу, кроме того, строго выработанный и соблюдавшийся ритуал его питья»⁴⁴¹. Так же, по всем данным, было в Средней Азии и в XVI в.

⁴³⁴ Алишер Навои. Возлюбленный сердец, стр. 44, 61, 62.

⁴³⁵ Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 3.

⁴³⁶ Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии, стр. 295—296.

⁴³⁷ Клавихо. Дисеник путешествия ко двору Тимура..., стр. 279.

⁴³⁸ Бабур-наме, стр. 190, 194.

⁴³⁹ Там же, стр. 31; Бобирнома, стр. 76.

⁴⁴⁰ Алишер Навои. Газели, Соч., т. II, стр. 42.

⁴⁴¹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии, стр. 295.

Официальная религия запрещала пьянство, и духовенство предпринимало некоторые усилия, чтобы наказать людей, потреблявших вино. Однако эти запреты действовали далеко не всегда. Так, по условиям вакфного документа, составленного от имени Михр-Султан-ханум, чтецам Корана и студентам медресе запрещалось пить опьяняющие напитки. Виновные подлежали наказанию; если же кто-либо нарушал это условие три раза, его обязаны были изгнать из медресе. Специальное лицо, в обязанность которому вменялось наблюдение за нравственностью податного населения, должно было призывать к воздержанию от употребления вина⁴⁴². «А между тем здесь (в Бухаре — Р. М.) запрещено пить что-либо кроме воды и кобыльего молока, — писал Дженкинсон в своем дневнике, — и если находят кого-либо, нарушающего этот закон, его жестоко секут и бьют, водя по открытым рынкам. Для этого определены особые чиновники, имеющие право входить во все дома и обыскивать, нет ли у хозяев водки, вина или напитка из меда с солодом. Если они находят что-либо подобное, то бьют посуду, портят напитки и жесточайше наказывают хозяина дома, а иногда, если они только заметят по дыханию человека, что он выпил, то дело решается без дальнейшего разбирательства и он уже не уйдет из их рук». В Бухаре есть духовный глава, который наблюдает «за столь строгим исполнением этого закона»⁴⁴³. Последнее подтверждается одним из указов из сборника «Мактубат ва аснад», согласно которому особое лицо должно было следить за тем, чтобы жители не пили шараб⁴⁴⁴.

Однако столь строгие запреты, налагаемые мусульманской религией на пьянящие напитки, распространялись далеко не на всех. В письменных сочинениях мы встречаем описания веселых пирушек, где молодежь из зажиточных семей безмерно потребляла разные сорта вин. Отсюда можно заключить, что «золотая» молодежь, или вернее их влиятельные родители, умело отстраняли наказания, которые им грозили со стороны мухтасиба.

Вино, судя по сообщениям современников, готовили как на территории города, так и в селениях, откуда оно поставлялось в феодальные хозяйства подвластными крестьянами⁴⁴⁵.

Из винограда и тутовых ягод приготавливали также сладкие сусла (душаб)⁴⁴⁶.

Скудные сведения, разбросанные в разнообразных рукописях на узбекском и таджикско-персидском языках, дают возможность устано-

⁴⁴² Мактубат ва аснад, л. 34а.

⁴⁴³ Д ж е н к и н с о н. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 182.

⁴⁴⁴ Мактубат ва аснад, л. 34а.

⁴⁴⁵ См. описание одного из таких моментов в мемуарах Васифи (А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества., стр. 354).

⁴⁴⁶ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 53.

вить наличие в двух крупнейших городах Средней Азии, какими были в XVI в. Бухара и Самарканд, множества ремесел, являвшихся «необходимой составной частью городского быта»⁴⁴⁷ и имевших многовековые традиции. В двух городах проживало большое число специалистов, каждый из которых был обучен изготовлению лишь одного вида ремесленного изделия. Правда, в письменных источниках упоминаются и мастера, владевшие искусством изготовления нескольких предметов, но их было меньше. Кроме того, в городах работала большая группа людей, обслуживающих в основном феодалов и зажиточных горожан — носильщики, весовщики, уборщики, водоносы, ночные сторожа.

Экономическое развитие привело к специализации некоторых городов и местностей на производстве отдельных видов продукции.

Для ремесла рассматриваемого времени было характерно межотраслевое и внутриотраслевое разделение труда, мелкое товарное производство.

Производство в целом можно разделить на следующие группы:

Производство изделий, которые были рассчитаны на удовлетворение потребностей широкого круга местного городского населения; производство предметов, находивших сбыт в прилегавших к городу областях, соседних районах и кочевой степи; изготовление изделий для узкого круга аристократической части населения: дорогие ткани, ювелирные изделия, некоторые виды оружия и металлических изделий, богатая одежда, великолепные рукописи и др.; производство ремесленной продукции в расчете на сбыт не только внутри государства, но и в другие страны (ткани, писчая бумага, оружие, краски).

Приведенные нами материалы и попытка их анализа позволяют выявить лишь отдельные стороны многочисленных ремесел и лишь часть терминологии, бытовавшей в области ремесла в Самарканде и Бухаре. При малой изученности данного вопроса проанализированные материалы, на наш взгляд, могут представить определенный интерес.

⁴⁴⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 329.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Ремесленники составляли наиболее полезную часть городского населения и были основными производительными силами города. Для их определения использовались разные термины: хунарманд (هنرمند), мухтариф (مختاريف), сан'атсаз (صنعت ساز), пишавар (پیشاور), возможно, и другие. В большинстве же случаев, когда речь шла о конкретной личности, к собственному имени носителя той или иной профессии добавлялось профессиональное наименование или слово «усто», «устод» (استاد) — мастер. Тем самым подтверждались его квалификация и отличие от других горожан.

Исторические памятники не содержат фактического материала о численности ремесленников, как и вообще о числе жителей Самарканда и Бухары рассматриваемого времени. Наше представление о количественном соотношении ремесленников и других сословий города может быть основано лишь на отдельных, в основном, случайных данных. Поэтому список специалистов, который можно составить на основании этих данных, будет не полным, ибо профессии мастеров, наименования производительных и торговых помещений, жилых домов и кварталов ремесленников, как и другие сведения, позволяющие выявить специализацию населения, включены в письменные памятники совершенно случайно. Нередко лавки-мастерские называются без указания, какому специалисту они принадлежали, что в них изготовлялось и продавалось. Естественно, при таком отборе часть специалистов вообще могут оставаться не учтенными. Тем не менее, данные источников конца XV—XVI в. свидетельствуют о наличии в городе значительного числа ремесленных профессий. Их свыше ста тридцати (для удобства термины перечислены в алфавитном порядке):

абгинагар (ابگینه‌گر), алачабаф (الاحدای), ангиштгар (انگشتگر), арабачи (ارابه‌چی), афшангар (افشانگر), ахангар (اهنگر), бафанда (بافنده), бахмалбаф (بهمال‌بانی), бахсумгар (بخسومگر), бехледуз

(белледоз), бузагар (бوزه-гар), бургучи (برخوچی), гаджпаз (گچ پز),
 гаукуш (گاوکش), гилкар (گل کار), гушткаш (گوشت کش), дарзи
 (درزی), дасгар (داس-гар), джадвалкаш (جدول کش), джамабаф
 (جده تاب), джамадуз (حامه-دوز), джаррах (خراج), джибатаб (جده تاب),
 джигарпаз (جگر پز), диварзан (دیوار زن), дуктараш (دوکتراش),
 дурудгар (دروغ-гар), загарапаз (زغاره-пз), зарбаф (زر بای), заргар
 (زر گار), заркуб (زر کوب), заркаш (زر کش), зардуз (زر دوز), заргар
 (زر گار), калазгар (کاغذ-гар), калинбаф (قالین بای), каллапаз (کله پز), каман-
 гар (کمان-гар), кардгар (کار-дгар), каризгар (کاریز-гар), касагар
 (کاسه-гар), касатараш (کاسه تراش), кассаб (قصاب), катиб (کاتب),
 кафшдуз (کفش-دوز), каххал (کخال), кашипаз (کشی پز), кашитараш
 (کاشی تراش), кимухтгар (کیمخت-гар), кисадуз (کيسه-دوز), кульча-
 паз (کلچه-пз), лавваф (لوافی), ладжвардшуй (لاجورد شوی), ладжам-
 дуз (لجام-دوز), микразгар (مقراض-гар), ми'мар (معمار), мисгар (مسگر),
 михчагар (میخچه-гар), муджаллид (مجدل), музадуз (موزه-دوز), муза-
 пардаз (موزه پرداز), музаххиб (ملعب), муинадуз (موینه-دوز), му-
 каввасаз (مقواساز), мухандис (مهندس), мухракаш (مهره کش), наддаф
 (نداف), наджжар (نحار), наккаш (نقاش), намадмал (نمد مال), нас-
 садж (نساج), на'лбанд (نعلبند), нонвой (نانوای), ошпаз (آشپز),
 парадуз (پاروش-دوز), пардазгар (پرداز-гар), папушдуз (پاپوش-دوز),
 пичакчи (پچاقچی), пустиндуз (پوسین-دوز), рангрез (رنگرز), рау-
 гангар (ریخته-гар), раушангар (روشن-гар), рихтагар (ریخته-гар),
 саббаг (صباغ), сагричи (سگری چی), сакарлатмал (سقرلات مال),
 санбусапаз (سنبوسه-пз), сангтараш (سنگ تراش), саррадж (سراج),
 сарраф (سرائف), саххаф (صحنی), симкаш (سیم کش), сузангар
 (سوزن-гар), сухангар (سوهان-гар), таббах (طباخ), табиб (طبيب),
 тагбандбаф (تکبند بای), такачи (تقچی تاواچی), такийадуз (طاقیه-دوز),

таррах (طراح), тизакчи (تيزگرچی), тиргар (تیرگر), тиркашдуз (اوٹوکچی, اونوکچی), тукумдуз (توقوم دوز), утукчи (اونوکچی), футабф (فوٹہ بافی, فوتہ بافی), хаббаз (حاباز), хаддад (حداد), хайат (حل کار), хаймадуз (خمیه دوز), халвагар (حلواگر), халкар (حل کار), харгахтараш (خرگاه تراش), харрат (حرط), хаттат (خطاط), хиштмал (خشت مال), хиштлаз (خشت یز), хушнавис (خوشنویس), шам'саз (شاه تراش), шаст-гар (شست گر), шербетдар (شرбетدار), чармгар (چرمگر), чахор-гулбаф (چهارگل بافی), чилангар (چلنگر), читгар (چیت گر), чуйанчи (یخنی یز, چویتیچی).

Приведенный список можно несколько расширить за счет военных специальностей, например курчи (کورچی), туфакандаз (تفاک انداز), аташбаз (آتشی باز) и др. Довольно обширна также терминология, использовавшаяся для обозначения: профессий лиц, обслуживающих город и городское хозяйство,— сартараш (سرتراش).

хаммал (حمام), таразудар (ترازودار), фарраш (فراش) и другие, а также музыкантов, фигляров, борцов и т. д.

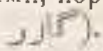
Столь обширное число специалистов в Бухаре и Самарканде XVI в. объясняется тем, что каждый вид готовой продукции, а в отдельных случаях и полуфабрикатов, изготовлялся отдельным ремесленником. Это явление, как характерная черта ремесленного производства рассматриваемого времени, было отмечено в литературе¹.

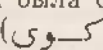
Средняя Азия не представляла в этом отношении исключения. Подобная же узкая специализация наблюдалась в данный период и в соседних странах, например, описывая «Достоинства Хиндустана» Захириддин Бабур заметил, что здесь трудилось «бесконечное и несметное множество» ремесленников².

Определенная часть мелких производителей проживала в специализированных кварталах, а нередко также рядом с торговыми рядами и рынками. Как показывает анализ материалов «Вафф-наме», из во-

¹ История таджикского народа, т. II, М., 1964, стр. 401—402; Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 538.

² Бабур-наме, стр. 336.

семнадцати жилых дворов (хаули), расположенных рядом с базарами, двенадцать принадлежали: писарю, трем пекарям, гвоздарю, скорняку, двум свечникам, торговцу свечами, портному, цирюльнику и отбельщику маты (мойщику одежды(?) —).

Профессионалами-ремесленниками была определенная часть жителей специализированных кварталов (). Извлечения из источников дали возможность составить довольно обширный список самаркандских кварталов (улиц), называвшихся по отраслям ремесла: резчиков камня (каменотесов) — Сангтарашан, обжигателей маленьких керамических печей — Хумданах, мастеров, изготовлявших арбы — Арабачиан, ковалей — Такачийан, специалистов по выработке шагреновой кожи — Кимухтгаран, башмачников (мастеров особого вида обуви) — Папушдузан, валяльщиков войлока — Намадмалан, цирюльников (парикмахеров) — Сартарашан, мастеров, изготовлявших луки — Камангаран, золотошвеев — Зардузан, квартал тех, кто готовил блюда из печени — Джигарпазан, квартал бойни — Гоукушан и др. К перечисленному следует добавить наименования специализированных махалля ткачей адраса — Адрасбафан и гончаров — Кулалгаран, обозначенных на плане Бухары XIX в., который, по мнению А. Р. Мухамеджанова, был составлен на основе более раннего плана (до 1544—1545 гг.)³.

Подобные наименования специализированных кварталов в какой-то мере отражают роль ремесленных корпораций как организационных центров мелких производителей соответствующих профессий.

Возможно, в таких наименованиях, как «квартал мечети кирпичников» (Хишти), «квартал мечети угольщиков» (Ангиштгар), «квартал мечети мясников» (Кассабийан), «квартал мечети пекарей хлебной лепешки кульча» (Кульчапаз), «квартал мечети торговцев косметическими и лекарственными товарами» (Аттаран) и др., также отражается организационная роль центров ремесленников одной профессии. Подобное явление отмечено для некоторых ремесленных корпораций средневековых городов Запада и России⁴.

В целом установлено, что «производительность труда в ремесле находилась в это время на максимально возможном при феодализме высоком уровне»⁵. Между тем, основой ремесла оставался ручной труд. Специализированные орудия были сравнительно разнообразны, но в большинстве случаев примитивны. Высокое качество продукции ремесленников при «рутинном состоянии техники»⁶ зависело главным

³ А. Р. Мухамеджанов. Историко-топографический план Бухары..., стр. 33.

⁴ См., например, А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.), М., 1967, стр. 257.

⁵ Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 538.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 185.

образом от способностей мастера, его сноровки, умения владеть техническими навыками. А между тем, все это было возможно лишь при упорном труде, обучении профессии с детских лет, при работе «не поднимая головы», как это отметил знаменитый мастер письма Султан Али. Только таким путем ремесленник, говоря словами Карла Маркса, мог приобрести «специальную сноровку», «виртуозность». Отсюда стремление мастеров сохранить секреты своего ремесла, передать производственные навыки подобно собственности своим близким, в основном, старшему сыну. «Способ труда, вместе с организацией труда и орудием труда в известной степени передается по наследству»⁷.

Главной фигурой в мастерской был мастер; в трудоемкой работе ему постоянно помогали члены семьи. При этом большая роль принадлежала сыну, который, работая вместе с отцом, постепенно приобретал навыки труда и обучался производственным процессам. Дома частично применялся и женский труд, использовавшийся не только в подсобных работах.

Как показывают скудные данные доступных нам источников, женщина являлась порой специалистом в области отдельных видов ремесла. Например, в одном из юридических решений конца XVI в. упоминается Соадат Султан Муинадуз (скорняк), дочь Абдуллы⁸.

В письменных источниках рассматриваемого периода нередко встречаются имена отца и сына, занимавшихся одним и тем же ремеслом, например, красильщик Ходжа Юсуф Али Саббаг, сын Устода Садриддина Саббага, портной Ходжа Мест Дарзи, сын Ходжи Мухаммеда Дарзи, мясник Ходжа Мир Дуст Кассаба, сын Ходжи Миреки, сына Ходжи Саид Ахмед Кассаба. Кладкой кирпича занимались сын, отец и дед мастера, названного в одном из указов, вошедших в «Мактубат ва аснад»⁹.

Сын мог приобрести и другую профессию. В источниках упоминаются седельник (шорник), сын мясника, кузнец, сын кладчика кирпича, ткач алачи, сын специалиста, умеющего находить место залегания грунтовых вод, коваль, сын торговца вареными бараньими ножками и головами. Из исторических сочинений мы узнаем также, что сыновья седельщика, ткача и свечника (видимо, являвшихся старшинами ремесленных корпораций) стали поэтом, художником и каллиграфом, т. е. приобрели специальности, которые были доступны далеко не всем. Как показывают исследования, смена специальности чаще всего происходила в тех случаях, когда рано умирал мастер-отец.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 488.

⁸ Маджму' а-йи васик, л. 75а.

⁹ Из архива шейхов Джуйбар, Док. 4, 7, 22; Маджму' а-йи васик, л. 171б; Мактубат ва аснад, л. 52б и др.

Искусство изготовления разнообразных ремесленных изделий передавалось не только по наследству. Самаркандские и бухарские мастера XVI в. обучали учеников со стороны. Практика подготовки квалифицированных специалистов из других семей нашла отражение в договорах, вошедших в рукописный сборник юридических документов «Маджму'а-йи васаик». Среди документов, оформленных у самаркандского казиза, внимание исследователя привлекает серия договоров между мастерами-устодами и учениками-шагирами. Таких договоров в сборнике двадцать пять. Составлены они по одной установленной форме, начиная с августа 1589 по январь 1591 г.

В каждом из этих документов указываются число, месяц и год заключения договора, специальность, которой должен был обучиться ученик, срок обучения ученика, обязанность мальчика в период обучения выполнять работу, возложенную на него мастером, имя мальчика, поступающего в обучение, имя его отца (последнее в некоторых соглашениях опущено), приблизительный возраст ученика, обычно передававшийся словом («малолетний»), за исключением тех случаев, когда в заключении договора будущий ученик участвовал сам. В большинстве соглашений обуславливается также обязанность мастера обучить шагира данной профессии в такой степени, чтобы специалисты признали его умение соответствующим требованиям.

В договорах называются имена лиц, участвовавших в их заключении: мастера, в обучение которому поступал мальчик, и близких ученика (отца, матери, брата) или самого ученика. Если договор оформлялся от имени отца, матери или брата, в тексте оговаривалось, что мальчик находился на попечении того, кто отдавал его в обучение.

Внимание исследователя привлекает тот факт, что одиннадцать договоров оформлены от имени матери ученика, три — брата, семь — самого ученика и лишь четыре договора из двадцати пяти составлены от имени отца ученика. Почему же в условиях феодализма, когда главой семьи считался отец, он так редко принимал участие в оформлении документа, касающегося будущего его сына и согласно которому мальчик на несколько лет уходил в дом мастера? Анализ содержания документов помогает ответить на этот вопрос. В некоторых решениях к имени отца ученика добавлено слово «покойный», а в одном соглашении отмечается, что местонахождение отца ученика—Устода Шайдуллы, «не известно». Можно полагать, что мальчик не имел отца и во всех тех случаях, когда соглашение составлено от имени матери, а возможно и в тех случаях, когда оно составлено от имени брата. При оформлении соглашения от имени матери (или брата) в тексте оговаривается, что мальчик, поступивший в обучение, находился на ее (или брата) попечении. Приведенные материалы характеризуют ту социальную среду, из которой происходили ученики со стороны и позволяют

говорить о принадлежности основного контингента учеников к сиротам и полусиротам.

Во время обучения ученик проживал в доме мастера, который обязан был его кормить и одевать, что оговаривалось в виде включения в соглашение пункта о денежном обязательстве. Последнее выражалось в указании размера суммы, которую мастер якобы давал ученику с тем, чтобы тот вернул ее и он, мастер, взял бы из той суммы часть за обучение, а остальные деньги расходовал бы на пищу и одежду ученика.

Так, согласно договору от 8 сафара 998 г. (17 декабря 1589 г.), госпожа Раушан Бахт, дочь Устода Касима, заявила в кази-хана, что она своего малолетнего сына по имени Яхши Булди, который находится на ее попечении, отдает в наем господину Ходже Баки Сарраджу, сыну Устода Науруз Кассаба, на пять лет за шесть тыс. динаров. В этот период ее сын должен выполнять любую посильную работу, дозволенную шариатом. В то же время она, Раушан Бахт, «берет в наем самого упомянутого Ходжи Баки» за три тыс. динаров с тем, чтобы тот за время ученичества обучил ее сына искусству шорника, а остальную часть суммы первого найма, три тыс. динаров, потратил бы на его пищу и одежду.

Денежные обязательства указаны во всех имеющихся в нашем распоряжении письменных соглашениях. Включение их в договор показывает, что мастер нуждался в производственной помощи ученика, указанная сумма была как бы гарантией передачи ученику, эксплуатировавшемуся как в производстве, так и в домашнем хозяйстве, определенных знаний в области данного ремесла. При этом подчеркивалось, что мастер затрачивал определенную сумму на содержание ученика, хотя в действительности она могла быть и меньше.

Судьба ученика целиком зависела от мастера — хозяина мастерской и главы дома, и в отношении приобретения специальности и в отношении условий жизни.

Во всех казийских решениях оговаривается, что в годы ученичества поступивший на обучение должен выполнять всякую «дозволенную шариатом» работу, которую ему поручит мастер. Причем мастер имел юридическое право использовать ученика по своему усмотрению. Если учесть, что ученик вынужден был выполнять все приказания не только хозяина, но и его жены, то станет понятным исключительно тяжелое положение, в котором он находился во время обучения. Сиротство мальчика должно было еще более ухудшить условия его жизни, ибо отсутствие настоящей защиты и угнетенное положение открывали широкий простор для злоупотреблений, особенно в тех случаях, когда мастер был недобросовестным. В то же время, хотя ученик должен был выполнять все, что на него возлагал мастер, а возможно, жена

и его сыновья, письменное соглашение все же в какой-то мере должно было оградить его от безмерной физической нагрузки.

Мастер выступал как организатор производства, в котором кроме него самого и ученика участвовали члены семьи. Создавалась, по определению В. И. Ленина, своего рода «семейная корпорация». При этом обычно хозяин мастерской брал на себя наиболее сложные и ответственные операции, возлагая на ученика более грубые и простые, а также те, которые он не мог делать в одиночку.

По казийским решениям, мастер (имя и профессия которого указываются в договоре) должен был обучать шагирда следующим специальностям: ткачеству (صنعت لاجه), тканью алачи (صنعت االاجه), тканью футы (صنعت فوطه ياقى), а также санат-и футадаи (صنعت فوطه دارى), тканью платков (покрывал) с узорами или особой узорчатой ткани (?) (صنعت چهارگل ياقى)¹⁰, набиванию узоров на ткань (صنعت جيت گرى), крашению (صنعت صباغى), валянию войлока (صنعت بولد مالى), валянию сукна (صنعت بقرلاط مالى), выделке кольчуг (صنعت جبه تابى), изготовлению иглок (صنعت سوزن گرى), сапожному мастерству (صنعت موزه دورى), мастерству выделки кафш (صنعت كفش دورى), скорняжному делу (мастерству меховщика) (صنعت پوستين دورى), столярному делу (صنعت نجارى), шорному делу (صنعت سراجى).

Представленные договора касаются многих важных отраслей ремесла: ткачества и отделки тканей, выработки изделий из металла, изготовления деталей одежды, строительного и шорного производств. Распространение ученичества в области этих специальностей — еще одно свидетельство высокого уровня развития названных отраслей ремесла.

Сроки обучения учеников были разными. Ткач должен был обучить ученика своей специальности за два с половиной года; три ткача алачи — за полтора, три и четыре года; два ткача (?) футы (один из них называется футабаф, другой — футадар) — за три и четыре; набойщик ткани — за четыре; красильщик — за три года; из четырех валяльщиков войлока, трое должны были обучить шагирдов за три года, а четвертый — за год; сукновал, мастер, шьющий меховые изделия и сапожник — за три года; башмачник — за четыре; мастер, делающий иголки, — за два; двое из трех кольчужников обязаны были обучить

¹⁰ Содержание терминов چهارگل ياقى и فوطه دارى не совсем ясно.

мальчиков за четыре, а третий — за два года; плотник — за шесть месяцев (?); у трех шорников срок обучения был по пять лет¹¹.

Как справедливо отметил А. М. Беленицкий, период ученичества мог значительно варьироваться¹². Приведенные примеры говорят о том, что срок обучения одной и той же специальности мог быть разным (лишь специальность шорника по всем трем договорам приобреталась за один и тот же срок — пять лет).

Рассмотрим сведения из договоров, позволяющие установить приблизительный возраст ученика. В восемнадцати случаях из двадцати пяти мальчики, поступающие в обучение, определяются словом сагир (*ساقير*) — «несовершеннолетний», «малолетний», и лишь в остальных семи соглашениях одной из договаривающихся сторон выступает сам ученик, почему естественно предположить, что в этих примерах шагирд был лицом, имевшим возможность самостоятельно договориться с мастером. В одном из этих семи соглашений ученик, поступающий в обучение к мастеру-кольчужнику, определяется словом «совершеннолетний» (*بالع*). Можно предположить, что в шести других случаях ученики также были совершеннолетними, почему могли от своего имени заключать соглашения.

Разные сроки обучения, которые требовались для получения одной и той же профессии, позволяют отметить, что продолжительность срока ученичества зависела не только от сложности ремесла, но и от возраста шагирда. Когда в обучение искусству ткачества алачи поступал юноша, срок обучения был менее продолжителен, чем у мальчиков: полтора года вместо трех и четырех лет.

В то же время, возраст поступающего в обучение не всегда играл определяющую роль, так срок обучения мастерству валяния войлока в трех случаях из четырех определяется в три года — одинаковый для «малолетнего» мальчика (в двух случаях) и для ученика-юноши, от имени которого был заключен договор с мастером (в одном случае). Поэтому уместно предположить, что при определении в договоре продолжительности обучения шагирда сказывалось и социально-экономическое положение поступающего на обучение: влиятельные родственники ученика могли требовать обучения мальчика в более короткий срок.

Определение срока было, вероятно, одной из причин составления соглашения между договаривающимися сторонами. Ученик и его родственники были заинтересованы в сокращении срока обучения, ибо в период ученичества мальчик не столько был учеником, сколько помощником мастера на подсобных работах в мастерской и прислужой

¹¹ Маджму' а-йи васайк, л. 118а-122б.

¹² А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде., стр. 46—47.

по дому. Следовательно, в заключении договора прежде всего были заинтересованы ученик и его близкие.

За сравнительно короткий срок обучения ученик должен был из мальчика на побегушках превратиться в специалиста, усвоившего ремесло «в такой степени, чтобы мастера этого искусства высказали свое одобрение». Это условие выставлено в нескольких договорах между мастером и учеником: от 14 июля 1589 г., от декабря 1589 г., от 4 февраля 1589 г. и в других¹³.

В действительности же мастер, как показывают отдельные данные, не спешил передать ученику свои знания и тот приобретал технические навыки лишь постепенно, постоянно помогая ему в ежедневной производственной деятельности¹⁴.

Хотя в решениях, утвержденных в самаркандских кази-хана, говорится, что по истечении указанного срока шагирд должен был овладеть данным ремеслом «в такой степени, чтобы мастера этого искусства высказали свое одобрение», условие это, по-видимому, выполнялось далеко не всегда. При отсутствии отца ученика положение мастера в этом отношении становилось еще более незыблемым. И все же письменное соглашение между учеником и мастером было положительным фактом, ограничивающим время и степень эксплуатации ученика.

Приведенные материалы из юридических документов позволяют выявить отдельные моменты из жизни и производственной нагрузки учеников в Самарканде XVI в., их социальное происхождение и экономическое положение. Рассмотренные договоры представляют большой интерес как пример письменного оформления правовых отношений между учеником и мастером-ремесленником в XVI в. Это тем более интересно, что для предыдущего и последующего периодов подобных письменных договоров пока не обнаружено, если не считать формуляра для составления подобного договора, относящегося к Бухаре XVI в.¹⁵

Приводим таблицу данных о найме учеников к мастерам разных специальностей, составленную на основании извлечений из двадцати пяти письменных договоров¹⁶. В графе «от имени кого составлен договор» указывается представитель лишь одной стороны — ученик-юноша или тот, на попечении кого находился мальчик. Фиктивная денежная сумма во всех соглашениях определяется в медных динарах.

Некоторый дополнительный материал, иллюстрирующий положение учеников, мы находим в среднеазиатских рисала — уставах-обрядниках. Время возникновения их точно не установлено. Известные нам

¹³ Маджму' а-йи васанк, л. 118а, 119а, 119б.

¹⁴ Относительно более позднего времени эта мысль высказана О. А. Сухаревой.

¹⁵ Хутут-и каза, ркп. ИВ АН УзССР, № 8586.

¹⁶ Маджму' а-йи васанк, л. 118а-122б.

Данные об обучении ученика

Дата, г.г.	Описание кого сос- тавлен Анкетор	Возраст ученика	Содержание	Среднее обучение, гг.	Общая сумма уч. занятий в договоре, тыс. дней в год	За об- уче- ние	За пи- тание и одежду
21 рамазана 997	ученика	не указан	ткач алачи	1,5	3	1	2
7 зилкада 997	ученика	не указан	красильщик	3	6	3	3
11 зилкада 997	матери	малолетний	чахоргулбаш	3	3	1	2
11 зилкада 997	ученика	не указан	войлочник	3	3	1	2
Последний день зилкада 997	отца	малолетний	молочник	3	3	1	2
Последний день зилкада 997	отца	малолетний	плотник	5 месяцев (?)	3	1	2
8 сафара 998	матери	малолетний	шорник (седельщик)	5	6	3	3
17 сафара 998	брата	малолетний	ткач алачи	3	4	2	2
28 раби 1 998	матери	малолетний	тулущик	3	4	1,6	2,5
10 джумада 1 998	ученика	не указан	ткач футы	4	6	3	3
21 джумада 1 998	ученика	не указан	сукновал	3	3	1	2
28 джумада 1 998	отца	малолетний	ткач футы (?)	3	4	2	2
14 джумада 1 998	матери	малолетний	(футалар)	4	6	4	2
12 раджаба 998	брата	малолетний	войлочник	2	4	2	2
17 раджаба 998	матери	малолетний	колчучник	4	6	3	3
12 раджаба 998	матери	малолетний	ткач алачи	4	6	3	3
19 раджаба 998	отца	малолетний	шорник (седельщик)	5	6	3	3
22 раджаба 998	матери	малолетний	шорник (седельщик)	5	6	3	3
10 рамазана 998	матери	малолетний	ткач (насадж)	2,5	4	2	2
10 рамазана 998	матери	малолетний	сапожник	3	5	3	2
21 рамазана 998	ученика	не указан	войлочник	3	5	3	2
6 шавваля 998	брата	малолетний	войлочник	3	5	3	2
26 зилкада 998	матери	малолетний	набойщик кони	4	6	4	2
6 сафара 999	ученика	совершенно- летний	набойщик кони	4	6	4	2
10 раби 1 999	матери	малолетний	башмакши	4	3	1	2

списки относятся к XIX в. Однако сведения из рисала можно отнести и к более ранним векам. Можно уверенно говорить, что бытовые условия и правовое положение учеников в доме мастера и в мастерской конца XVI столетия во многом были сходны с теми, которые зафиксированы для XIX—XX вв. Косвенное подтверждение тому — общий консерватизм и традиционализм, господствовавшие в производственных и социальных отношениях в условиях позднего феодализма. Это обстоятельство позволяет привлечь для исследуемого вопроса и материалы из рисала, в частности двух рисала читгаров на узбекском и таджикском языках (отличающихся друг от друга не только языком, но и содержанием отдельных мест)¹⁷.

Согласно рисала, мастер должен был прививать ученику почтительное и бережное отношение к хранившемуся в мастерской инвентарю. На ученика возлагалось также содержание в чистоте мастерской, жилого дома и двора. Мастер обязан был обучать ученика не только производственному процессу, но и правилам поведения. Рисала проникнута суровым диктатом ортодоксального ислама, фанатично поддерживавшего воззрение на человека, как на ничтожного раба.

В мемуарах Зайниддина Васифи немало строк, характеризующих различные слои городского населения; в числе представителей просвещенного общества нередко встречаются и ремесленники. Однако вряд ли в числе тех, кто участвовал в литературных диспутах и поэтических вечерах, кто был близок к городской землевладельческой знати, находились рядовые мелкие товаропроизводители. Блестящие юноши, «украшавшие собой пиры и литературные маджлисы, в большинстве случаев происходили из купеческой ремесленной среды» и, как заметил А. Н. Болдырев, «скорее всего, это были сыновья богатых ремесленников, цеховых старшин»¹⁸. Многие из рядовых ремесленников, особенно из тех, кто находился в полной зависимости от ростовщиков и купцов-скупщиков и не имел возможности овладеть грамотой, не могли (а в отдельных случаях, может быть, и не очень хотели) дать ученикам элементарного образования в области грамматики, а так же знания по религии, относительно чего говорится в рисала¹⁹. В этом отношении наше внимание привлекает то место из текста, где говорится о необходимости приглашения для чтения рисала специального лица, если сам владелец устава-обрядника не умен читать.

Мастер обязан был также требовать от ученика знания рисала данного цеха и не допускать его к работе, пока тот не вызубрит текст

¹⁷ Рисала- и читгари, № 5003; Рисала- и читгари, № В-1900 (23).

¹⁸ А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества..., стр. 405—406.

¹⁹ Рисала- и читгари, № 5003; л. 336; Рисала- и читгари, В-1900 (23) строки 24—26.

наизусть²⁰. Рисала должна была служить руководством и в личной жизни ученика. Одно из условий устава-обрядника гласит: если шагирд, достигнув совершеннолетия, не обзаведется семьей, он не будет уважаем окружающими. Здесь мы видим, что ремесленные корпорации не оставляли без контроля и личную жизнь будущего мастера. Через старшин ремесленных корпораций и через мастеров-учителей феодальные власти принимали активное участие в воспитании учеников в духе покорности и подчинения феодальным властям и мастеру, которого ученик должен почитать наравне с отцом, матерью и духовными лицами.

Обучение производственному процессу в соединении с религиозными обычаями, правилами поведения и почтительным отношением к мастеру было характерно не только для Средней Азии. В цехах Западной Европы также существовала, как отметил Ф. Энгельс, своего рода патриархальная скрытая эксплуатация, «с сопутствующими ей благочестием, привязанностью к домашнему очагу, добродетелью и ограниченностью...»²¹.

Ученик не должен был приступать к работе без разрешения на то мастера, нарушение этого пункта приводило к тяжелым наказаниям. Согласно рисала читгаров, на шею ученика, отважившегося приступить к работе, не согласовав это с мастером, следовало повесить полный воды кувшин и, посадив его верхом на черного быка, возить по базару. «Провинившегося» должны были хлестать прутом, дабы это послужило примером всем, кто вздумал бы нарушить установленные правила²².

Запрещение работать самостоятельно, без разрешения мастера, т. е. до того, как шагирд пройдет обряд посвящения, повторяется в рисала неоднократно. Последнее объясняется стремлением мастеров оградить себя от возможной конкуренции со стороны ученика, уже получившего значительную специализацию.

В отдельных случаях ученик, овладев производственными навыками, отличался от своего учителя лишь тем, что еще не прошел обряда посвящения в мастера. Об этом косвенно свидетельствуют обязанности принести на обозрение мастеру все, что сделал ученик и строгие запреты работать без разрешения мастера также как и тяжелое наказание в случае нарушения этого запрета. Все это ставило ученика в крайне унижительное положение, что, безусловно, должно было вызывать ропот в душе юноши. Однако жаловаться на мастера строго запрещалось.

Тяжелое положение приводило ученика к попыткам бегства из дома мастера. Текст рисала пестрит угрозами и небесными карами, ко-

²⁰ Рисала- и бафандачилик, л. 17а.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 247.

²² Рисала- и читгари, № 5003, л. 33а, 33б.

Рис. 1. Бронзовый кувшин, инкрусти-
рованный серебром, из самарканд-
ской мастерской конца XIV—XV в.

Рис. 2. Часть бронзового кувшина,
из самаркандской мастерской кон-
ца XIV—XV в.

зловый котелок из са-
мастерской конца

Рис. 4. Галладон, Самарканд,
XVIII в.

Опубликовано: Т. Абдуллаев, „Ката-
лог медных и медночеканных изделий
Узбекистана.“

Рис. 5 Афтоба, Самарканд, XVIII в.
Музей истории народов Узбекистана им.
М. Т. Айбека

Рис.

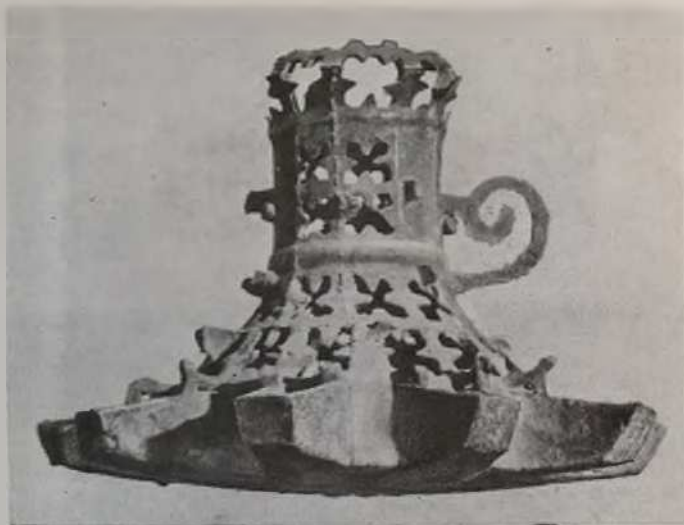

Рис. 7. Чирогдон.

Рис. 8. Котелок.
Музей истории народов Узбекистана им М. Т. Айбека

Рис. 9. Инструменты табиб-
хврурга
Музей истории народов Узбекиста-
на им. М. Т. Давуда

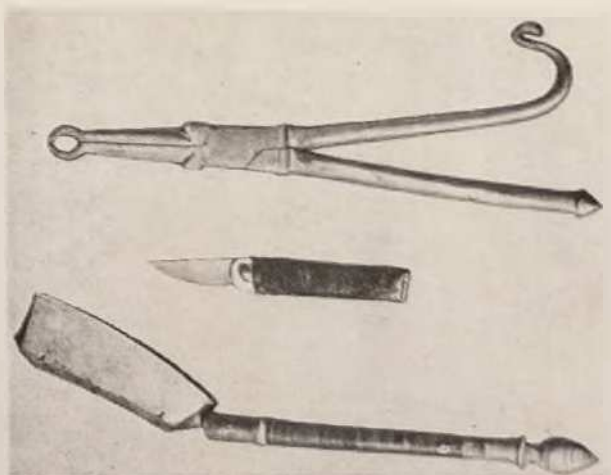

Рис. 10. Металлические изде-
лия среднеазиатских мас-
теров.

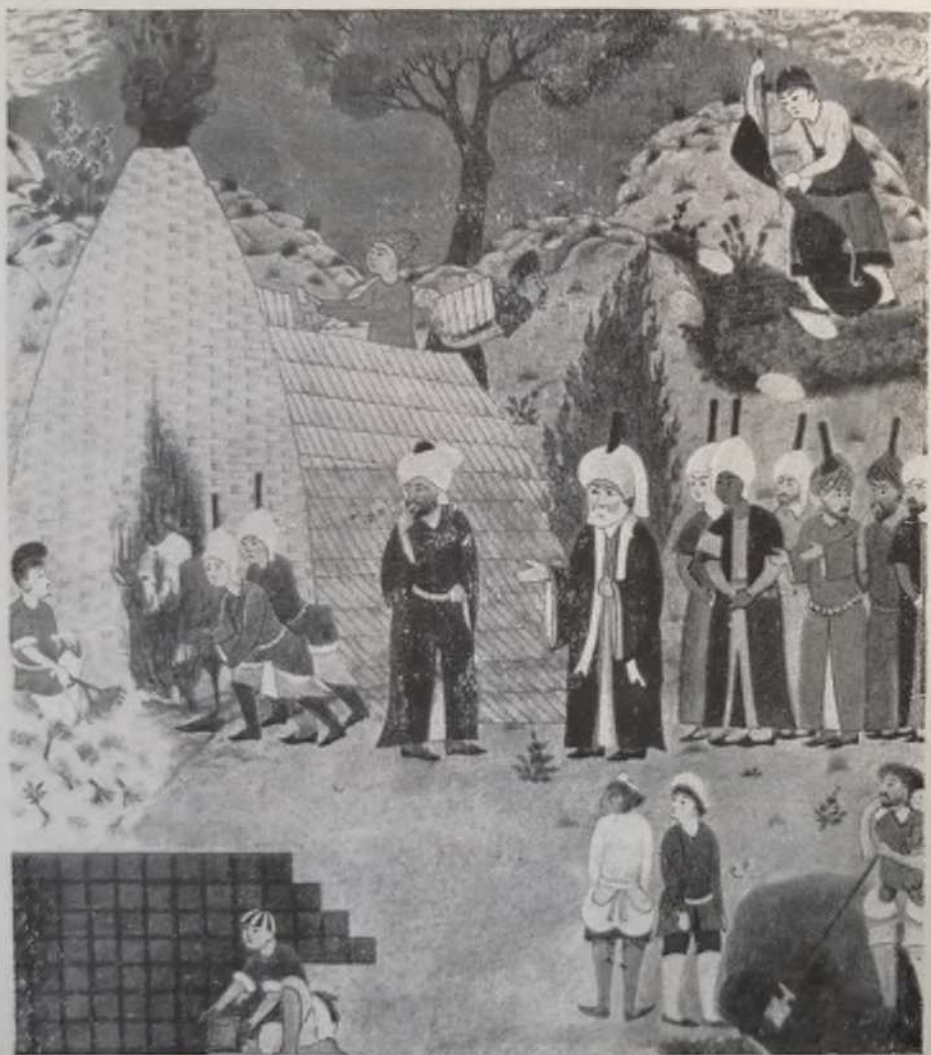

Рис. 11. Формовка и обжиг кирпича. Миниатюра рукописи «История праведных имамов», 1521 г.

Рис. 12. Встреча Ширин с Фархадом в горах. Миниатюра рукописи Низами «Ламса», 1491 г.

Рис. 13. Торговля медными изделиями. Бухара, XIX в.
Опубликовано: Sigrd Westphal—Hellbusch, Ilse Bruns. „Metallgefassen aus Buchara“.

Кувшин и блюдо, Самарканд,
XV—XVI вв.
Музей истории народов Узбекистана
им. М. Т. Айбека.

Чаши (фрагменты), Бухара, XV—
XVI вв.
Материалов Бухарского археоло-
гического отряда Института археоло-
гии АН УзССР.

Чаши, Самарканд, XV—XVII вв.

которые должны были обрушиться на ученика, сбежавшего от мастера²³. Видимо, случаи бегства были нередким явлением, иначе не было бы необходимости вводить в текст рисала подобные предупреждения.

Шагирд мог оставаться в полном подчинении у мастера или же на положении зависимого и после приобретения специальности. Фактический срок использования ученического труда особенно в случаях, когда не составлялись письменные договоры, мог быть довольно продолжительным. Призывы старшин ремесленных корпораций уважать мастера так же как отца были основаны не только на стремлении вызвать чувство благодарности за обучение и признание опыта старшего. Во многих случаях мастер выступал как эксплуататор, безвозмездно присваивающий труд ученика и прилагающий все усилия для подавления возможного протеста с его стороны.

Чтобы стать мастером, ученик обязан был сдать экзамен. Для этого он должен был показать свое умение работать «мастерам и великим знатокам правил поведения», предварительно приготовив инструменты и заучив все вопросы и ответы, приводимые в рисала. Мастер нес ответственность за подготовленность посвящаемого в мастера. Если присутствовавшие старейшины (акабиран) и специалисты находили ученика недостаточно подготовленным, то мастер в дальнейшем лишался права брать на обучение ученика и пользоваться его трудом. В свою очередь, сам мастер зависел от главы и старшин цеха, от тех, кто в социальном отношении стоял выше хозяина мастерской.

Наши источники не говорят о тех угощениях, которые ученик должен был приготовить для проведения обряда посвящения. Между тем, по материалам конца XIX — начала XX в. можно установить, что маджлис, собранный с целью посвящения ученика в мастера, устраивался за счет посвящаемого, что было одной из причин, тормозивших переход ученика в разряд мастеров. Ученики со стороны, по нашим данным в большинстве случаев из сирот, в продолжении многих лет вынуждены были накапливать нужную для этого сумму.

Следовательно, время ученичества можно условно разделить на два периода: когда мальчик находился в положении ученичества, основные черты которого нашли отражение в письменных соглашениях, и когда ученик, уже прошедший курс обучения, все еще не был самостоятельным мастером и не имел своих орудий производства.

Однако мастер не мог не считаться с тем, что слишком большая задержка ученика могла вызвать нарекания со стороны организации ремесленников, которая стремилась поддерживать свое доброе имя. Поэтому можно считать, что контролирование обучения органами цехового управления также было одной из причин составления договора

²³ Рисала- и читгарн, № 5003, л. 18а; Рисала- и читгарн, В-1900 (23), строка 50.

между мастером и учеником (или его близкими). Следовательно, в договорах, заключавшихся при поступлении ученика на обучение, можно видеть стремление корпорации в какой-то мере оградить интересы учеников.

Ученичество было широко распространено и в других странах Востока. Эксплуатация ученика, его бесправное положение и использование на различного рода работах, не имевших отношения к ремеслу, так же как и случаи, когда мастер сохранял в секрете от учеников производственные приемы, и многое другое были характерны для института ученичества, как на Востоке, так и на Западе²⁴.

Таким образом, наши материалы позволяют сделать некоторые выводы относительно института ученичества в городском ремесле в период позднего средневековья:

Отношение между учеником и мастером в XVI в., а, возможно, и в следующие десятилетия XVII в., оформлялись письменно; ученичество охватывало многие отрасли ремесленной промышленности, в которых требовались дополнительные рабочие руки; прием мастерами ученика диктовался необходимостью участия в производственном процессе подсобной рабочей силы; ученик находился в личной зависимости от мастера и в большинстве случаев подвергался тяжелой эксплуатации со стороны своего хозяина; по нашим данным, основная часть учеников происходила из сирот; продолжительность срока обучения отчасти зависела от благосостояния и влиятельности близких ученика, принимавших участие в оформлении договора; в составлении письменного соглашения были заинтересованы ученик и его близкие; определенный интерес к заключению договора проявляли и ремесленные корпорации; теоретически ученичество было подготовительной школой для мастеров-ремесленников, практически же переход учеников в разряд мастеров осуществлялся далеко не всегда и не в те сроки, которые указывались в письменных соглашениях; ученики со стороны, из других семей, многие годы находились в полной зависимости от мастера, бывшего их учителем; наличие значительного числа договоров в разных отраслях ремесла, практика заключения письменных соглашений между учеником (или его близкими) и мастером свидетельствуют о сравнительно высоком уровне этих отраслей промышленности в двух

²⁴ Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв., Тбилиси, 1959, стр. 359 и сл.; К. К. Куция. Из истории цеховых организаций в Восточном Закавказье в XVI—первой половине XVIII века (К вопросу об институте учеников и подмастерьев). Вопросы истории Ближнего Востока, 11, Тбилиси, 1972; Садиг-бек Афшар. Ганун ос-совар (Трактат о живописи), Введение, перевод, комментарии и прим. А. Ю. Казиева, Баку, 1963, стр. 71; А. А. Кириллова. Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV—XV вв. Сб. «Средние века», вып. 32, 1969, вып. 33, 1971.

политических и экономических центрах Средней Азии, каким были Самарканд и Бухара в XVI в.; ограничение самостоятельной деятельности квалифицированного ученика, а также низкая в условиях феодализма техническая оснащенность труда, как и некоторые другие факторы, были причиной, тормозившей рост и расширение производства; несмотря на практику приема учеников со стороны и наличие проанализированных договоров следует отметить, что ремесленная профессия передавалась в основном по наследству.

Двадцать пять договоров, составленных с целью оформления отношений ученика и мастера утверждены в кази-хана г. Самарканда в конце XVI в. К первой половине этого же столетия относится формуляр для составления договора об ученичестве, написанный в Бухаре. Для других периодов подобных письменных соглашений и образцов для их составления пока не обнаружено. Отсутствие документальных данных пока не позволяет установить, когда перестало практиковаться письменное оформление найма ученика к мастеру. Установлено, что в конце XIX — начале XX в. отношения между учеником и его хозяином не оформлялись письменно²⁵.

Классовые интересы рядовых ремесленников и учеников были направлены на борьбу с городской верхушкой, в том числе и ремесленной. В то же время очевидно, что экономические требования учеников не выходили за пределы узкопрофессиональных, корпоративных интересов.

Квалифицированный ученик мог выступать в роли подмастерья. К. Маркс, характеризуя цехового мастера средневекового города, писал: «...как подмастерье он сначала только *ученик* и, следовательно, совсем еще не представляет собой настоящего, самостоятельного работника и столуется по-патриархальному у мастера. В качестве действительного подмастерья он до известной степени пользуется фондом потребления, принадлежащим мастеру. Если этот фонд и не является *собственностью* подмастерья, то все же подмастерье по цеховым законам, по цеховому обычаю и т. п. является по крайней мере его совладельцем...»²⁶.

Как уже указывалось, в отдельных отраслях ремесла использовался труд наемных работников. Однако термины для их обозначения применительно к рассматриваемому периоду еще не исследованы из-за отсутствия конкретных материалов.

В одной из рукописей ИВ АН УзССР вместе с другими произведениями помещены образцы казийских документов, составленные в Бухаре в XVI в. В числе этих образцов имеется трафарет для оформления юридического договора о найме работника сроком на год. В виду важности этих данных цитируем указанное место из рукописи.

²⁵ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара., стр. 161.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 488.

«Аренда личности. Такого-то числа сделал заявление по имени и происхождению такой-то, сын такого-то, в состоянии действительности его распоряжений следующего содержания: «Я дал в законную аренду самого себя такому-то, сыну такого-то, начиная с сего дня в течение одного полного года за такую-то сумму, в течение этого срока я буду выполнять любую дозволенную шариадом работу, которую он мне поручит. Я велел, чтобы он такую-то сумму из указанной суммы в упомянутый срок расходовал на мое питание и одежду. А оставшуюся часть от упомянутой суммы вручил мне в конце года». С его согласия. [Это было] в присутствии достойных доверия»²⁷.

Наши сведения о Самарканде и Бухаре XVI в. дают очень слабое представление о социальной категории населения, обозначавшейся термином каргар (کارگر). В мемуарах Бабура применительно к мастерам, работавшим вместе с каменщиками и плотниками на строительстве колодца для воды, каменных желобов и каналов, использован термин музгур (موزور), содержание которого для Средней Азии XVI в. не выявлено. Приведенный пример относится к строительной деятельности Султана Бабура в Индии. Эти же термины, использовавшиеся для определения разных групп подсобных работников, встречаются и применительно к другим странам²⁸.

Безусловно, затронутые вопросы, как и многие другие проблемы развития экономических и социальных отношений в среднеазиатских городах, ждут дальнейших исследований. Пока можно лишь отметить, что применение наемного труда в городском ремесле не стало системой и не привело к постоянному расширению производства.

Основной фигурой в городском ремесле был мелкий производитель, самостоятельно работавший и сбывавший свои изделия. Он должен был владеть собственностью на орудия и средства труда. Однако, далеко не все ремесленники владели мастерскими на правах собственности. Документальные данные показывают, что часть городских ремесленников и мелких торговцев не имели своих лавок и мастерских и вынуждены были арендовать дуканы (лавки и мастерские), принадлежавшие феодалам, ханской семье и вакфным учреждениям. В последнем случае организатором эксплуатации мастерских выступали му-

²⁷ Хутут-и каза, лл. 1796—180а. Рукопись переведена и подготовлена к изд. А. Б. Вильдановой, которой приношу благодарность за указание цитированного места трактата.

²⁸ А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.; М. Гейдаров. Ремесленное производство в городах Азербайджана XVII в., Баку, 1967; Ш. Месхиа. Города и городской строй.; К. К. Куция. Из истории цеховых организаций.; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город., стр. 288; А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии., стр. 8.

таваллии. Как видно из источников, большое число мастерских, торговых лавок, красилен, водяных мельниц, маслобоек, бань, складов и других доходных предприятий Самарканда и Бухары XVI в. принадлежало духовной знати, основная часть которой извлекала доход путем сдачи их в аренду или субаренду (через посредство феодала или зажиточного горожанина).

В XVI в. в руках представителей светских и духовных феодалов в лице неоднократно упоминавшейся здесь Михр-Султан-ханум (она стала мутаваллием учрежденного ею вакфа), джуйбарских шейхов и других представителей из числа городской землевладельческой знати было сконцентрировано огромное число торгово-ремесленных заведений, находившихся в оживленных районах города, у базаров и вдоль магистральных дорог.

Не принимая никакого участия в процессе производства феодальные владельцы под видом арендной платы получали от ремесленников и мелких торговцев определенную ренту, своеобразный вид косвенного налога. Усиленная скупка ремесленных мастерских, лавок, мельниц и других производственных помещений свидетельствует о высокой доходности этих предприятий и больших выгодах операций подобного рода.

Характерный в этом отношении материал содержится в грамоте в пользу двух медресе Шейбани-хана: из 80 дуканов, находившихся на территории десяти торговых рядов (базаров) в Самарканде, 40 принадлежали медресе, 14 другим вакфным учреждениям, 26 частным лицам. При этом в число двадцати шести владельцев входили крупные феодалы, представители аристократических кругов: сама Михр-Султан-ханум, которая часть своего имущества оставила в частном владении; дочь бывшего самаркандского правителя Тимурида Султана Ахмед-мирзы Ак-бегим, глава духовенства — шейхулислам Шамсуддин Мухаммед и другие. Они извлекали доход с торгово-ремесленных предприятий путем предоставления их в аренду или субаренду непосредственному производителю. Подобная концентрация торгово-ремесленных предприятий в руках феодалов означала разорение ремесленного населения и мелких торговцев²⁹.

Ремесленными мастерскими и торговыми лавками могли владеть целиком или дробно, так что один и тот же дукаан мог иметь двух или более совладельцев, что фактически сводилось к разделу арендной платы, взимаемой за лавку-мастерскую совладельцами. По материалам «Вакф-наме», часть бакалейного дукаана в Самарканде, площадь кото-

²⁹ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 41; Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 573; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 36—44.

рого равнялась 40 газам газ-и мукассаром, принадлежала ранее Микр-Султан-ханум, а по дарственной грамоте передавалась в вакф, другая же часть, равная 12 газам, была вакфом общего пользования. В этой же грамоте называются ковочный и красильный дуканы общей площадью в 81 газ тем же газом, также передававшиеся в вакф. Часть этих дуканов в 13,5 газов считалась вакфом общего пользования³⁰.

Среди документов есть и такие, которые были составлены при неокончательной продаже дукана. Это был своеобразный заклад, по которому дуکان и после оформления акта купли-продажи оставался в руках прежнего владельца. Последний продолжал пользоваться им в роли арендатора, отныне уплачивая соответствующую плату (процент за предоставленный кредит) новому владельцу лавки-мастерской.

Юридические документы, письменно оформлявшие получение ссуды под залог дукана, представлены в сборниках казийских документов. Материалы о неокончательной продаже и закладе ремесленных мастерских отражают процесс разорения владельцев мастерских — мелких ремесленников. Многие из них вряд ли имели возможность вернуть займодавцу полученную в долг ссуду и снова стать хозяином дукана. В документальных материалах, относящихся к самому концу XVI в., неоднократно встречаются сведения о закладе мастерских, торговых заведений, мельниц и других производственных помещений.

Из имущественной верхушки мастеров-ремесленников могли выделяться люди, специализировавшиеся на торговле определенным товаром. Часть их оставляла свои мастерские, но продолжала поддерживать связь с ремесленниками, теперь уже в роли скупщика.

Ремесленник, имевший собственную мастерскую, был в более выгодном положении, чем тот, кто арендовал дуکان. Но и мелкие владельцы мастерских в большинстве случаев держали в своих руках на правах собственности лишь само строение — сукнийат, соответственно платя определенную сумму, причитающуюся за участок под дуканом.

Из-за ограниченности средств часть мастеров не могла закупать материал, необходимый для работы, и брала его в долг до продажи товара. К примеру, по документу, составленному в 1590 г., Маддуд Казар, сын Муллы Мухаммеда Мултани, должен был по истечении двух месяцев уплатить Мулле Фатхулле, сыну Муллы Якуба Мултани, стоимость 40 кусков ситца разноцветного пурбанд в сумме 120 серебряных ханских танга. Неоднократно фигурирует в казийских документах имя Дарья-хана, сына Шейха Са'ддина Мултани. Последний предоставил в долг Мулле Хусейну, сыну Муллы Мултани, 32 куска ситца самоцветного пурбанд с условием возвращения долга по исте-

³⁰ Вакф-наме, текст, стр. 126, 127, перевод, стр. 238, 239.

чении четырех месяцев. А по документу, составленному несколько раньше, Лахури Читгар, сын Лалю, должен был уплатить Дарья-хану 150 серебряных ханских танга. В тот же день, 13 октября 1589 г., в том же кази-хана было вынесено еще одно решение, обязывающее Лахури Читгара под угрозой развода с женой повиноваться Дарья-хану³¹.

Все эти конкретные факты убедительно показывают зависимое положение мелких производителей от городской знати, светских и духовных феодалов.

Интерес представляет еще один документ, составленный в октябре 1590 г. и касающийся того же Дарья-хана. Из него выявляется, что упомянутый кредитор дал в долг Мулле Хусейну, сыну Муллы Хасана, расчесанный (شانہ کرندہ) белый козий пух и тот обязан был вернуть долг через семь месяцев. За своевременное выполнение обязательства Муллой Хасаном за него ручалось третье лицо — Мулла Майрам, сын Шамухаммеда³².

Свидетельства проникновения ростовщического капитала в некоторые виды ремесленного производства позволяют мнение, высказанное В. И. Лениным относительно крестьян России, распространить и на население Средней Азии. «Зависимость крестьян от владельцев денег приобретает неизбежно форму кабалы»³³. Лахури Читгар — представитель самаркандских ремесленников, попавших в долговую кабалу.

У скупщика-кредитора и крупного феодала мастер брал шерсть, ткани; зерно он мог занимать также у феодала. Фактический материал из документов свидетельствует, что ремесленники довольно часто прибегали к получению денежной ссуды под проценты. Шариат запрещал взимать их, поэтому деньги предоставлялись под залог собственности. Причитающийся процент исчислялся в виде суммы, взимавшейся якобы за хранение кредитором какой-либо вещи — собственности должника. Документальные материалы подтверждают мнение, что ростовщический процент «в XVI в. был очень велик»³⁴.

В договоре, составлявшемся при получении денег или товара, обычно указывалась сумма или подробный перечень товаров и срок возвращения долга. Юридическое соглашение подтверждалось свидетелями, имена которых перечислялись в конце акта. Текст документа скреплялся печатью казия. Практиковалась система поручительства за должника.

³¹ Маджму' а-йи васанк, л. 182а, 182б.

³² Маджму' а-йи васанк, л. 189а.

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 383.

³⁴ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики., стр. 44.

Исключительно большой интерес представляет содержание юридических документов, составленных при оформлении кредита, предоставленного не одному, а группе ремесленников. Один из них рассматривался в камере самаркандского казия в 1590 г. Семь человек ремесленников, надо полагать, принадлежащих к одной корпорации: Мир Пир Мухаммед, сын господина Мир Мухаммеда, Устод Джалма, сын Мухаммед Юсуфа, Устод Баки, сын Устода Дуста, Устод Малик, сын Устода Бабы, Устод Турсун, сын Устода Дуста, Устод Худай Берди, сын Устода Фазыла, Устод Юсуф Али, сын Султана Али,—согласно договору, являлись должниками Муллы Баки, сына Яр Мухаммеда. Все семеро должны были вернуть долг (с процентами) в сумме 100 ханских танга. Эта сумма, как указывается в решении, была нужна мастерам для расходования «на свои нужды» (حوایج خود)³⁵. Все должники были ремесленниками — «устод».

По другому документу от того же года группа людей, шесть из которых, безусловно, были ремесленниками, а именно: Ходжа Мир Мулла, сын Мир Амида, Ходжа Худай Берди, сын Дервиша Али, Мулла Турсун, сын Муллы Ходжи, Мулла Зияуддин, сын Муллы Абдуллы (?), Устод Хусейн, сын Шаххусейна, Ходжа Дуст, сын Устода Мухаммеда, Мирза, сын Устода Хусейна, Устод Ходжи, сын Устода Тути, Устод Кичик, сын Муллы Курбана, Устод Дуст Тиргарани, Кичик, сын Джани, Алла-Кули, сын Ходжим Берди,—признавали себя должниками Кулбаба Кукельташа. Кредитором в данном случае выступает один из крупнейших феодалов-сановников времени Абдулла-хана II, «эмир эмиров» его окружения. В документе уточняется, что сумма, взятая в долг, в размере 3333 ханских танга, является стоимостью 5 тыс. манн пшеницы (گندم خشکای بی راهراب یافته) и подлежит возврату по истечении двух лет. Обе указанные группы возглавляются лицами, титулуемыми сайадатмаб (سایاد تهاب).

Третий юридический документ о коллективном получении денежной суммы относится также к 1590 г. В списке должников числятся четыре человека, каждый из которых называется «муллой». Они обязаны были вернуть кредитору через пять месяцев денежную сумму в 133 ханских танга. Здесь перед нами объединение ремесленников, вероятнее всего, цеховое. То обстоятельство, что к именам добавлено слово «устод» без уточнения профессии можно объяснить принадлежностью их к одной или близкой специальностям. Не ясно, была ли ссуда связана с интересами всей корпорации или же взаимопомощью отдельному члену — чертой, присущей цеховым организациям.

³⁵ Маджму' а-йи васаик, л. 1856.

Группы несли коллективную ответственность (*كفيل بالمال*) за своевременную плату долга³⁶. Система поручительства и круговая порука, применявшаяся при получении ссуды у кредитора мелкими производителями, между прочим, позволяет заключить, что ремесленник не мог по своему желанию покинуть место жительства, не мог свободно передвигаться по стране, по крайней мере в тот период, когда был должником.

Ремесленники, вынужденные прибегать к «помощи» представителей эксплуататорского класса, попадали в тяжкие условия. В годы войн и грабительских набегов, когда рядовые жители «превращались в нищих»³⁷ и нарушалась торгово-ремесленная деятельность мелких производителей, их положение ухудшалось еще больше.

В источниках нередки указания о насильственном переселении ремесленников захваченных областей. Особенно широкие формы эти действия приняли при Мухаммеде Шейбани, его племяннике Убайдулле и Абдулла-хане II.

Имена высококвалифицированных мастеров обычно были широко известны и захват города противником грозил подобным лицам насильным уводом в другую страну. Так, например, в завоеванном Абдулла-ханом Герате особенно выделялись пять мастеров. Четверо из них спаслись бегством, пятый — Яр Мухаммед-хан был отослан узбекским ханом в дар Ходже Са'ду. Ему же были отправлены четыре раба-резчика по камню, доставленные из Индии.

Классовая дифференциация среди ремесленников в конце столетия прослеживается на материалах серии самаркандских юридических документов 1588—1591 гг. На основании же анализа отдельных данных других источников можно говорить об имущественной дифференциации среди ремесленников на протяжении всего XVI в. Причем, этот процесс был двояким: появлялись не только мастера, нуждающиеся в сырье и ссуде под залог будущего изделия, но и мастера-ремесленники, перешедшие в разряд зажиточных горожан.

Захириддин Бабур, говоря о разных социальных слоях населения, отличает факиров от группы лиц, определяемых словом мискин. В отличие от последних, не обладавших никаким имуществом и не имевших возможности заняться ремеслом, факиры могли стать ремесленниками, однако деньги, которые они зарабатывали, не покрывали их дневных расходов³⁸.

Алишер Навои, который сочувственно относился к жизни трудово-

³⁶ Там же, л. 185б., 186а.

³⁷ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 66—67.

³⁸ Мубайин, ркп. ИВ АН СССР, № 1—104, л. 60; С. А. Азимжанова. К истории Ферганы второй половины XV в., стр. 92.

го населения, но все же оставался представителем своего класса, считал, что ремесленники (*صنعت سار*) при большой усердии, трудясь с раннего утра до заката солнца, могут разбогатеть.

Коль он старателен, богатым станет он,
Нет — что поделаешь! Тогда он разорен³⁹.

Между тем, изнурительный труд далеко не всегда обеспечивал прожиточный минимум, поскольку сборы с ремесла и торговли (в том числе и арендная плата за мастерскую), как и производственная деятельность мелких производителей, во многих случаях зависели от перепродаж сырья и купца, скупавшего готовый товар.

Особое положение среди мелких производителей занимали старшины ремесленных корпораций. В источниках для обозначения лиц, возглавлявших ремесленников, использованы разные термины: мехтер, сахиб, калантар (последний в значении «самый старший»). Однако терминология эта нуждается в дальнейшем исследовании. В сборнике «Мактубат ва аснад» помещено значительное число указов, предназначенных для выдачи главам ремесленников: главе ткачей, портных, зодчих, тех, кто имел дело с созданием и украшением рукописной книги, главе музыкантов и т. д. Одно и то же лицо могло быть и мехтером, возглавлявшим ремесленную корпорацию, и калантаром, которому подчинялись организации местных и областных ремесленников, каким, например, был старшина, возглавлявший портных всей области Шахрухия — Хусейн Портной⁴⁰.

Согласно указам, составленным по случаю назначения или признания старшины ремесленной корпорации, все мастера, входившие в данную организацию, должны были беспрекословно подчиняться ее главе.

Фактические ставленники феодальных властей, старшины ремесленных корпораций могли выступать в роли надзирателей. Таковым был глава ткачей Камалиддин Зикрия, который в указе, составленном на его имя, титулуется и калантаром и пазиром (*ناظر*)⁴¹. Его обязанности были самыми разнообразными. Он регулировал рыночные цены на отрезы и дорожные ткани (*ارغوت واقیشه و اجنالی*) причем не только на местные, но и привозные⁴², взвешивал привезенный

³⁹ Алишер Навоий. Махбуб ал-кулуб, текст, стр. 44; Он же. Возлюбленный сердец, Соч., т. X, Ташкент, 1970, стр. 33.

⁴⁰ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 697; Мактубат ва аснад, л. 79а, 116б, 117а, 169б, 170а, 175а, 175б.

⁴¹ Мактубат ва аснад, л. 116б.

⁴² Последнее было отмечено А. М. Беленицким. (Организация ремесла в Самарканде., стр. 46).

(الاطراف و جوانب) шелк, взимая за это соответствующий весовой сбор, который должен был поступать в пользу назира, собирал налоги с ремесленников, занятых изготовлением и реализацией шелка, отрезов на одежду, дорогих тканей. Эти сборы выражены в указе в двух наименованиях: таваджихат и ихраджат.

Перед нами — пример использования феодальными властями в фискальных целях ремесленной организации как ячейки в рамках городской и областной администрации. Здесь ярко проявляется роль старшины ремесленной корпорации как ставленника феодального государства и проводника его политики. Через него феодальные власти контролировали торгово-ремесленную деятельность мелких производителей, держали в своих руках местный рынок. Государственные чиновники должны были относиться к нему как к ставленнику верховного правителя.

Осуществление контроля за людьми, пришедшими в город для продажи ремесленной продукции, регистрация, как налогоплательщиков, мелких производителей и торговцев отражены в том же указе.

Можно полагать, что сборы с шелка, привезенного в город из области, взимались натурой. Отсутствие материалов не позволяет установить, как использовал надзиратель собранный в результате натуральных сборов шелк: реализовывал ли его на местном рынке, отправлял ли в другое место, или доставлял в казенную мастерскую?

Из нишана известно также, что в ведении старшины находились не только ткачи, но и базазы — торговцы тканями, по всей вероятности, шелковыми⁴³. На этом основании можно полагать, что существовала своего рода торгово-ремесленная организация, территориально охватывающая целую область и контролируемая представителем феодальных властей.

Регулирование рыночных цен на предметы также находилось в ведении старшины ткачей, поэтому можно утверждать, что представители феодальной администрации могли принудить мелких производителей продать изделия казне по низким ценам.

Общий контроль за рынком возлагался феодальными властями на мухтасиба, который кроме других обязанностей должен был следить за ценами и наблюдать за точностью гирь и весов⁴⁴.

Потребности двора, высшего чиновничества и духовенства обслуживались казенными мастерскими. Конкретные сведения об этом относятся, например, к мастерам, которые были заняты изготовлением пала-

⁴³ По мнению А. Расулева до Октябрьской революции базазы в Ташкенте занимались торговлей шелковыми и полушелковыми тканями. Е. М. Пещерева считает, что базазы занимались развозной торговлей по базарному циклу.

⁴⁴ Мактубат ва аснад, л. 33а.

ток для хана во время его выездов на охоту и для надобностей армии⁴⁵. Указы, относящиеся к казенным мастерским, показывают, что деятельность последних ограничивалась потребностями двора государя, его приближенных и личной гвардии, т. е. очень узкого круга представителей господствующего класса, что значительно тормозило развитие тех ремесел, которые были связаны с их обслуживанием.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о цеховых организациях в среднеазиатских городах в XVI в. очень скудны. Данные, которыми мы располагаем, позволяют все же считать, что цехи, объединявшие отдельные ведущие отрасли производства, играли, как и в Западной Европе, важную роль в деятельности среднеазиатских ремесленников.

Цеховые установления ограничивали сферу действия отдельного цеха и каждого ремесленника определенными нормами. Нарушение этого порядка, попытка мелкого производителя перешагнуть через установленные границы вызвали протест как со стороны ремесленника смежной специальности, так и со стороны ремесленной корпорации. Ограничения могли поставить мастера в зависимое положение от специалиста другой профессии (например, медник обязан был передать изготовленную им посуду на отделку другому специалисту, даже если он мог выполнять это сам), что в той обстановке тормозило развитие ремесла. Убедительный пример подобного явления имеется у Васифи. Мастер-медник самаркандец Устод Хусейн Мисгар вступил в конкуренцию с мастером, обтачивающим металл, Устодом Камалом. По словам Васифи, «подобного ему ремесленника на престоле ремесла (برگزی هنرمندی) не сидело». Устод Камал отделывал изделия методом «чархкори», после чего они поступали в продажу. Устод Хусейн Мисгар, сознательно нарушая порядок, сам выполнял операции и по отделке. Он «вступил на путь соперничества и противодействия ему (Устод Камалу — Р. М.) и постоянно выставляет свои недоделанные работы и (тем самым) портит и свое дело и торговлю искусных мастеров» (ادار هنرمندان).

Конкуренция между мастерами — одна из характерных черт феодального ремесла. «Мелкий товаропроизводитель, — писал В. И. Ленин, — ...употребляет всяческие усилия, как единоличные, так и коллективные, чтобы задержать конкуренцию, чтобы «не пустить» соперников в свой район, чтобы укрепить свое обеспеченное положение мелкого хозяйчика, имеющего определенный круг покупателей»⁴⁷.

⁴⁵ Там же, л. 72а.

⁴⁶ Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ад-вакан', т. I, стр. 108. Переведено и опубликовано А. Н. Болдыревым («Мемуары Зайн ад-дина Васифи», стр. 228—230).

⁴⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 332—333.

Для обозначения корпоративных объединений, организованных соответственно феодальному способу производства, в наших источниках использованы термины *касаба*, *аснаф*, *джама'ат*. В последнем случае заметны некоторые черты, сближающие цех с общиной, что было характерно для стран, где цехи были организованы по образцу общин. Однако здесь, как и в ряде других случаев, следует отметить необходимость более глубокого исследования терминологии, использовавшейся для обозначения ремесленных организаций, производства и самих ремесленников.

Корпорация могла объединять ремесленников нескольких смежных специальностей. По указу, выданному старшине мастеров-строителей, ремесленная организация строителей объединяла штукатуров (*گلکاران*), столяров (*تجاران*), мастеров облицовочных плиток (*کاشی تراشان*) обжигателей алебаstra (*گچ یزان*) и тех, кто делает кирпичи (*خشت مالان*)⁴⁸. Здесь, как можно установить по носителям перечисленных профессий, имелось в виду объединение строителей, имевших дело с глиной (изготовителей кирпича, облицовщиков зданий и т. п.).

Согласно другому указу из того же сборника, столяры входили в корпорацию, которая также определяется термином *джама'ат*. Корпорация называется «объединением зодчих, столяров и мастеров, имевших дело с тишой» (*جماعت معمار و تجار و اهل تیشه*). Сюда же причислялись токари по дереву (*خراط*) и гребенщики (*شانه تراش*). Объединение «всех тех, кто работает тишой»⁴⁹, позволяет полагать, что в данном случае речь идет о своего рода строительной артели, имевшей дело с обработкой дерева.

Объединения строителей в силу характера своей профессии не имели постоянного места работы. Эта специфичность нашла отражение в нишане, выданном главе мастеров, имевших дело с глиной -- Устоду Гуляму Али. Последнему должны были подчиняться все перечисленные специалисты-строители, «где бы они не находились»⁵⁰. Малейшее непослушание могло вызвать тяжелейшие наказания, примером тому свидетельство Мухаммеда Юсуфа Мунши, который вспоминает о замуровании в стены строителей, работавших не очень расторопно.

В *джама'ат* (*جماعت*) объединялись и специалисты, работавшие над созданием рукописной книги. Известный далеко за пределами Средней Азии и Ирана Камалиддин Бехзад был назначен старши-

⁴⁸ Мактубат ва аснад, л. 79а.

⁴⁹ Там же, л. 175а.

⁵⁰ Там же.

ной всех, кто имел отношение к написанию и оформлению книги: писцов, художников, золотильщиков, тех, кто линовал страницы будущей книги, мастеров, наводящих золото⁵¹.

Городским старшинам ремесленных корпораций подчинялись не только мастера данной отрасли ремесла в городе, но и все другие ремесленники и областные организации. Указ, выданный Хусейну Портному, гласил, что последний получал должность главы ремесленников, занятых портняжным делом в городе и в области Шахрухия, причем Хусейн Портной не был исключением, до него пост главы портных города и вилаята Шахрухия занимал Али Портной. Здесь глава корпорации объединял ремесленников всей области Шахрухия. Ему должны были подчиняться портные всего вилаята, которые в свою очередь возглавлялись местными старшинами (کلانتر خیاطان ولایت شاهروخیه)⁵².

Общую роль ремесленников в развитии культурной жизни города прекрасно осветил в своих специальных исследованиях А. Н. Болдырев. Ремесленники, торговцы и мелкие собственники «поставляли деятелей культурной жизни и потребляли культурные ценности»⁵³.

К сожалению, у нас нет фактического материала, позволяющего установить размер дневного заработка ремесленника, и данных для сравнения его с рыночными ценами. Алишер Навои и Султан Али Мешхеди говорят о том, что ремесленник работал от восхода до заката, не покладая рук и «не поднимая головы». Для более позднего времени в уставе-обряднике «Рисала-и бафандачилик» имеется указание, что если мастер заработает в день три танга, то он должен выделить из этой суммы долю в пользу пиров, духовных лиц и фукара⁵⁴.

Те, кто обслуживал двор хана и удельных властителей, могли иметь постоянный заработок. Также обстоит дело с поварами, водоносами, подметальщиками и т. д. Плата за обслуживание вакфных учреждений в деньгах и зерном производилась согласно условию учредителя данного вакфа, внесенному в вакфную грамоту.

Следует остановиться еще на одном вопросе: какое место занимало в жизни городского ремесленника сельское хозяйство?⁵⁵ Анализ источников показывает, что на территории Бухары и Самарканда в XVI в. пахотных земель было мало. Небольшие участки занимали и насаждения деревьев, и во время продолжительных осад, как отмечают источники, жители Самарканда не могли питаться плодами, так как сады были за городом. Отдельные городские ремесленники могли иметь

⁵¹ Мактубат ва аснад, л. 169а—170б.

⁵² Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ал-вакан', т. I, стр. 697.

⁵³ А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества., стр. 404.

⁵⁴ Рисала-и бафандачилик, л. 46а-47б.

⁵⁵ В целом этот вопрос является предметом специального исследования.

земли в пригородах, где в определенный период года занимались сельским хозяйством, что еще раз подтверждает мысль В. И. Ленина о невозможности при господстве ручной техники «совершенно оторвать промышленника от земледелия»⁵⁶. Однако сложность производственного процесса при ручном изготовлении многих видов изделий, расположение мастерских главным образом в черте города — косвенное свидетельство того, что в рассматриваемый период сельское хозяйство играло лишь подсобную роль в производственной деятельности основной части ремесленников. В то же время, определенный интерес представляет нишан о передаче мастеров-оружейников (тиргаран, камангаран, шамширгаран и тузпушан) в дарбаст даруге Низамиддину Шейхиму Курчи. Можно предположить, что в этом указе речь идет о мастерах-оружейниках крупного города и что посевы находились в районах, примыкающих к городу. Однако нишан не датирован, не указана также местность, к которой он относится, и делать выводы на основании единичного примера затруднительно.

Некоторые сведения имеются в источниках и относительно этнического состава ремесленников. Как и во все предыдущие века, основное население среднеазиатского города состояло из предков современных узбеков и таджиков. Выражение «тюрк ва таджик» характерно для многих авторов сочинений XVI в. Им же адресованы многие указы, изданные от имени феодальных правителей. В начале XVI в. на территорию Средней Азии пришли племена из Дешт-и Кипчака. В результате несколько увеличилось тюркоязычное население страны (общее число прибывших людей было сравнительно небольшое), как в сельских местностях, так и в городах⁵⁷. В конце XV—XVI в. появилось довольно значительное число сочинений и документов на узбекском языке.

Среди ремесленников Бухары и Самарканды нередко упоминаются выходцы из других городов и стран и особенно часто хорезмийцы, термезцы, индусы, арабы, хорасанцы, ширазцы, кашгарцы. Особый квартал, Куй-и тарсайан, занимали в Самарканде христиане⁵⁸. В городе упоминается также квартал, заселенный евреями, а в Бухаре — индусами.

В заключение можно отметить следующее. Ремесленники состояли из разных групп: богатых и бедных, тех, кто имел свои лавки-мастерские, и тех, кто арендовал их; одни мастера имели в частном владении и мастерскую, и участок земли под ней, другие — только строения, и т. д. Отдельные ремесленники (на примере бумагоделов) являлись лишь руководителями, не принимая участия в производстве, другие,

⁵⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 385.

⁵⁷ Р. Г. Мукминова. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. Изв. АИ УзССР, № 1, 1954; История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1967, стр. 502.

⁵⁸ Маджму' а-йи васайи, л. 706.

хотя и продолжали оставаться носителями профессионального звания, уже выступали в роли кредиторов (например, Мулла Яр Мухаммед Саббаг). Следовательно, ремесленники не были единым в социально-экономическом отношении слоем населения, подразделяясь на отдельные группы, положение которых было далеко не одинаково. Материалы наших источников убедительно показывают имущественную дифференциацию среди ремесленного сословия.

Основная масса ремесленников находилась в постоянной зависимости от местных властей, феодальной знати, крупных купцов, скупщиков-ростовщиков и зажиточных горожан. В руках этой группы населения были сосредоточены производственные помещения, необходимый материал и определенные денежные средства. Не принимая участия в производственной деятельности они выступали в роли организаторов производства и диктовали свои условия при сдаче в аренду лавок-мастерских. В целом же государством управляла феодальная знать во главе с верховным правителем-феодалом, что не давало возможности развиваться городскому праву и городским учреждениям.

Феодальные власти руководили повседневной деятельностью ремесленника через старшину ремесленной организации и специально назначенных чиновников. В сферу надзора старшины попадали не только городские ремесленники, но и областные.

Часть мелких производителей находилась в зависимости от скупщиков-ростовщиков. Разорение их происходило при активной деятельности последних.

Одно и то же лицо могло предоставлять ремесленникам в кредит деньги и сырье. Скупщик, торговец и ростовщик могли быть одним человеком. Все это вело к тому, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁵⁹.

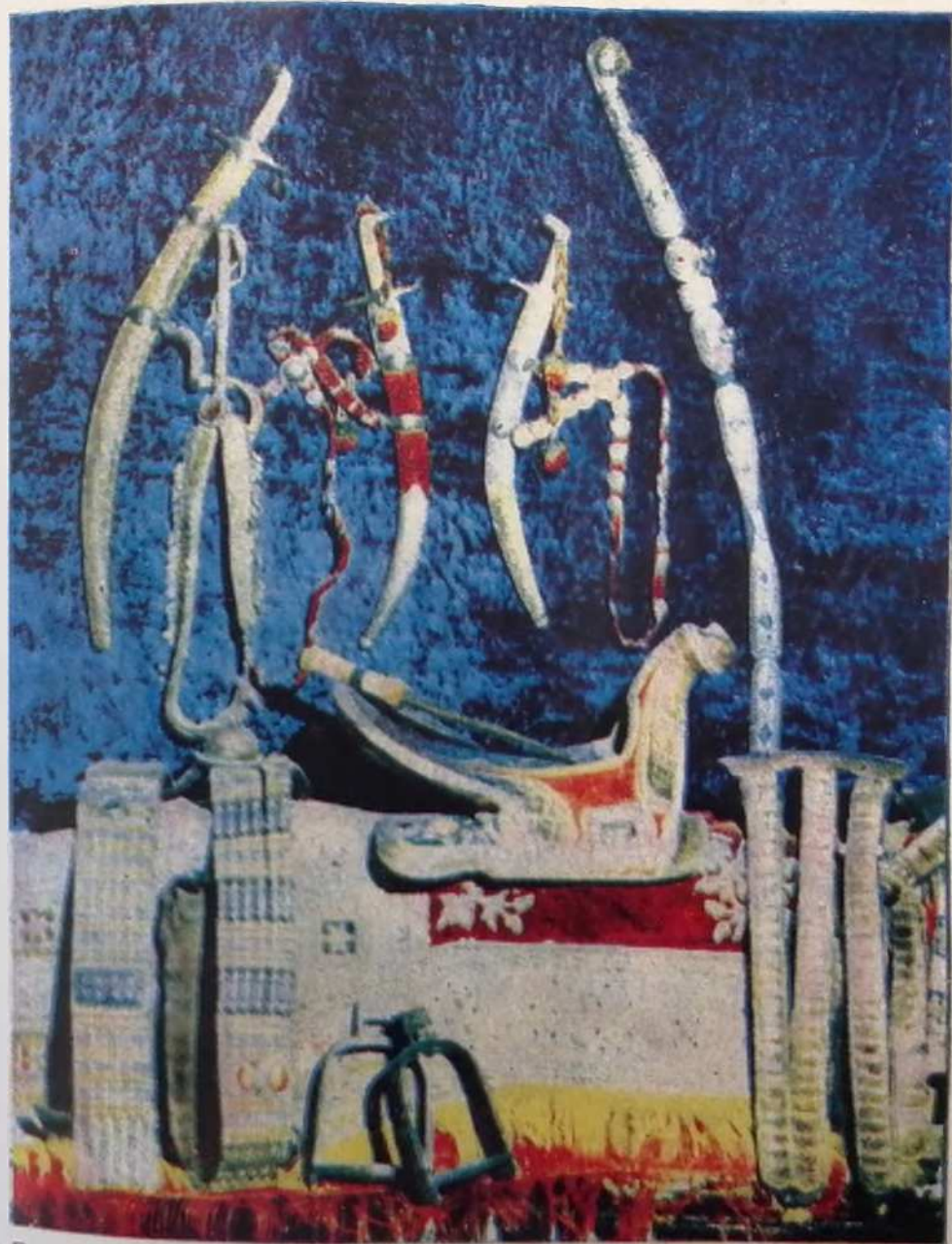
Возможность накопления денежных средств ремесленником была очень незначительная, и если даже «он (был) старателен» (Навои), он не мог разбогатеть за счет своего труда.

Контроль за реализацией ремесленных изделий, установление определенных цен на них феодальными властями, ограничения производственной деятельности ремесленника и общая организационная роль феодалов в ремесле сковывали действия мелкого производителя.

Как показывают немногочисленные, но убедительные примеры, феодал и крупные купцы вмешивались не только в производственные отношения, но и в семейную жизнь мелкого производителя.

В XVI в. городское ремесло Средней Азии в целом сохраняло феодальный характер, оно было неотъемлемой частью феодального хозяй-

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 146.

Предметы конского убранства и сабли феодальной знати.
Музей истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека.

ства. В городе происходил тот же процесс, что и в сельских местностях⁶⁰. Однако в отдельных отраслях городского производства в рассматриваемый период намечаются первые предвестники организаций мануфактурного типа. Изучение материалов из источников позволяет говорить о существовании в Средней Азии XVI в. простейших форм рассеянной и централизованной мануфактуры в области ткачества и производства бумаги, где в качестве непосредственного производителя выступали мелкие товаропроизводители, эксплуатируемые богатыми купцами и феодальной знатью.

В наиболее ведущих отраслях использовался детский труд ученика, связанного с мастером письменным договором. Ученичество получило юридическое оформление.

Писанных цеховых уставов для Средней Азии XVI в. мы не знаем. Вполне возможно, что традиционные нормы, которых придерживались ремесленники каждой отрасли, были настолько хорошо известны, что не нуждались в фиксации. Косвенным свидетельством знания горожанами цеховых норм и прав являются отдельные указания в нишанах, предназначавшихся старшинам цехов. В них говорится о необходимости придерживаться «установленных норм», поступать «соответственно обычаям»⁶¹. В этом проявлялась одна из характерных черт мелкого производства, которое, говоря словами В. И. Ленина, было «...экономическим базисом...» «...всех старых, укоренившихся отношений»⁶².

⁶⁰ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики., стр. 41.

⁶¹ См., например, Мактубат ва аснад, л. 175а.

⁶² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 232.

Глава III

РЕМЕСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ. СБЫТ ПРОДУКЦИИ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА

Основным местом работы ремесленника в среднеазиатском городе была индивидуальная мастерская, которая как и лавка, где производилась реализация ремесленной продукции, определялась термином *дукан*¹. В дукане одновременно могло изготовляться и продаваться изделие, поскольку производство многих городских ремесленников было объединено с торговлей. Дукаан мог являться также только местом производства изделия или только местом его реализации.

В основном он представлял глинобитную постройку, редко — из жженого кирпича, иногда с верхним этажом — *бала-ханой*, что обычно отмечалось в акте при описании места расположения и границ строения.

Дуканы, как правило, не представляли собой ценности как строение. Ценилось главным образом их месторасположение. Лавка и мастерская, находившиеся на бойком месте, приносили гораздо больше дохода, нежели такой же дукаан на менее оживленном участке.

В отдельных юридических документах имеются указания о размерах дукана. Согласно этим данным, площадь одного из бакалейных дуканов равнялась 40 газам газ-и мукассаром, два других дукана — кузнечный и красильный — определяются как равные 81 газу газ-и мукассаром².

Некоторую помощь для выявления размеров дукана могут оказать косвенные данные нескольких юридических документов конца XVI в., где наряду с точным описанием границ и месторасположения дукана называется число досок, которые входили в пазы брусьев (*دانه دان*) и с помощью которых закрывалась на ночь передняя открытая сторона дукана. При продаже вместе с дуканом к новому владельцу переходили

¹ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов., стр. 63.

² Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений., стр. 29, О газ-и мукассар см. выше.

также доски, почему в документах называется число досок, а также указывается материал, из которого они были сделаны — тополь сорта сафидар (تخته سفیداری). Таких досок с тахтаданом в наших источниках у овощного дукана — 14, бакалейного — 10, фуражного — 16, дукана баззаза — 8³. Естественно предположить, что число этих досок, ширина которых вряд ли превышала 15—20 см, соответствовало размеру фасада дукана.

Приблизительный размер потолка дукана могут отражать сведения о числе потолочных балок (بالار) и перекладин из дощечек или горбыльков (وصه), имеющиеся в нескольких документах конца XVI в. Из них выясняется, что дукаан баззаза на базаре Баззазан в Самарканде состоял из четырех «базарных» потолочных балок (بالار چهار پوششی بازار)⁴. Число потолочных балок в дуканах в отличие от

жилых домов было четным. Эта разница в потолочных балках отражается в определении их особым названием «базарный». К сожалению, приведенные материалы пока не дают возможности для определения точных размеров дуканов, все же они могут быть полезными при дальнейших исследованиях. В целом, по аналогии с данными более позднего времени можно полагать, что в изучаемый период лавки-мастерские были небольших размеров и имели в основном простое оборудование.

В связи с переходом строения к новому владельцу в нескольких документах, оформлявших акт купли-продажи, приводится перечень инвентаря лавки-мастерской. Определенный интерес представляют сведения об инвентаре мастерской, перечисленном выше, где производилось волочение проволоки — сим (دکان سیم کشی)⁵.

Дуканы-мастерские, упоминающиеся при описании тех или иных событий в Бухаре и Самарканде, обычно располагались отдельно от жилого помещения мастера. В то же время под мастерские могли занимать и часть жилого дома или помещение рядом с ним. В теплое время года мастер мог использовать для производства и двор. Примером мастерских при доме могут служить дома алачабафов, нередко упоминающиеся на территории Бухары⁶. Рядом с домом (возможно не всегда) находилось и производственное место мастера-гончара.

Для обозначения мастерских кроме термина дукаан применялся термин кархана (کارخانه). Проанализированный материал источников свидетельствует о различии заведений, определяемых этими терминами.

³ Маджму' а-л-и васанх, лл. 23а, 25а, 129а.

⁴ Там же, л. 129а.

⁵ Там же, л. 25б, 139а; См. также Вакф-наме, стр. 234.

⁶ Из архива шейхов Джуйбари, Док. № 52, 57 и др.

Содержание термина кархана, как и характер мастерских-кархана и их место в ремесленном производстве в странах Востока более раннего времени (периода монгольского господства), нашло отражение в работах исследователей. Согласно их мнению, в тот период особые большие мастерские — кархана принадлежали государству, монгольским ханам и их близким. Здесь работали в основном пленные ремесленники, привезенные из разных городов и стран и находившиеся на положении рабов⁷.

А. Ю. Якубовский, основываясь на свидетельстве Клавихо, сообщает о существовании в Самарканде конца XIV — начала XV в. мастерских, где около тысячи пленных ремесленников круглый год работали, изготавливая латы, луки и стрелы. Эта мастерская отождествляется им с большой эмирской и султанской мастерской — кархана монгольской эпохи⁸.

Тексты рассмотренных нами письменных источников XVI в. говорят о мастерских-кархана совершенно иного типа. Они принадлежали как представителям ханского рода, так и частным лицам, а также вакфным учреждениям.

В вакфном документе в пользу двух медресе Шейбани-хана термином кархана обозначена мастерская по выделке писчей бумаги. До передачи в вакф она принадлежала представительнице правящей династии — Михр-Султан-ханум, а позже, согласно ее распоряжению, включена в обширный список вакфных имуществ, в том числе ремесленных мастерских и лавок, определяемых термином дукаан.

По «Вакф-наме» невестка узбекского хана Шейбани Михр-Султан-ханум жертвовала в пользу самаркандских медресе две действующие бумажные толчен (حوار کاغذ), которые находились на реке

Снаб у моста Эмир-зоде Абдуллы Самаркандской округи, близ обсерватории Улугбека. Они включали железное, деревянное и каменное обо-

⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 578, прим. I; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 146; А. М. Белеицкий. Организация ремесла в Самарканде, стр. 44—45; Он же. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, СВ, т. V, 1948, стр. 123; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в., стр. 77; Он же. Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина, ВИ, 1951, № 4, стр. 101—102; Он же. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960, стр. 2—3; А. А. Али—Зад. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, стр. 167—168; Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 468; Р. К. Кикнадзе. Из истории ремесленного производства (кархана) в Иране XIII—XIV вв., Сб. «Ближний и Средний Восток», М., 1962, стр. 54; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Белеицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., стр. 198, 204 и др.

⁸ История Узбекской ССР, т. I, стр. 453.

рудование, а также мастерскую (кархана) по выделке бумаги (امرکار سنگین) с двумя лощильными станками (کارخانه کاغذ برداری).

Эта мастерская до передачи в вакф напоминала те кархана, которые принадлежали в монгольское время членам дома Чингизидов. Но принципиальное отличие было в том, что здесь не применялся труд рабов, а доход мастерской извлекался путем сдачи в аренду. Вакфное учреждение, как видно из «Вакф-наме», использовало доходные предприятия, в том числе и торгово-ремесленные заведения, предоставляя их в аренду-иджора, мукота'а или музора'а лицам, главным образом, из феодальных кругов¹⁰. При этом составлялся договор, срок которого мог быть от одного месяца до трех лет¹¹. Последнее условие усугубляло положение ремесленника (или крестьянина, если речь шла об аренде земли) тем, что арендатор, ограниченный сроком, беспощадно выжимал из мелких производителей, в подобных случаях выступавших субарендаторами, все, что мог, не беспокоясь о их дальнейшей платежеспособности. Ограничение срока аренды торгово-ремесленных заведений осложняло положение ремесленника и тем, что по истечении срока феодал мог сдать лавку (или иное заведение) в аренду другому лицу.

Таким образом, перед нами иная форма эксплуатации мастерской-кархана — сдача в аренду.

В той же вакфной грамоте термином кархана обозначены бумагоделательные мастерские, принадлежавшие лицу не ханского происхождения. По документу одна из них принадлежала Ходже Мухаммеду Мешхеди, сыну Ходжи Худайдада, другая — Султану Мухаммеду Кагазгару, судя по имени, мастеру-бумагоделу¹², а это дает основание говорить, что в данном случае владелец мастерской сам принимал участие в работе, т. е. здесь, по выражению К. Маркса, «собственник сам работает». Все три мастерские-кархана по выделке бумаги, указанные в вакфной грамоте, находились в окрестностях Самарканда на каналах, выведенных из Снаба.

Еще одна мастерская-кархана упоминается в акте о разделе имущества, оставшегося после смерти жителя местности Чуйанчи тумана Согди Калан Самаркандской округи. В данном случае речь идет о мастерской чугунолитейщика. В этот акт включен список движимой и недвижимой собственности, принадлежавшей покойному Мулле Наурузу, сыну Муллы Паянда, с определением цен в «танга ханских, серебряных, без изъяна, чистых, чеканенных, одномискальных, новых». В список наследственного имущества включены (порядок перечисления соответ-

⁹ Вакф-наме, текст, стр. 135, перевод, стр. 244.

¹⁰ Там же, стр. 197, перевод, стр. 292—293.

¹¹ Там же, текст, стр. 197, перевод, стр. 292—293.

¹² Там же, текст, стр. 135, перевод, стр. 244.

ствуем документу): половина совместного (нераздельного) сукнийата сада, включающего плодовые и неплодовые деревья и виноградники разных сортов, общей стоимостью в 60 танга; 15 маннов поливной (осенней) пшеницы большим ширазским весом, стоимостью в 10 танга¹³, бык, оцененный в 15 танга; 15 танга — стоимость одной части из двенадцати частей совместной действующей мельницы с одним жерновом; четыре манна чугуна большим ширазским весом, стоимостью в 16 танга; жеребенок, цена которого в описи определена в 16 танга, а далее в 15; половина совместного сукнийата хаули (дома с двором и постройками) и мастерской-кархана чугунолитейщика, общей стоимостью в 30 танга. Стоимость всего перечисленного составляет 161 ханских танга (если жеребенок оценивался в 15 танга).

Имущество должно было быть разделено между наследниками Муллы Науруза, как указано в васика, — его женой Тулак Султап, малолетней дочерью Салиха-бика, а также родным братом Мирзой, на восемь частей. Жене причиталась одна часть, дочери четыре и три брату. Фактически же жена получила лишь четыре манна чугуна стоимостью в 16 танга, вместо причитающейся ей одной восьмой части, составляющей более 20 танга. Бык и жеребенок достались брату. Основная часть имущества, в том числе половина сада и половина двора с постройками и чугунолитейной мастерской, одна из двенадцати нераздельных частей мельницы, а также пшеница — все вместе общей стоимостью в 116 танга, были оставлены малолетней дочери покойного.

В конце акта о разделе наследственного имущества оговаривается, что 21 июня 1590 г. заместитель главного казия и хакима Самарканда и его окрестностей для ведения дел малолетней Салиха-бика и охраны причитающегося ей имущества назначил опекуна в лице ее дяди, упомянутого брата покойного, который отныне должен был распоряжаться ее имуществом и в том числе чугунолитейной мастерской.

Отсутствие соответствующих эпитетов при написании имени Муллы Науруза позволяет считать, что он не принадлежал к ханскому роду. Следовательно, можно утверждать, что кархана чугунолитейщика принадлежала лицу не ханского происхождения и в нем, во всяком случае в части, принадлежавшей Мулле Наурузу, не использовался рабский труд.

Мулла Науруз, как видно из приведенного перечня имущества, зажиточный человек, который кроме мастерской по литью чугуна владел другими видами имущества, и, вероятнее всего, в своей мастерской прибегал к помощи дополнительных рабочих рук. Были ли это только руки брата покойного хозяина, к которому по акту раздела переходили

¹³ Шираз — городок, располагавшийся к востоку от Самарканда. Размер ширазского манна не выяснен, однако речь может идти и о манне г. Ширази в Иране.

три из восьми частей имущества покойного? Не имея конкретных данных, мы можем только предполагать, что хозяин мастерской в период отливки чугуна использовал дополнительную рабочую силу¹⁴.

В рассмотренной выше толчее, находившейся при мастерской-кархана, занимались изготовлением массы для бумаги, а также выполнением других процессов, которые требовали значительных физических усилий. Анализ материалов позволяет считать, что при выделке бумаги прибегали к помощи дополнительных рабочих рук.

Описание сложного и трудоемкого процесса получения из тряпья бумаги имеется у Г. В. Григорьева. Автор еще застал в Средней Азии старые бумажные мастерские и толчеи, где работник, имевший дело с изготовлением массы из тряпья, работал и ногами. Он влезал в хум, в который клали заготовленную массу и наливали воду, и ногой разбивал ее, причем должен был ударять ногой до пяти тысяч раз¹⁵.

Подобный процесс, надо думать, выполнялся в рассмотренных выше мастерских не самим мастером-бумагоделом. Более вероятно, что к этой работе привлекались ученики и поденная рабочая сила, не требующая особой квалификации.

Как указывалось выше, внутри мастерской (кархана) по выделке бумаги имелись два лощильных станка, на которых, надо полагать, работали два мастера, занятые лощением бумаги, изготовленной здесь же мастером-кагазгаром. Все это дает основание говорить, что изготовлением бумаги должны были быть заняты одновременно несколько лиц, выполнявших разные операции.

Таким образом, наши материалы позволяют отметить, что в рассматриваемые периоды (первая четверть и конец XVI в.) кархана могла принадлежать как представителю ханского рода, так и зажиточному лицу не ханского происхождения, а также мастеру, принимавшему активное участие в производственном процессе. Она могла быть передана в вакф, а также входить в имущество, подлежащее передаче по наследству. Мастерская, причисленная к вакфу указанных медресе, эксплуатировалась путем сдачи ее в аренду непосредственно ремесленнику или через посредника-феодала. В отличие от кархана более раннего времени (XIII—начала XV вв.) производство здесь не было основано на рабском труде. В рассмотренных чугунолитейной и бумагоделательной мастерских-кархана производство было основано на труде ремесленников, эксплуатируемых как и в других случаях, феодалами. При этом в производственном процессе одновременно могли участ-

¹⁴ Различная организация труда при литье чугуна в конце XIX—начале XX в. зафиксирована в исследованиях: Е. М. Пещерова. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX в. Международный конгресс востоковедов, стр. 75—76. О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара., стр. 34—35.

¹⁵ Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги в Узбекистане, стр. 151.

зовать мастера разных специальностей, в бумагоделательной мастерской, например, — те, кто работал на двух бумажных толчеях — джуваз-и кагаз, и те, кто из приготовленной массы делал в мастерской-кархана (расположенной рядом с двумя упомянутыми толчеями) листы писчей бумаги. Здесь же два мастера-лощильщика лощили на станках готовые листы бумаги, значит в бумажном производстве наблюдалось участие в изготовлении одного предмета нескольких специалистов одновременно, т. е. детальная специализация.

Литье чугуна и изготовление бумаги, как показывает анализ характера производства, литье пушек, как это выявляется из данных письменных источников, как и выделка некоторых других предметов ремесла требовали участия в производственном процессе кроме мастеров-специалистов подсобных рабочих сил без особой квалификации.

Как мы видим, в XVI в. в прилегающих к Самарканду районах, а также вероятно, в других районах Средней Азии, тесно связанных между собой экономически, термин кархана применялся для обозначения ремесленных мастерских сравнительно небольших размеров, где работал один или несколько мастеров и где мог использоваться подневольный, но свободный (т. е. не рабский) труд.

В кархана в отличие от дукана было сосредоточено производство, а не реализация изделия.

Кархана могла располагаться отдельно от жилого дома (мастерские по выделке бумаги) или примыкать к нему (чугунолитейная мастерская).

Применительно к рассматриваемому времени мы не имеем данных о размерах мастерских-кархана.

Сравнительно невысокая цена половины чугунолитейной мастерской, оцененной вместе с хаули в 30 ханских танга (1/12 часть нераздельной мельницы-тахуна стоила 15 ханских танга, столько же один бык или один жеребенок, 15 маннов поливной (осенней) пшеницы большим ширазским весом оценены в 10 танга), позволяет полагать, что мастерская представляла довольно несложную постройку. Вероятнее всего, она напоминала чугунолитейные мастерские более позднего времени, описанные в литературе на основании этнографических исследований. В конце XIX — начале XX в. подобного типа мастерские представляли собой весьма несложные сооружения и были «построены так, как их строили в дедовские времена». Литейная мастерская в Хиве, например, просуществовавшая до последнего времени, была «крытым помещением, примыкающим к жилому дому, перед которым имеется небольшой двор с навесом»¹⁶.

¹⁶ И. М. Джаббаров. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в., стр. 78. См. также О. А. Сухарева. К вопросу о литье металлов в Средней Азии.

Все упомянутые в наших источниках кархана располагались не в городе, а на территории области, что говорит о развитии отдельных видов ремесла и вне города. Вместе с тем мастерские-кархана могли быть и на территории города. Косвенным свидетельством тому служит сообщение Бадриддина Кашмири о Хауз-и кархана в Бухаре. Перечисляя постройки, возведенные по распоряжению Ходжа Са'да, автор называет мечеть, которая была построена из жженого кирпича на берегу Хауз-и кархана¹⁷.

Как уже отмечалось, чугунолитейная мастерская располагалась в местности Чуйанчи (узб. «чугунщик»). Это дает основание полагать, что жители данной местности занимались выплавкой чугуна и до составления акта о разделе наследственного имущества, до 1590 г.¹⁸

В XVI в., как и в более ранние века, ремесленник, как уже упоминалось, в большинстве случаев сам был и продавцом своей продукции. Производство и торговля преимущественно осуществлялись одним и тем же лицом, подчас в одном и том же помещении — дукане¹⁹.

Подобное явление, когда «промышленник был одновременно и купцом»²⁰, было характерно не только для Средней Азии. На определенном этапе развития это было присуще и европейским городам. Однако в период, о котором идет речь, в некоторых среднеазиатских ремеслах намечается отделение торговли от производства. И в тексте нередко встречаются упоминания о лавках, где производилась лишь продажа, хотя для их определения как и для мастерских продолжал использоваться тот же термин — дукан. В данном случае термин не вполне отражал действительное содержание разных видов предприятий, каждый из которых мог выполнять функции торговой организации, ремесленной мастерской, того и другого вместе. Термин для определения нового явления еще не появился, хотя процесс отделения торговли от ремесла в некоторых отраслях начался в Средней Азии задолго до XVI в.

Для обозначения ремесленника и торговца нередко применялась разная терминология: футабар — ткач футы, но футифуруш — продавец футы, джамадуз изготовлял халаты и другие виды одежды, а джамафуруш продавал готовую одежду, пусиндуз шил тулупы, пусинфуруш продавал их. Можно привести еще несколько примеров: кафшдуз — мастер, а кафшфуруш — продавец обуви кафш, сузангар — иголь-

¹⁷ Бадриддин Кашмири. Раузат-ар-ризван, л. 291.

¹⁸ «Земли» Чуйанчийан упоминаются также в «Самаркандских документах XV—XVI вв.», стр. 177, 390.

¹⁹ Проблемы, связанные с торговлей и торговыми сношениями Средней Азии в XVI в., освещены в специальных работах М. В. Фехнер, Х. З. Зияева, М. Ю. Юлдашева, И. Г. Низомиддинова и других. Здесь мы касаемся некоторых вопросов торговли лишь в связи с реализацией ремесленной продукции Бухары и Самарканда, бывших и ремесленными и торговыми центрами.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 23.

щик, а сузанфуруш их продавец, касагар и касатараш изготавливали гончарные изделия, а касафуруш торговал ими, обработкой шелка были заняты мастера близких специальностей ифакчи, пиллакаш и другие, а абришамфуруш сосредоточил в своих руках реализацию шелка. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют предположить, что процесс отделения специализированной торговли от производственного процесса коснулся глубже всего ведущих отраслей ремесла, какими были ткачество, изготовление готовой одежды, металлических изделий, гончарного и красильного дел; это же наблюдалось и в производстве бумаги.

Как явствует из «Вакф-наме», мутавалли должен был отпускать определенную сумму на покупку бумаги, необходимую для составления копий вакфной грамоты. Это условие позволяет предполагать, что бумажная мастерская, входившая в список недвижимостей данного вакфа, занималась лишь оптовой реализацией бумаги, а само вакфное учреждение приобретало ее у розничного продавца — кагазфуруша²¹. Так же обстояло дело, видимо, и с другими бумажными мастерскими, которые находились на каналах, выведенных из Сиаба. Здесь, на месте производства, совершалась оптовая торговля бумагой, а на территории города поэтам и историкам, писцам и студентам, тем, кто писал письма, и тем, кто обучался в школе (мактаб-хана в Самарканде упоминается в одном из юридических документов конца XVI в.)²², ее продавал кагазфуруш.

Отделение торговли от ремесла могло также стимулироваться территориальной отдаленностью производства продукции от места ее сбыта, как это можно наблюдать на примере ткани карбас, в большинстве случаев изготовленной в сельских местностях и в пригородах. Карбасфуруши продавали ее в городах.

Уже отмечалось, что основная часть городских ремесленников изготавливала товар для продажи на рынке. Наши примеры говорят о том, что отдельные из них работали на заказ и были тесно связаны со скупщиками. Какая-то часть мастеров обслуживала двор хана и феодальных правителей. Существовало также и домашнее ремесло.

Таким образом, в рассматриваемый период существовало: ремесло домашнее — для удовлетворения нужд того хозяйства, членами которого изготовлялось ремесленное изделие; ремесло на заказ (к ремесленникам, работавшим на заказ, в чужом хозяйстве, можно причислить ткача Девана Джамабафа, поскольку термин девана обычно прибавлялся к имени бродячих ткачей); ремесло на рынок, когда ремесленник сам продавал изготовленную им продукцию или же сбывал ее купцу.

²¹ Вакф-наме, стр. 299.

²² Маджму' а-йи васанк, л. 174а.

Ремесленники приобретали необходимый материал на рынке у непосредственного производителя, но нередко и у скупщика-купца или феодала. Судя по содержанию юридического документа о предоставлении кредитором Дарья-ханом в долг Мулле Хусейну расчесанного белого пуха, можно думать, что Мулла Хусейн через семь месяцев должен был принести Дарья-хану готовое изделие. Из его стоимости, надо полагать, вычитался процент, взимавшийся за предоставление сырья в долг. В раздаче сырья и работе мелкого производителя на скупщика можно видеть существование рассеянной мануфактуры, внешне сохранившей видимость акта купли-продажи. Также можно понять содержание другого документа, где речь идет об обязанности мастера-читгара по истечении указанного в документе срока уплатить за рулоны ткани чит оговоренную сумму. Так могло обстоять дело и в других случаях²³.

Наряду с торговцами-скупщиками, специализировавшимися на реализации продукции ремесла одного вида, было немало купцов, сосредоточивших в своих руках торговлю разными товарами. «Кроме совести, все есть на его прилавке», — характеризует их Алишер Навои²⁴.

Торговцы-посредники, скупавшие у непосредственного производителя или сельского перекупщика ткани и другие товары и полуфабрикаты, порой держали в сфере своего влияния целые районы. Такими могли быть не раз упоминавшиеся Дарья-хан и Тангри Берди. Первый из них предоставлял мелким производителям ткани и козий пух, второй хранил в своих складах разного вида сырье и полуфабрикаты, в том числе: 429 штук фута-и талвали (?) (فوطه تالولی) стоимостью в 3432 танга-и хани, 15 штук фута-и набафта (فوطه نابافته) ценой в 75 танга, 5 маннов необработанной коконной нити — «шелкового хлопка» (پیشم) и 62 с половиной манна (?) большим самаркандским весом кампешевого дерева бакам (چوب بقم) стоимостью в 120 танга-и хани²⁵.

Характер перечисленных товаров позволяет полагать, что купец-посредник сдавал полуфабрикат специалисту-ремесленнику, а возможно, оптовому покупателю, в свою очередь выступавшему купцом-посредником. Связь между мелкими производителями, готовившими полуфабрикат, и мастерами, изготавливавшими из него изделие, в данном случае

²³ Маджму' а-йи васанк, л. 182а, 182б и др.

²⁴ Алишер Навои. Возлюбленный сердец, Соч., т. X, стр. 32.

²⁵ Маджму' а-йи васанк, л. 229а. О доставке в Среднюю Азию бакама в более позднее время см. «Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки», М., 1872, стр. 50.

осуществлялась через скупщика. Последний безусловно диктовал свои условия ремесленникам и контролировал производство. Такие же широкие связи имели и иноземные купцы.

В описи товаров Тангри Берди числится также «шелковый хлопок» — абришам-и казин — вид полусырья, образующийся при размотке шелка и погружении коконов в горячую воду. Это же название использовалось для определения остающихся при размотке внутренних оболочек коконов. Название казина (казин), кроме того, применялось для определения пряженного шелка. Шелковый хлопок шел обычно на пряжу и после соответствующей обработки использовался преимущественно на басонные изделия (кисти, пояса, бахрому, тесемки-джуйак), для вышивания и реже для выделки материи²⁶. Со складов Тангри Берди полусырье могло поступать местным производителям, а при посредстве купцов доставляться в другие области и страны. В XIX в. шелковый хлопок в сыром виде вывозился в Россию в значительном количестве²⁷.

Как мы видим в приведенных примерах наблюдается не только разделение труда между прядильщиками, размотчиками и т. п., но и территориальное разделение сырья и производителя.

Анализ рассмотренного и нескольких других документов дает основание для предположения, что предоставление денег в долг происходило под залог будущей готовой продукции, т. е. в подобных случаях происходило соединение скупки с ростовщичеством.

Большое количество товаров, которые приобретали и реализовывали торговцы, подобные Тангри Берди, требовало специального штата. Один из них — грузчик (حامل) ²⁸. После смерти хозяина ему причиталось получить 116 ханских танга (принадлежавшая Тангри Берди мельница оценивалась в 345, дом — в 900, 10 маннов проса в 25 ханских танга). Возможно термином хаммал в данном случае обозначался грузодоставщик, который на своих животных перевозил груз в другие города, чем, на наш взгляд, можно было бы объяснить солидную сумму, причитающуюся ему.

Фактический материал свидетельствует о подчинении мелкотоварного производства торговым капиталом, однако сведения эти очень скудны и позволяют отметить наличие подобных отношений лишь в некоторых отраслях производства, в частности ткачестве (возможно, шелкоткачестве).

Отделение торговли от ремесла, в целом явление прогрессивное, приводило однако к развитию паразитической торговли. Алишер Навои так характеризует торговцев-перекупщиков: «Барышник, который в го-

²⁶ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, стр. 28—29.

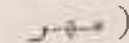
²⁷ Там же, стр. 28.

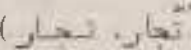
²⁸ Маджму' а-йи васанк, л. 229а.

роде товар перекупает, себе выгоды, а людям неурожая желает. Народный убыток ему прибыль несет, благодаря ему он дешево скупает и дорого перепродает. Когда он покупает полотно, он его холстом называет, когда продает холст, он его полотном величает. Он может всучить вместо кашмирской простую шаль, может продать циновку вместо золотой парчи — ему никого не жаль»²⁹.

Предприимчивый Тангри Берди не был исключением. Крупные торговцы, в руках которых находилась оптовая торговля, занимали в городской торговле значительное место. Одну и тоже лицо держало в зависимости множество ремесленников. По юридическим документам, крупные сановные феодалы, представители торгово-ростовщического капитала, в отдельных случаях кредитовали целую группу ремесленников.

Как отмечал В. И. Ленин «дальнейшее развитие товарного хозяйства выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков...»³⁰.

Оптовой торговлей тканями, часть которых перекупалась по пути следования из отдельных мест (в наших примерах Индии), занимался Мирза Салим, сын Маулана Ибрахима Садра. Его печать () ставилась на ткани, которыми он вел торговлю³¹.

Купцы-туджар (, мн. ч. от), ведущие оптовую торговлю, были тесно связаны с феодальными правителями. Последние нередко являлись своего рода банкирами. Тогда купец должен был делить прибыль с ними, обычно погашая кредит после реализации товара. Компаньоном по торговле выступал, например, Мирза Улугбек. Для получения прибыли он предоставил некоему купцу, ведущему торговлю с другими странами в виде средств для торговли драгоценный камень. Однако купец умер в пути, а попытки Улугбека вернуть причитающуюся ему сумму не увенчались успехом.

Сами купцы находились в зависимости от условий феодальных правителей. Только особо именитые торговали на льготных условиях. Обладатели тарханских грамот совершали крупные торговые операции местными и импортными товарами. Причем в своих личных интересах феодальные власти всячески поддерживали таких купцов, перекладывая долю сборов с них на плечи тех, кто «закят должен своевременно вручать и присвоения чужого избегать»³².

В отличие от тарханских привилегий, предоставлявшихся феодалам-землевладельцам и предусматривавших освобождение от сборов в каз-

²⁹ Алишер Навои. Возлюбленный сердец, Соч., т. X, стр. 32.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 332.

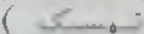
³¹ Маджму' а-йи васаик, л. 1826.

³² Алишер Навои. Возлюбленный сердец, стр. 31.

ну с земель и подвластного им податного населения, купцы-тарханы полностью или частично освобождались от торговых и дорожных пошлин, от формально добровольных, в действительности же обязательных, подношений местным и верховному правителям. Относительно одного из них Фазыл-тархана, который оказался в Самарканде, но был из туркестанских купцов-тарханов, Бабур пишет: «Оказав в Туркестане услуги Шейбани-хану, он пользовался его покровительством»³³.

Образцы тарханных грамот имеются в сборнике «Мактубат ва аснад». Одна из них составлена с целью освобождения его владельца от взимания разных сборов, в число которых вошло четырнадцать наименований. Другой нишан из того же сборника служил трафаретом для составления тарханной грамоты купцам, освобождавшимся по указу государя от тех же сборов (кроме даругаги и хидматана), от дорожных сборов — рахдари и кештибани, от прочих — за пожелание доброго пути и за «неизвестный» (не вскрытый и не просмотренный) груз. Правитель, покровительствующий крупному купцу, повелевает своим чиновникам оказывать содействие владельцу указанного нишана. Еще одна тарханная грамота, выданная полонникам в Мекку, предназначалась для освобождения их от взимания баджа, харджа, тамги, закята и от выполнения ими и их нукерами повинности улаг³⁴. Как видим, в каждом случае число сборов, от которых освобождался купец-тархан в зависимости от степени его привилегированности, могло быть разным.

Тарханные привилегии могли получать не только местные купцы, но иногда и иноземные. Пример последнего — Ходжи Ильяс Челеби, на имя которого был выдан нишан, освобождавший его от сборов тамги и харджа, а также от обязанностей выполнять повинность улаг на территории Мавераннахра³⁵.

Оптовая торговля велась не только за наличные деньги. В нашем распоряжении имеется расписка о получении товаров, оформленная в судебной камере города Самарканда. Этот чрезвычайно интересный юридический документ свидетельствует о торговых сделках по векселям (), которые могли «служить при необходимости» документом. Здесь имеется в виду продажа в форме отсроченных платежей за проданные текстильные изделия. В списке товаров, полученных по этому векселю, значится четырнадцать наименований текстильных изделий, главным образом индийских.

Не случайно, что в приведенном примере речь идет в основном о текстильных изделиях. Отдельные известные нам примеры оптовой

³³ Бабур-наме, стр. 100.

³⁴ Мактубат ва аснад, л. 776, 1706.

³⁵ Там же, л. 1716.

торговли и получения товаров по распискам в XVI в. относятся к реализации продукции текстильной промышленности.

Кредитно-вексельная система известна была в Средней Азии издавна³⁶.

Получение по расписке большого числа дорогих тканей Устомом Джаухаром, сыном Абдуллы, вместе с его супругой Биби Саусан требовало гарантии. По документу, ответственность в обеспечении выполнения обязательств (*كفيل بالطلب*) берет на себя Надим Даруга, сын господина Маулана Мухаммеда Али.

В XVI в. крупными торговцами выступали джуйбарские шейхи. Они владели множеством лавок и мастерских в Бухаре, где изготовлялись и продавались разнообразные товары, не гнушались иметь дело и с наркотиками, в целом ворочали огромными денежными суммами. Их представители принимали активное участие в торговых операциях с другими областями и странами, в том числе и с Москвой³⁷, что еще раз убеждает нас в том, что условия внутренней и внешней торговли во многом зависели от крупных светских и духовных феодалов. Как справедливо отметил П. П. Иванов, «нередко в лице одного и того же лица мы видим местного феодала и в то же время участника крупной оптовой торговли или ростовщика»³⁸.

Гнет феодального государства, которое играло ведущую роль в регулировании ремесленного производства, в большинстве случаев в ущерб интересам последнего, препятствовал развитию внутренней и внешней торговли. Насильственная покупка товаров по цене, которую местные феодалы нередко назначали сами, была невыгодна купцам. Иной раз в обмен навязывались предметы, в которых купец не был заинтересован.

Таможенный досмотр и бессистемные сборы не давали возможности свободно развиваться торговле. Когда у бухарского короля «не хватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит», — говорит Дженкинсон³⁹.

Стремление разных категорий представителей класса феодалов наживаться за счет ремесленников способствовало дальнейшему ухудшению их экономического положения, приводило к закладу мастерских, к переходу их прежних владельцев в ряды арендаторов.

Военные столкновения препятствовали нормальному развитию ремесленной промышленности, затрудняли торговые сношения, которые

³⁶ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Бальшаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 294.

³⁷ См. Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 90а.

³⁸ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов., стр. 42.

³⁹ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 183.

во многом зависели от того, в состоянии мира или войны находился город. В то же время отдельные виды товаров были столь необходимы, что даже в период осады создавались временные места торговли за крепостными стенами.

Столетиями периоды оживленного обмена сменялись спадом. Особенно тяжело отражалось отсутствие сильной власти внутри государства, как и в соседних странах, на международной торговле.

Все это вело к застойности ремесленного производства и способствовало усилению непроизводительного ростовщического капитала. Последний «вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях»⁴⁰.

Профессиональное ремесло и хозяйственная специализация внутри города, а иногда и некоторых селений в государстве Шейбанидов способствовали в отдельные периоды значительному развитию внутреннего рынка, крупнейшими центрами которого были Бухара и Самарканд. Здесь были специализированные ряды, где товары продавались на отведенном для этого месте.

Торговые линии включали лавки с одинаковыми изделиями, хотя особая строгость при этом не соблюдалась. Здесь же могли располагаться складские помещения: «Для каждого промысла (حرفه) отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом», — писал в своих мемуарах Бабур о Самарканде⁴¹. А англичанин Дженкинсон отметил такую же своеобразную черту города Бухары: «Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок»⁴². Это существенно отличало два города от других городов и селений шейбанидского государства. Например, в городе Аркуке (на берегу Сыр-Дарьи), по словам Фазлаллаха ибн Рузбихана, не было лавок и базаров и торговали по большей части прямо в домах⁴³.

Как отмечает Зайниддин Васифи, базары отличались благоустройством⁴⁴. Большие и маленькие, в виде торговых рядов и купольных помещений, определяемых терминами базар (بازار) тим (تیم)

ток (طاق) и реже — сук (سوق) рыночные ряды располагались на оживленных перекрестках, вдоль больших дорог. Порой базар зани-

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 142. Изучение всех причин, тормозивших хозяйственное развитие, — предмет специального исследования.

⁴¹ The Babar—папа, л. 476; Бабур-наме, стр. 62.

⁴² Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 182.

⁴³ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-и Бухара, л. 476.

⁴⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вака' и, т. I, стр. 44.

мал часть улицы⁴⁵. Как и на базаре, в действительности являвшимся торговым рядом лишь части специализированных дуканов, в ремесленных кварталах размещались не все мастера данной специальности.

Смежные ремесла теснились один к другому, тим колчанщиков в Бухаре был невдалеке от базара сапожников, тим шорников близ базара седельщиков, циновочный и веревочный базары тоже были рядом.

Место и величина базаров зависели в основном от вида реализуемого товара. Мастерские металлистов обычно группировались в центре, ковали работали на больших дорогах и поближе к городским воротам, мыловары, свечники и кожевники жили на окраинах, чигтары (и кожевники) — поближе к проточной воде. Бакалейные, хлебопекарные и некоторые другие лавки были разбросаны по всему городу. Конский базар требовал обширной территории и располагался на окраине. Подобные сведения могут быть использованы для выявления местонахождения базаров и уточнения топографии города.

Земельный участок, занятый под базар, приносил владельцу (казне, феодальному правителю, вакфному учреждению, а в отдельных случаях крупному светскому и духовному феодалу) большие доходы.

Мелкие торговцы и ремесленники обычно владели лишь лавкой-мастерской и платили за аренду участка (часть из них вынуждена была арендовать и помещения).

Некоторые базары были защищены перекрытием из жердей, камыша, ветвей деревьев или деревянных балок и слоя земли. Особенно старались защитить шорные, токарные, плотничные, кузнечные мастерские⁴⁶. Перекрытие целиком или частично могло быть предметом купли-продажи, передачи в вакф и т. п.⁴⁷ Владельцы дуканов должны были вносить за него определенную плату.

На территории Самарканда в исследованных нами письменных источниках в числе специализированных упоминаются базары продавцов дорожных тканей — Баззазан, прядильщиков — Лаввафан, ковалей — На'лбандан, седельщиков (шорников) — Тукумдузан, продавцов скобяных изделий — Хурдафурушан, серповщиков — Дасгаран, продавцов войлока — Намадфурушан, токарей по дереву — Харратан, веревочный — Рисман, плетельщиков корзин — Сабадбафан, ювелиров — Заргаран, мастеров, изготавливающих луки — Камангаран, конский — Базар-и асп (От базар), продавцов птицы — Мурғфурушан, парфюмерный — Аттаран, свечников — Шам'ан, соломенный — Кох, базар мясной — Саррафан. В источниках называются также тимы мастеров стрел — Тиргаран, продавцов обуви — Кафшфурушан, продавцов при-

⁴⁵ Маджму' а-йн васанк, л. 141б, 140а.

⁴⁶ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, стр. 58—59.

⁴⁷ Примеры см.: Из архива шейхов Джуйбары, Док. 44; Вакф-намс, стр. 235.

прав (овощной) — Хавиджфурушан, пекущих пирожки — Санбусазон, продавцов хны — Хнафурушан, медников — Мисгаран, продавцов головных уборов — Кулахфурушан.

Множество специализированных базаров раскинулось также на территории Бухары⁴⁸: кузпечов — Ахангаран, продавцов ткани карбас — Базар-и карбас, прядильщиков — Лаввафан, сапожников — Махсидузан, продавцов кафш — Кафшфурушан, седельщиков (шорников) — Тукумдузан, циновочный — Бур'ё, веревочный — Рисман, продавцов белил — Сефидфурушан, базар менял, поварский, конский. В Бухаре располагались также тимы колчанщиков, шорников, торговцев дорогими тканями (Баззазан), тубетеечников, торговцев платьем и др. Правда, далеко не всегда на базарах были лавки-мастерские только одной специальности. Наименования базаров подчас включены в текст того или иного источника совершенно случайно (при определении местонахождения объектов, подлежащих продаже, дарению и т. п., при описании каких-либо событий и т. д.), поэтому можно полагать, что представленные нами списки в дальнейшем могут быть несколько расширены и уточнены. Однако и приведенный перечень довольно убедительно характеризует специализацию ремесла и реализацию его продукции.

Названия базаров могли определяться не только специализацией. Так, некоторые базары были известны по названию квартала, мечети, по именам царевичей и вельмож, например, базар Мечети войлочников, базар Пулисафид, базар бани Эмир-зода Мухаммед Касима, Ходжи Мухаммед Чапа, Мас'уда, Дар-и махкама-и кухна в Самарканде; базар муллы Эмири (или Мечеть муллы Эмири), базар квартала мечети Магак, мечети Хафиз хаджи, базар Хаммам-и кухак и другие в Бухаре.

На базарах можно было купить бумагу, книги, здесь же располагались переплетные мастерские, лавки для продажи напитков, сладостей, мяса, пирожковые дуканы. «Есть там хорошие пекарни и харчевни», — сообщает Захириддин Бабури о Самарканде⁴⁹. В пекарнях выпекались хлебные лепешки разных форм и сортов. В одном из документов упоминаются пекарни кульчи (کُلچہ پز), а в другом — пекарни хлеба из кукурузы (زغاره پز)⁵⁰. Как и сами хлебники (نانپو، نانپور), хлебные дуканы довольно часто упоминаются в источниках. Это и не удивительно, вместе с фруктами и овощами лепешки составляли основное питание трудового населения. Между тем, вряд ли основная масса городского населения приобретала хлеб в лавках. Более вероятно, что

⁴⁸ В нашем распоряжении письменных источников по Бухаре меньше.

⁴⁹ Бабури-наме, стр. 62.

⁵⁰ Маджму' а-йи васайк, л. 1316, 1416.

хлебные лепешки в дуканах покупал пришлый народ, прибывший на базар из окрестностей города и сельских местностей. Здесь же могли купить лепешки собравшиеся неожиданно друзья, в том числе ремесленники и мелкие торговцы, описанию бесед которых посвятил немало строк Зайниддин Васифи. Названные в одном из документов весы, находившиеся на площадке, отведенной для изготовления и продажи хлебных лепешек, позволяют думать, что был установлен определенный вес хлебных лепешек.

Обычно местные жители пекли хлеб в печах во дворе дома (хлебная печь — тандыр, танур упоминается в «Вакф-наме» и в юридических документах конца XVI в.)⁵¹.

Современники событий неоднократно отмечают повышение цен на хлеб в связи с окружением города вражескими войсками. Одно из таких свидетельств относится к Самарканду. Тяжелые условия жизни в результате осады и повышения цен на хлеб, в то время как амбары богачей были полны продуктов, привели в 1501 г. к выступлению городских низов против имущих слоев населения. Как отмечает поэт Мулла Шади, «каждый [из них] бросался на лавку», так что власти вынуждены были принять особые меры для защиты имущества обеспеченных горожан⁵².

Базар был центром городской жизни. Здесь нередко собирались поэты, вывешивались распоряжения феодального правителя, в Герате на Чорсу Шейбани-хан приказал вывесить «свои бездарные стихи». По базару водили и подвергали наказанию провинившихся государственных чиновников, учеников мастеров-ремесленников, нарушивших установленные нормы. После жестокой расправы с восставшими жителями Каракуля узбекский хан приказал выставить их головы на Конском базаре в Бухаре, а Ходжа Ислам, по словам Бадриддина Кашмири, перед смертью приказал пронести его по базару.

Особенно оживленной становилась торговля в базарные дни.

Перечень изделий показывает, что и в Бухаре и в Самарканде изготовлялся разнообразный ассортимент товаров; все же отдельные из них отличались разной выделкой, сортом. Вместе с тем Самарканд особенно славился бумагой и бархатом, тканью чит, в Бухаре производили лучшие в Мавераннахре луки и вино. В таких случаях продукция ремесленников одного города почти полностью должна была обеспечить другой.

Анализ исторических текстов помогает установить относительно полный список товаров, обращавшихся в XVI в. на рынках Бухары и Самарканда. Здесь продавались разнообразные ткани — хлопчатобу-

⁵¹ Вакф-наме, текст, стр. 121, перевод, стр. 234; Маджму' а-йи васанк, л. 111а, 139а.

⁵² Фатх-наме, ркп. ИВ АП УЗССР, № 5369, стр. 433, 434.

мажные, шелковые и реже шерстяные, готовая одежда, головные уборы, всевозможные металлические изделия — котлы (разных размеров и назначения, медные и чугунные), кувшины, тазы, ведра (медные), мангалы, топоры, кетмени, тиша, лопаты, гвозди (разной длины и толщины), цепочки для дверей, шипцы для раскаленного угля, ножи (упоминаются и стальные), напильники, утюги, кольчуги, мечи и другие виды оружия, ювелирные изделия, кожа и изделия из кожи, разные виды обуви, войлок, циновки, писчая бумага, книги, краски, гончарные изделия, древесный и каменный уголь, строительный лес, дрова, москательные товары, хлеб, мясо, масло, птица, рыба, пшеница, ячмень, просо, рис, фрукты, овощи, вино, различные напитки, сладости, хлопок, мука, скот. На городских рынках продавалась также продукция сельского ремесла — пряжа, шелк-сырец, шерсть и др.

Приведенный список дает возможность проследить связь городского рынка с деревней, снабжавшей город продуктами сельского ремесла (некоторые виды тканей, пряжа, шелк-сырец, шерсть, сырые кожи и т. п.), хлопком, продовольствием, скотом, овощами, фруктами (вспомним сообщение Васафи: «за воротами крестьяне (مردم بلوڪات)

продавали виноград», — или покупку дыни у ворот города для больного Ходжи Ислама в дни осады Бухары вражеским войском), а также установить зависимость села от городского рынка и городского ремесла, отдельные виды продукции которого (сельскохозяйственный инвентарь, котлы и другие металлические изделия, некоторые сорта тканей, седла, дешевые ювелирные изделия и т. д.) предназначались для крестьян.

Изучение материалов первоисточников свидетельствуют о специализации населения, селившегося вокруг базара, о специализации жителей отдельных кварталов (их список был приведен выше), пригородных районов (бумажные мастерские на р. Сиаб) и некоторых близлежащих селений (местности Чуйанчи, Алачабафан). Такие мастерские, как бумагоделательная и чугунолитейная, обслуживали городской рынок, и их продукция (как в более раннее время изделия, поступавшие в город из окружающих местностей)⁵³ обычно распространялась отсюда под названием того города, где она реализовывалась.

Все это позволяет говорить о довольно интенсивной связи между рынком и прилегающим к нему районом, между специализированным кварталом и рынком, между отдельными рынками, между пригородами и городом, между городом и сельскими местностями, между большими городами, как и о больших масштабах внутреннего рынка.

Между тем жизнь в городе резко отличалась от жизни в сельских

⁵³ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 292.

местностях, где ведущую роль играло сельское хозяйство. В пригородных районах в значительной степени развивались отрасли, удовлетворяющие потребности горожан. Для середины XVI в. Е. А. Давидович отметила, что крестьяне сами должны были продавать продукцию садов и виноградников для выплаты ренты с них в денежной форме⁵⁴.

Рассмотренные материалы позволяют судить о довольно высоком уровне развития товарного хозяйства. «Рынок является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда»⁵⁵.

Наши источники, среди которых большое место занимают документальные, в большинстве случаев относятся или только к Самарканду, или только к Бухаре. Они составлены в разные десятилетия XVI в. — «Вакф-наме» в Самарканде в первой четверти века, архив джуйбарских шейхов в Бухаре в 60—70-х годах, казийские решения в Самарканде в конце столетия.

Отсутствие конкретного материала для отдельных десятилетий, разнохарактерность письменных источников, отсутствие статистических данных о повременном объеме продукции не дают нам возможности уточнить хронологические рамки спада и экономического подъема в развитии ремесла на протяжении всего XVI в., и тем самым на данных письменных источников подтвердить интересное мнение, высказанное Е. А. Давидович о времени максимального развития товарно-денежных отношений в Средней Азии. Нумизматический материал позволил установить, что в конце XV — первой половине XVI вв., «денежная торговля (розничная, сферу которой обслуживала медь) занимала большое место в жизни населения не только крупных торгово-ремесленных центров, но и более мелких городов, городков и даже поселений»... и «что именно для рассматриваемого отрезка времени можно говорить о самом максимальном вовлечении в товарно-денежные отношения широких слоев городского и отчасти сельского населения Средней Азии»⁵⁶. Относительно предыдущего периода А. Ю. Якубовский отмечал: «Восток в XIV—XV вв., если взять его в пределах Ирана, Средней Азии и частично юго-восточной Европы, находился на той стадии развития феодальной формации, когда торгово-денежные отношения играли уже большую роль»⁵⁷.

Сравнительно широкие масштабы внутренней торговли, вывоз отдельных видов товаров в другие страны способствовали развитию товарно-денежных отношений, заметному разложению натурального хо-

⁵⁴ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 34.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 94.

⁵⁶ Е. А. Давидович. О времени максимального развития..., стр. 87.

⁵⁷ А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, стр. 9.

зяйства. Однако товарно-денежные отношения охватили лишь город с прилежавшими к нему районами, «в основном некоторые центральные районы поливного земледелия»⁵⁸, и даже в этом кругу, как показывают наши документы, довольно ясно проявлялись черты натурального хозяйства.

Классический пример аристократического натурального хозяйства рубежа XV—XVI вв. приводит Мухаммед Салих. Высочайший сановник конца XV—XVI в. Ходжа Абулмакарим, некоторое время фактический правитель Самарканда и его округи, родовитый феодал, представитель рода которого в течение четырехсот лет занимали должность шейхулислама, владел обширными землями в окрестностях Самарканда. Часть его земель была занята многочисленными фруктовыми садами, виноградниками самых дорогих сортов. Виноград, который пускали также на вино (جاءير), уксус (سرکه) и сироп (دوشاب),

отсюда везли в город. Все, что только было нужно для дома привозили из загородного имения⁵⁹.

Ремесло двух крупнейших городов Средней Азии характеризовалось выходом некоторых видов товаров далеко за пределы местных рынков. В расчете не только на местные рынки, но и на экспорт готовили среднеазиатские ремесленники хлопчатобумажные ткани, самаркандский малиновый бархат и бумагу, бухарские луки, предметы конского убранства и некоторые виды оружия. Часть этих изделий предназначалась для удовлетворения потребностей феодальной знати и крупного купечества, однако предметы роскоши, рассчитанные на сбыт верхушке феодального общества, не занимали ведущего места среди экспортируемых товаров.

При ознакомлении с материалами описей товаров, вывозившихся из Средней Азии в Московское государство во второй половине XVI—XVII в., можно убедиться, что здесь ведущая роль принадлежала текстилю — хлопчатобумажным тканям и готовым изделиям из них. Эти товары были рассчитаны на сбыт самым широким слоям населения. Внешняя торговля была монополизирована.

Торговые караваны, как правило, принадлежавшие феодальной верхушке, обычно состояли из нескольких сотен верблюдов. «В этой стране... люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов», — отметил Дженкинсон. Обладатели несметных богатств, джуйбарские шейхи имели под выюком 60 катаров (обычно в каждом катаре было по 12 верблюдов).

В Самарканд и Бухару съезжалось множество иностранных купцов — персов, арабов, турок. Специальная группа купцов из татар и

⁵⁸ Е. А. Давидович. О времени максимального развития., стр. 88.

⁵⁹ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 59—60.

Казани, занятая среднеазиатской торговлей в основном через Бухару, была известна под названием «бухара юртучи»⁶⁰. Во второй половине XVI в. торговые связи Средней Азии с Россией еще более усиливаются. В «Бухарию за товарами» в этот период ездили уже не только посольства русских государей, но и отдельные купцы. Так, в 1574 г. к посольскому каравану Захария Богданова, направлявшемуся в Бухарию, присоединились приказчики братьев Строгановых⁶¹. В документах, составленных в конце XVI в. в связи с куплей-продажей различных видов продукции ремесла, среди которых преобладали ткани, нередко упоминаются индусы. В Бухаре был особый квартал, где проживали купцы и ростовщики-индусы. Как видно из эпизода, связанного с ночными похождениями одного из узбекских ханов, во главе их стоял богатый индус. Судя по упоминаниям европейских (فرنگی) изделий, европейцы нередко посещали рынки Самарканда и Бухары.

Иностранные купцы ввозили товары в основном в расчете на местных скупщиков, тем самым расширяя сферу деятельности среднеазиатских и, в частности бухарских и самаркандских, купцов. Любопытно, что в кладовых Надир Мухаммед-хана (XVII в.) «имелось несколько сундуков, наполненных франкским оранжевым бархатом».

Таким образом, Самарканд и Бухара одновременно являлись центром оживленной внутригородской торговли, торговли с пригородами, соседними областями, а также с другими городами и государствами. Они были также важным промежуточным пунктом транзитной торговли. Частично производилась и меновая торговля со степью. «Многое верблюжьих харваров карбаса» было приготовлено по распоряжению узбекского хана Шейбани для того, чтобы выкупить привелегированных пленников из степей у казахских султанов⁶².

Одну из основных статей внутренней и внешней торговли среднеазиатских городов составляли ткацкие изделия. Они же отчасти были предметом обмена с кочевниками. В этой области наблюдалась разная форма соединения торгового капитала с ремеслом.

Цены на товары, и в частности на ткани, общее соотношение импортных и экспортных цен совершенно не изучены, однако можно предполагать, что они были выгодными для торговцев Средней Азии. Некоторые данные о ценах на ткани (чит, различные сорта футы) и металлические изделия, которые приводились выше, слишком скудны и разрозненны для того, чтобы, основываясь на них, можно было бы делать какие-либо выводы.

⁶⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., М., 1953, стр. 431.

⁶¹ А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках, М., 1962, стр. 94—95.

⁶² Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 95а.

Глава IV

ПОДАТНЫЕ СБОРЫ С РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛИ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Вопросам, связанным с системой и терминологией налоговых сборов в Средней Азии XV—XVI вв., посвящено немало работ¹. Основное внимание исследователей уделяется земельной ренте, в то время как специфические городские налоги до настоящего времени еще остаются одной из малоизученных проблем. Между тем, городские ремесленники, как и вообще все податное население, облагались разнообразными сборами в пользу хана и государства, вакфных учреждений, владельцев уделов и суюргалов, держателей тарханных грамот, разного ранга светских и духовных феодалов. При перечислении налогоплательщиков в документальных и нарративных источниках нередко называются и ремесленники (محترفان و پیشوران).

Город с его многочисленным населением приносил большие доходы. Как конкретный пример можно привести свидетельство одного из современников. Однажды Кучкунчи-хан стал обозревать город с крыши своего дворца. Увидев множество домов он заметил, что если с каждого дома будут поставлять по блюду еды и по одной лепешке, то это обеспечит его войско питанием. В действительности же доходы с города

¹ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, Соч. т. II, ч. 2, 1964; А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи А. Навои, Сб. «Родоначалник узбекской литературы», Ташкент, 1940; С. А. Азимджанова. Из истории Ферганы второй половины XV в.; Она же. Экономические взгляды Захриддина Мухаммеда Бабура, Сб. «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане XV—XVI вв.», Ташкент, 1961; Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 40—44; Н. Махмудов. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв., Душанбе, 1966; А. Жувоимардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир; М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX века, т. II, Ташкент, 1970; Б. Г. Гифуров. Таджики, стр. 534—539. См. также: И. И. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 340—378.

были гораздо больше и исчислялись в основном в деньгах. Насколько велика была общая сумма поступлений в городскую казну показывает внушительная цифра годового сбора с Самарканда — 1 млн. 600 тыс. танга².

Фактических данных по обложению ремесленников и мелких торговцев разного вида сборами и повинностями значительно меньше, чем сведений, характеризующих положение сельского населения — основных производителей страны в период феодализма. В отличие от некоторых европейских стран мы не располагаем для городского населения Средней Азии XVI в. списками налогоплательщиков, также как и фактическими цифрами о численности населения вообще, и ремесленников в частности, хотя, как показывают косвенные данные, число их фиксировалось феодальными властями.

Один из важнейших источников для изучения налоговой системы — документальный материал. В данном случае нас интересуют те из документов, в которых упоминаются специальные сборы с ремесла и торговли, с мельниц, маслобоек и торговых мест, а также сборы с посевов хлопчатника, с коконов шелковичных червей, поскольку занятие хлопководством и разведение коконов было тесно связано с производством текстильных изделий. Документов подобного типа немного. В основном это указы местных и центральных правителей об уступке отдельным представителям из числа светских и духовных феодалов разнообразных податей и повинностей.

С получением подобного рода иммунитетной грамоты налоговые сборы с земли, торгово-ремесленных заведений, мельниц и т. д. целиком или частично начинали поступать в пользу феодала — обладателя грамоты. Являясь источником обогащения лишь тех, кто вознаграждался привилегиями, грамоты на предоставление налоговых льгот не облегчали положения податного населения³.

Не менее интересны распоряжения правителей об освобождении от разного вида поборов отдельных местных и иноземных купцов. Значительный интерес в этом плане представляют копии указов, грамот и писем, а также образцы для их составления, помещенные в рукописи «Мактубат ва аснад». Хотя они и не дают полного представления о налогообложении торгово-ремесленной части населения в государстве Шейбанидов, все же могут быть полезными для выявления наименований сборов с торговли. Общий перечень налоговых сборов довольно обширен. Мы приведем наименования лишь тех из них, которые в той или иной мере касаются ремесленников, мелких торговцев и той части

² П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов., стр. 64—65.

³ Р. Г. Мукминова [рец. на]: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 136. См. также Н. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 263.

сельского населения, которая производила и привозила в город продукты сельского хозяйства, сырье, полусырье и отдельные виды ремесленных изделий.

Приводимые материалы не претендуют на полноту. Дальнейшие исследования могут значительно расширить сведения, касающиеся как списка налоговых сборов и повинностей с городского населения, так и содержания терминов, обозначающих их.

Можно полагать, что в изучаемый период налоговые сборы с ремесленников (взимавшиеся в основном при реализации продукции) и мелких торговцев собирались не только в натуре, но и в деньгах.

Неоднократно бывавший на бухарских рынках Антоний Дженкинсон (конец 1558 — начало 1559 г.) отметил, что с торгово-ремесленного населения взимались налоги, как можно полагать с его слов, в деньгах и натурой. Бухарский хан, — писал он, — «содержится главным образом за счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами..., а когда у него не хватает денег, он посылает своих чиновников по купческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит. Так именно он поступил, чтобы заплатить мне некоторые деньги, которые он мне должен за 19 кусков каразси»⁴.

Конкретный пример о денежных сборах с ремесленников относится к более позднему времени. Согласно указу Абулфайз-хана от 1723 г. в Бухаре с ремесленников, изготавливавших сита, должны были взимать ежедневную плату в сумме два с половиной танга, вместо уплачиваемых ранее двух танга⁵.

Некоторые из налоговых сборов с городского населения перечисляются в фирмане, изданном в середине XVI в. от имени сына Убайдулла-хана — Абдулазиз-хана (1540—1549 гг.), являвшегося представителем самостоятельной бухарской династии, лишь номинально подчинявшейся самаркандскому хану. Для усиления своих позиций Абдулазиз-хан решил путем уступок жителям Бухары приобрести поддержку городского населения и тем самым укрепить свое политическое положение. В 1541 г. он издал фирман об освобождении «подданных прославленного города Бухары» от уплаты налогов такаббул, тафавут, тауфир. Это был особый, редкий в практике феодальных правителей случай, поэтому приказано было текст указа высечь на мраморной плите и установить ее внутри ниши портала Большой соборной мечети Бухары, где регулярно собирались жители города. Значение приведенных названий налогов, как отметил издатель фирмана В. А. Шишкин, «пока не поддается разъяснению», хотя содержание терминов тафавут—

⁴ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 183.

⁵ Копия указа Абулфайз-хана была любезно предоставлена нам А. А. Егани.

«разница» и тауфир — «излишек» позволяет рассматривать их как добавки сверх обычных сборов. Общая сумма этих налогов составляла 81 тыс. танга⁶. Но действительно ли все сборы вносились бухарцами в деньгах?

Вполне возможно, что в данном случае в деньгах лишь фиксировалась общая сумма каждого сбора. Подобное явление отметил И. П. Петрушевский. «С полным основанием мы можем сделать вывод, что когда централизованная рента-налог официально определялась в деньгах, то в практике во многих случаях, возможно, в большинстве случаев, это означало только исчисленную в деньгах на основании официальной таксировки (та'сир) стоимость взимаемых натурой продуктов»⁷.

Имея в виду, что в цитированном фирмане речь идет о жителях Бухары — крупного центра ремесла и торговли, можно полагать, что часть городских сборов взималась в деньгах, но, вероятно, лишь часть. Так могло быть и со сборами, перечисленными в указе, исчислявшимися в золоте.

Существовал весовой сбор; об этом свидетельствует неоднократно цитированный здесь нишан из сборника «Мактубат ва аснад».

Согласно указу, выданному Камалиддину Зикрие, все, кто привозил из разных местностей (اطراف و جوانب) шелк (ابریشم) должны были приносить свой товар ему на обозрение с тем, чтобы взвесить его на весах и уплатить соответствующую плату за весы. Далее из текста выявляется, что, пытаясь избежать обременительного сбора, мелкий производитель (или купец-скупщик) старался избежать взвешивания, пытался скрыть товар, против чего направлена та часть указа, в которой предписывается «не скрывать что-либо». Поскольку весовой сбор брали до реализации шелка, можно полагать, что он взимался в натуре.

Сбор, собираемый за весы, шел в пользу надзирателя ткачей, что и было причиной особого рвения надзирателя. В результате в его руках должно было сосредоточиваться значительное количество шелка, хотя нам не известно, как он его использовал.

Из содержания нишана не ясно, о каком городе идет речь. Но надо думать, что при доставке шелка на любой рынок полагалось взимать весовой сбор, как и в тех случаях, когда шла речь о торговле хлопком, растительном маслом, хлебом и т. д., ибо все товары при перевозке подвергались досмотру, исключение делалось лишь в редких случаях. Так, согласно другому нишану, таможенными надсмотрщиками и соответ-

⁶ В. А. Шишкин. Фирман 1541 г. на портале Большой соборной мечети Бухары, стр. 161—167.

⁷ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 341—342.

ствующим административным лицам запрещалось вскрывать товар купца, имевшего особые привилегии⁸.

Некоторый интерес для рассматриваемого вопроса представляют сведения из ярлыков, выданных карасканским сеидам. Из них мы узнаем о существовании специальных сборов, взимаемых с технических культур. В одном из них, составленном в 1008 г. х. (1599/1600 г.), приводится длинный список податей и повинностей, уступленных феодальным правителем Саиду Захид-ходже. В их числе называется и гуза-пули—сбор с хлопка⁹. Как явствует из содержания термина, гуза-пули (дословно «деньги с хлопка») взимались в деньгах, хотя, как уже отмечалось, в отдельных случаях рента, поступавшая в продуктах, могла лишь исчисляться в деньгах. Применительно к Ирану это доказал И. П. Петрушевский¹⁰.

Согласно другой иммунитетной грамоте из того же сборника ярлыков, тому же Саиду Захид-ходже вместе со многими другими сборами уступалась пилла—сбор с коконов шелковичных червей. Отсюда ясно, что население Караскана, Адака, Кизилрабада и Гоухана не только возделывало хлопок, но занималось и разведением шелковичных червей. Эти сведения дают возможность уточнить районы, где имелось местное сырье для развития двух основных видов ткацкого производства—хлопчатобумажного и шелкового.

С мельниц (асийа — *اسيا*; тигирман — *تگيرمن*) и маслобоек (джуваз-хана — *جواز خانه*) взимались специальные сборы, которые в более позднее время, а возможно и в XVI в., частично собирались в деньгах. В позднесредневековой Бухаре с мельниц, пользовавшихся водой из государственных каналов, взимались определенные сборы—«асийа-пули», а с толчеи «абджуваз-пули»¹¹. Согласно двум ярлыкам, выданным карасканским сеидам, мельницы и маслобойни, освобождались от податных сборов в пользу их владельцев и сборщики налогов не должны были взимать что-либо с названных тигирман, асийа и джуваз-хана¹². Производственные помещения крупных феодалов могли быть освобождены от налоговых сборов вообще, как это мы видим на примере нескольких мельниц в Ура-Тюбе, и принадлежать к категории мельки хурри холис, т. е. быть обеленными¹³.

⁸ Мактубат ва аснад, л. 1706.

⁹ Хужжатлар, Док. 42/61.

¹⁰ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 341.

¹¹ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Труды САГУ, серия II, вып. I, Ташкент. 1929, стр. 52.

¹² Хужжатлар, Док. 45/78, 47/113.

¹³ А. Мухтаров. Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. М., 1963, Док. 47.

Как выявляется из вакфной грамоты в пользу медресе Шейбани-хана, определенные сборы взимались с площади, примыкающей к мельнице. Здесь в вакф передается тагджа (тагиджай) мельничного здания (*تاجه اسبابخانه*)¹⁴, которая приносила доход вакфному учреждению в виде платы за аренду места¹⁵. Термин тагджа встречается и в других источниках. Так, в одном из них говорится о предоставлении в аренду тагджа площади двора, относящегося к числу вакфов ханако, и о тагджа бани¹⁶. Данные этих источников показывают, что лица, пользовавшиеся местом на рынке, на участках земли при мельницах, банях и других подобных доходных местах, определяемых термином тагджа, уплачивали соответствующую плату владельцу участка земли в лице частного владельца, вакфного учреждения или государства.

Дополнительные сведения о содержании термина тагджа относятся к XIX в. Денежные сборы, взимавшиеся за пользование местом на базаре, в ведомости канцелярии туркестанского генерал-губернатора названы «тек'-джай (лавочный)». В 1874 г. сбор тагджа «вследствие дешевого предложения арендаторов» взимался «особыми сборщиками административно установленными» по 15 коп. в месяц с каждого торговца, получившего на базаре место для товара. В 1879 г. сбор тагджа на территории Туркестанского генерал-губернаторства был отменен с указанием «отдавать с торгов одни лишь весовые сборы»¹⁷. Сборы за базарные (торговые) места — тагиджай (*تاجه، تاجای*) существовали и в Хиве XIX в.¹⁸

С ремесленного населения взимались и другие сборы, читгары, к примеру, платили определенную плату за пользование проточной водой; анализ одного из нишанов свидетельствует, что переписчики книг должны были вносить определенную плату — хакк-и китабат, специальному лицу, назначаемому государем¹⁹.

Широко практиковалось принудительное привлечение ремесленников-строителей к возведению зданий, мостов, прокладке дорог. На подобных работах могли использоваться неквалифицированные работники, обращение с которыми подчас было крайне жестоким.

Не лишне вспомнить здесь и факты, имеющиеся в одном из формуляров, согласно которым расходы на ремонтное мечетей и ха-

¹⁴ Вакф-наме, текст, стр. 180—187.

¹⁵ Р. Г. Мукминова. К изучению среднеазиатских терминов тагджа, сукният, нчки, стр. 127—128.

¹⁶ Джами ал-васаик, ркп. ЛО ИВ АН СССР, А—933, л. 79а, 79б, 80а.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. II—1, оп. 11, д. 293, л. 15.

¹⁸ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением, Л., 1940, стр. 29, 137—138; И. М. Джаббаров. Ремесло узбеков южного Хорезма, стр. 77.

¹⁹ Мақтубат ва аспад, л. 376.

нако возлагались на окрестное население. За проведением в жизнь данного решения должен был следить мухтасиб, который нес и ряд других обязанностей²⁰.

Принудительное привлечение населения на ирригационные работы отрывало от хозяйства огромное количество людей. Бадриддин Кашмири число мардикаров, мобилизованных на проведение оросительных каналов на поля джуйбарского шейха Ходжа Са'да, несколько раз определяет в 10 тыс. человек.

Тяжелым бременем была мобилизация в ханское войско. Оставив семью, хозяин должен был идти в ряды ополченцев. Как образно выразился поэт Мулла Шади, Шейбани-хан приказал в 1501 г. выступить в поход всем бухарцам «от семи до семидесяти лет», «хозяину и рабу», в результате чего «в Бухаре не осталось ни белых, ни черных»²¹.

В рукописях мы находим много строк о тяжелых наказаниях тех, кто уклонялся от мобилизации и участия в феодальных войнах: им отрезали уши, или водили вокруг лагеря.

В обычное же время войны набивались в войско по разверстке. Один из указов гласит, что Султан Мухаммед, происходивший из рода Ясави, обязан был ежегодно присылать с подвластного ему населения в государево войско двух вооруженных воинов, от всех остальных сборов и повинностей (в силу своего происхождения) он освобождался²².

Особенно тяжелыми были обложения во время войн, а после захвата города завоеватель, как правило, отдавал его на разграбление войнам. Практиковалось наложение на население выкупа за безопасность. В подобных случаях, заплатив за себя определенную сумму, горожане могли получить право не быть ограбленными. О таком случае завоевания одного из городов рассказал Бабур: «Не отдавая города на разграбление, мы обложили жителей выкупом за безопасность, собрали четыреста тысяч шахрухи деньгами и товарами, раздали добычу войнам согласно обычаю нукеров и возвратились в Кабул»²³. При раскладе общей суммы контрибуции значительная часть платежа падала на долю мастеровых людей. Завоевав Герат в 1507 г., Шейбани-хан распорядился наложить на город контрибуцию. Простой народ и ремесленники (عامه رعایا و محترقات) должны были внести в казну завоевателя сто тысяч одномискальных тангача²⁴ (согласно Хондемиру, в то время одна тангача равнялась шести кепекским (кебекским) динарам²⁵.

²⁰ Там же, л. 33а, 35а.

²¹ Мулла Шади. Фатх-наме, л. 385.

²² Махтубат ва аснад, л. 181б.

²³ The Babar-nama, л. 269а.

²⁴ Хондемир. Хабиб-ас-сийар, т. III, ч. III, стр. 358.

²⁵ Там же. Кепекский динар—серебряная монета весом в два золотника. Золотник серебра приравнялся В. В. Бартольд к двадцати пяти копейкам.

Своеобразным видом налога с ремесленников и мелких торговцев была арендная плата за лавку-мастерскую. В таких случаях мелкому производителю перепладало лишь то, что он имел сверх арендной платы.

С отдельных слоев населения, возможно, лишь в определенные периоды, взималась подушная подать. Конкретный пример тому приводит Абулгази, описывая завоевательные действия Абдулла-хана II в Хорезме. В 1593—1594 гг., захватив Ургенч, Абдулла-хан приказал с каждого райиата собрать по 30 танга-и бухари. Как фиксирует Абулгази, в то время одна танга Абдулла-хана оценивалась дороже одного золотого ашрафи. Многие жители Ургенча, не имея возможности расплатиться, вынуждены были бежать. Однако деньги тех, кто бежал, по приказу Абдулла-хана брали с других. Как отмечает Абулгази, было много таких, которые расплачивались, продав своих детей, сына или дочь. С десяти-пятнадцати человек, питавшихся с одного котла, брали по отдельности с каждого. Десятилетнего мальчика записывали как семью (буквально как «живущего в одном доме» — *بیر ایلک*) и обкладывали податью — биргу (*بیرگو*). Подобные явления могли практиковаться в Бухаре и Самарканде при захвате их соседними феодальными правителями.

Одной из пошлин, от которой освобождались обладатели иммунитетных грамот, и которая обычно называется при перечислении сборов с купцов, является тамга²⁷, определяемая В. В. Бартольдом как сбор с ремесла (в его определении «промышленности») и торговли. По словам исследователя, под тамгой понимали все налоги, взимаемые в городах с торгово-промышленных заведений вплоть до публичных домов включительно²⁸. Тамга была известна во многих странах Востока. Отмечая важность тамги, Захриддин Бабур писал: «весь доход Кабула, какой есть, получается с тамги»²⁹.

Тамга (*تامغا*, *طامغه*) дословно означает клеймо, тавро, знак, налагаемый железом на лошадей и других животных. Это же слово означало гербовую печать, условный знак на грамотах и письмах вместо подписи или печати³⁰. Махмуд Кашгари писал: «тамга (*تامغا*) шахов и других: печать»³¹.

²⁶ Абулгази Бохадур-хан. Тарих шаджара-и тюрк, Казань, 1891, стр. 172.

²⁷ О содержании термина см.: Махмуд Кашгари. Тюркий сүзлар девони, т. I, стр. 460; Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, стр. 729—730.

²⁸ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 332.

²⁹ Бабур-наме, стр. 185.

³⁰ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, стр. 729—730.

³¹ Махмуд Кашгари. Тюркий сүзлар девони, т. I, стр. 400.

Большой доход приносила тамга, собираемая в Самарканде и Бухаре во второй половине XV в. Тамга при Тимуридах несколько раз отменялась, но выгодность этого сбора не позволяла феодальным правителям отказаться от нее полностью, поэтому через некоторое время сборы тамги вновь возобновлялись³².

Ко времени правления Шейбанида Абдулла-хана II относится указание Хафиза Таныша о взимании тамги с купцов на границе с Индией³³.

Как и доходы с земельных владений и других недвижимостей, тамга могла быть уступлена верховным правителем отдельному лицу, каким выступал обычно крупный феодал, сосредоточивший в своих руках не только экономическую, но и политическую власть. Это особенно проявлялось в периоды децентрализации, когда государь вынужден был временно уступить тамгу в пользу отдельных беков. Например, брат известного в конце XV — начале XVI в. удельного правителя Хусрау-шаха (убит в 1506 г.) Баки-бек Чаганиани получал всю тамгу Кабула³⁴, хотя государем тех областей тогда номинально считался Бабур.

Другой известный тимуридский правитель, Султан Хусейн-мирза, впоследствии глава большого в значительной степени централизованного государства, пожаловал одному из эмиров — Бехбуд-беку — право ставить на тамге свое имя. Отмечая этот случай, Захириддин Бабур пишет: среди эмиров Султана Хусейна «еще был Бехбуд-бек. Сначала он служил в отряде телохранителей. В дни казачества его услуги понравились Мирзе, и Мирза оказал Бехбуд-беку такую милость: на тамге и на монетах стояло его имя»³⁵.

Имя Бехбуд-бека, без сомнения, именно этого, сохранилось на дошедших до нас нескольких памятниках прикладного искусства. Это небольшая агатовая чаша полусферической формы, где проставлена и дата: 876 г. х. (1471-1472 гг.). Имя Бехбуд-бека известно также по группе бело-голубого, определяемого доктором Эрнстом Грубе как «китайский», фарфора в коллекции из Ардебиля. Его имя обозначено, кроме того, на «небольшом овальном светло-зеленом нефритовом кубке с ручкой в виде пантеры и на небольшом круглом зеленом нефритовом кубке с изображением двух пантер или драконов вокруг него, которые находятся в Тегеране»³⁶.

³² Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи. Рашхат-и айни-л-хайат, стр. 298, 300—301; Бабур-наме, стр. 185; В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 133, 156, 171. Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераянахра XV в., стр. 33, 38—39.

³³ Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 451а.

³⁴ Бабур-наме, стр. 185.

³⁵ Там же, стр. 202.

³⁶ Эрнст Грубе. Декоративное искусство эпохи Тимуридов в Центральной Азии, Доклад на Международном симпозиуме по искусству Центральной Азии в эпоху Тимуридов, Самарканд, 1969. Ссылка на рукопись делается с согласия автора.

Как видим, Бехбуд-бек был одним из богатейших людей своего времени, в пользу которого шли сборы с тамги. Можно думать, что печать с именем Бехбуд-бека, о чем сообщает Захириддин Бабур, давала ее владельцу сборы с торговли и ремесла, именовавшиеся тем же термином, каким определяется и сама печать,— тамгой³⁷. Именно поэтому Бабур и мог определить этот поступок Султана Хусейна как «такую милость...»³⁸, как нечто очень доходное и обычно поступавшее в пользу казны.

Тамга взималась не только на месте реализации товаров, но и при перевозке их. Когда Бабуру нужно было сплотить все силы в борьбе против Рана Саида, он «подарил мусульманам» тамгу. «Мы сложили с мусульман тамгу во всех землях, хотя власти прежних времен всегда взимали ее, — пишет он, — ибо это выходит за пределы постановлений господина посланных; и вышел приказ не брать и не взимать тамги в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах»³⁹. Цитируемое место из «Бабур-наме» говорит о том, что «на дорогах, путях, переправах и плотинах» взималась тамга, т. е. производился многократный сбор одной и той же пошлины. Общая ее сумма в данном случае была довольно значительной. В то же время, судя по нашим документам, дорожные пошлины и сборы за переправы через реки имели и свои конкретные наименования: рахдари, кештибани и др.⁴⁰. Видимо, в зависимости от места и времени (на протяжении XV—XVI вв.) содержание термина тамга могло иметь разные оттенки. Но, несомненно, тамга всегда приносила феодальным правителям большие доходы.

Исходя из того, что в перечне податей, от которых освобождались транзитные товары купцов, тамга ставится не на первое место, можно предположить, что в отдельные периоды (возможно лишь в некоторых местностях) тамга была не единственным сбором с торговли. В подобных случаях доля ее в общей сумме налоговых сборов была, видимо, невелика.

В цитированных нами источниках тамга упоминается как один из многочисленных специальных сборов с торговли и ставится рядом с пошлинами за переправу через реки, дорожные и другие мелкие сборы, каждый из которых имел конкретное значение. Из других контекстов выявляется, что термин тамга мог включать в свое содержание сборы «в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах», т. е. служить собирательным обозначением для целого ряда обложений, налагаемых на торговлю, каждый из которых мог иметь свое собственное наименование.

³⁷ Бабур-наме, стр. 185, 360.

³⁸ Там же, стр. 202.

³⁹ Там же, стр. 360.

⁴⁰ Мактубат ва аспад, л. 171а.

В числе сборов с торговли наши источники называют закят. В одном из нишанов, предназначенных для предоставления тарханных прав привилегированным купцам, в числе торговых и дорожных сборов перечисляются: бадж, хардж-у-ихраджат, тамга, закят, саугат, саламана, пишкаш, даругаги, хидматана и другие более мелкие сборы. В другом нишане называются бадж, закят, хардж, тамга и прочие.

В нишане, выданном на имя паломников Ходжа Сайфиддина и Ходжа Низамиддина, направлявшихся в Мекку, в числе таможенных пошлин упоминается закят. Понименные ходжи освобождались от баджа, харджа, тамги, закята, а также от привлечения к выполнению повинностей улаг, как самими ходжами, так и их нукерами⁴¹. Пример использования термина закят вместе с тамгой мы находим и в «Хабиб ас-сийар» Хондемира. Последний, описывая обострившиеся противоречия между Мирзой Улугбеком и его сыном Абдуллатифом, отмечает, что первый из них проявлял усердие в сборах тамги и закята⁴², т. е. и здесь тамга и закят использованы как два сбора. Можно предположить, что в XV—XVI вв. (ибо отдельные документы из сборника «Мактубат ва аснад» относятся и к XVI столетию) термин закят⁴³ использовался для обозначения одного из видов обложения торговли, который взимался наряду с другими сборами, в том числе и тамги⁴⁴. Однако, приведенные данные позволяют отметить, что в XV в., а возможно и в XVI, термины закят и тамга использовались для обозначения разных видов торговых сборов и каждый из них имел самостоятельное значение. Вполне возможно, что так обстояло дело только на территории государства Шейбанидов, и одновременное использование в разных значениях двух этих терминов имело силу лишь в определенные периоды. Однако можно также предположить, что в некоторых текстах термины закят и тамга использованы как синонимы.

Среди торговых пошлин называется также сбор бадж, который В. В. Бартольд определяет как «городская подать». При переводе ярлыка он передает его также словом «пошлина»⁴⁵. Термин бадж в литературе в общем хорошо известен и обычно рассматривается как дорожная пошлина. Однако исследование текста нишанов помогает несколько расширить эти сведения. Интересна грамота, предназначенная на освобождение его владельца-купца, называемого «ходжей», от уплаты в пользу казны баджа, харджа, закята, тамги, саугата, салами, пишкаша, рахдари и кештибани⁴⁶.

⁴¹ Там же, л. 78а, 170б, 171а.

⁴² Хондемир. Хабиб ас-сийар, т. II, стр. 157.

⁴³ Здесь мы не останавливаемся на термине закят в значении сборы со скота и другого вида имущества.

⁴⁴ См. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 386.

⁴⁵ В. В. Бартольд. Надпись на стене арийской мечети., стр. 318, 319, 333.

⁴⁶ Мактубат ва аснад, л. 171а.

Упоминание в одном и том же нишане терминов бадж и рахдари позволяет считать, что эти два сбора были разными видами дорожных пошлин.

В Средней Азии времен феодальной раздробленности отмечена практика взимания баджа с купцов при переходе их из одной области в другую. По указу, датированному 987 г. х. (1579—1580 гг.) и составленному от имени Абулхайр-хана (Баба-хана, сына Науруз Ахмед-хана), сборщикам палого, возчикам, лодочникам, государственным чиновникам и тускаулам предписывалось не брать бадж с мутаваллия Саида Али, направлявшегося в Андижан. Значит при Шейбанидах даже при переходе купцов из Ахсикента в Андижан с них взимался бадж⁴⁷.

Надо полагать, что бадж, как и тамга, должны были уплачивать не только купцы, но и ремесленники, а также крестьяне, привозившие в город хлопок, шелк, шерсть, хлеб, фрукты, овощи, продукты скотоводства⁴⁸. Это свидетельство того, как трудно было доставлять продукты на рынки ремесленнику и крестьянину, не владевшему охраняемыми грамотами и не имевшему возможности платить многочисленные торговые пошлины.

Твердо установленного размера сборов бадж, как и других торговых пошлин, вероятно не было, во всяком случае никаких конкретных указаний на этот счет в письменных источниках не существует. Относительно XIX в. А. А. Семенов отметил, что «отсутствие определенных ставок баджа и взимание его в связи с чисто местными обстоятельствами и правилами вносили немалую путаницу в товарный вопрос, как транзитного порядка, так и внутреннего значения»⁴⁹.

В числе сборов с торговли в нишанах называется также пишкаш. Пишкаш был формально добровольным, но фактически обязательным подношением (в виде денег, драгоценностей, рабов, коней, тканей, одежды, оружия и других предметов, приобретенных на средства, собранные с раййатов), обычно представлявшимся сановниками феодальному правителю⁵⁰. О поднесении пишкаша ханам в начале XVI в. сообщают Мухаммед Салих и анонимный автор «Таварих-и-гузида». По нашим документам этот сбор взимали также с купцов и путешественников, с лиц, проводивших торговые операции в разных местах.

⁴⁷ А. Жуванмардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ерсув масалаларига доир, стр. 59; Хужжатлар. Док. 110/85.

⁴⁸ Относительно Азербайджана и Армении это же отметил Н. П. Петрушевский в кн. «Очерки по истории феодальных отношений...», стр. 294.

⁴⁹ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства, стр. 51.

⁵⁰ Н. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949, стр. 281; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 96—97.

Послы государя — ильчи, его сокольничии — купчи, глашатаи — таваджи, как и многие другие государственные чиновники, могли на торговых трактах забирать у купцов тягловых животных и использовать их для административных дел, ссылаясь на то, что купцы обязаны выполнять повинность улаг, т. е. предоставлять перевозочные средства для транспортирования. Следовательно, повинность улаг была обязательной не только для земледельцев и рядовых горожан, но и для торговцев. Ее выполнение было обязательным не только для местных жителей, но и для проезжих, из чего можно заключить, что этой повинностью могли облагать несколько раз. От нее удавалось освободиться лишь отдельным привилегированным лицам из феодальной знати.

С местных и иноземных купцов, ведущих торговлю с другими городами и странами, взимался также саугат (سوغات) — обязательное подношение, привезенное в подарок из путешествия («Взяли у купцов кое-что в качестве подарка»), салами (سلامی), саламана (سلامانه) — сборы для расходов по случаю приема у государя, хидматана (خدمتانه) — подношение правительственному чиновнику⁵¹.

Хафиз Таныш упоминает о сборах бадж, тамга и хардж, взимавшихся с купцов при пересечении ими границы государства. Более подробный список торговых пошлин приводится в нескольких нишанах, копии которых включены в сборник «Мактубат ва аснад». В нишанах, предназначавшихся для предоставления тарханных привилегий купцам, перечисляются сборы, от которых освобождались последние. В их числе называются бадж, хардж-у-ихраджат (хардж ва ихраджат), тамга, закят, саугат, саламана, пишкаш, даругаги, хидматана, باج و خرج و
اخراجات و تمغا و زکوة و سوغات و سلامانه و بیشکش و داروغگی و خدمتانه⁵².

В формуляре, предназначавшемся для предоставления налогового иммунитета крупному купцу, перечисляются бадж, хардж, закят, тамга и прочие обязанности, которые далее определяются как «упомянутые ихраджат». По нишану с кулца запрещается требовать саугат, салами (سلامی) и пишкаш, а капитаны судна (کشنی بانان) и сборщики подорожных сборов (اراهداران) не должны были взимать с него транзитные пошлины за дороги и водные пути (کشنی بانی) (و راهداری) и требовать чего-либо за то, что пожелали ему доброго пути⁵³.

⁵¹ Бабур-наме, стр. 241; Мактубат ва аснад, л. 776, 1706.

⁵² Хафиз Таныш. Абдулла-наме. Д-88, л. 45а; Мактубат ва аснад, л. 78а.

⁵³ Мактубат ва аснад, л. 1706—171а.

В упомянутом сборнике имеется также маншур, составленный на имя Ходжа Ильяса Челеби, согласно которому административные лица и сборщики податей не должны брать с товаров упомянутого ходжи хардж и тамгу, а также саугат, саламана, пишкаш и хидматана⁵⁴.

В данном маншуре в отличие от многих других копий указов и образцов для их составления, помещенных в «Мактубат ва аснад», называется место действия — Туркестан и Хорасан⁵⁵. Из маншура видно, что в этих странах с тех, кто не имел охранной грамоты, взимались хардж, тамга, саугат, саламана, пишкаш, хидматана.

В одном из нишанов предусматривается также освобождение купца от взимания «чего-либо» за то, что сборщики дорожной пошлины (рах-даран) и сборщики пошлины на переездах через реки (кештибанан) пожелали доброго пути (سلامت راه گويان جيزی تپليند). Согласно этому нишану, сборщикам закята и сборщикам тамги запрещается открывать товары купца и требовать с него плату за «неизвестный» груз. Значит сборщики пошлин осматривали содержание транзитных грузов и лишь в отдельных случаях не проверяли их, за что, т. е. за «неизвестный» товар, полагалось платить особый сбор.

Таможенники и другие люди государя могли задерживать торговцев и ремесленников, не владевших привилегиями, могли наказывать их физически. Последнее выявляется из того же нишана, где предписывается не задерживать владельца данной тарханной грамоты и пропускать его «здоровым и невредимым». По данному нишану государь повелевает чиновникам оказывать ходже содействие «в опасных местах», что вместе с перечисленными льготами подчеркивает особо привилегированное положение купца и позволяет предположить, что он вел торговлю не только своими товарами, но и товарами правителя. Можно считать, что государь, разрешавший выдачу охранной грамоты, был тесно связан с этим купцом.

Исследование цитированных нишанов позволяет составить общий список сборов, взимавшихся с транзитных товаров купцов, не имевших тарханной и другого вида иммунитетных грамот: бадж, хардж, хардж-у-пхраджат, тамга, закят, пишкаш, даругаги, рахдаран, кештибанан, айанда ва раванда, сборы за пожелание счастливого пути и другие мелкие сборы, связанные с местными обычаями и обстоятельствами.

Попытки феодальных правителей подчинить торговлю, особенно международную, отразились в одном из указов, по которому все купцы (туджар), откуда бы они не пришли, должны были все дорогие мануфактурные товары (اموال گران) принести на обозрение специальному лицу, назначенному государем. Тот по желанной ему цене мог

⁵⁴ Там же, л. 1726.

⁵⁵ Там же, л. 1706.

приобрести для государя все из того, что имел купец, последний же не должен был утаивать что-либо из своих товаров. До этого чиновника никто не мог покупать у купца что-либо из его вещей⁵⁶.

Таким образом, обширный список податей и повинностей, позластавшихся на купцов, не имевших иммунитетных грамот, включал кроме податей общегосударственного значения и местные сборы, что значительно тормозило развитие внутренней и внешней торговли в стране. Таможенные налоги и сборы препятствовали передвижению купечества и товаров с одного места на другое, равно как и установлению более прочных экономических связей между областями.

Как видно из цитированных документов, богатым и влиятельным купцам путем специальных тарханских грамот удавалось освобождаться от обязанности подносить шишкеш, от взимания тамги, закята, баджа и других сборов, обязательных для лиц (составлявших большинство торговцев), не владевших иммунитетными грамотами. Мелкие торговцы и ремесленники, не имевшие охранных грамот, постоянно страдали от всяческих бесчинств, так как «чтобы заполнить дырявую казну, применялись самые утонченные ухищрения финансового искусства»⁵⁷. Феодалы-правители и их чиновники притесняли купцов, не имевших привилегий, постоянно вмешивались в производственную деятельность ремесленников и в частную торговлю, контролировали их. Крупные торговцы, и особенно те из них, кто торговал не только от себя, но и по поручению государя, выполняя торговые операции под диктовку последнего, наделялись по сравнению с непривилегированными купцами исключительными правами, пользовались покровительством владетельного феодала.

Все это говорит о существовании разных категорий купцов, о делении их на привилегированных и непривилегированных, о наличии противоречий между отдельными их группами. Однако эти противоречия не были столь острыми, чтобы могли помешать объединиться им в нужный момент в борьбе с городскими низами, ибо экономические и классовые интересы их в общем-то были едиными.

Тяжесть торговых и дорожных сборов для рядовых торговых людей заключалась не только в величине, но и в их обилии. Вымогательства со стороны государства и чиновников были постоянны.

Все это говорит о том, что в среднеазнатских городах XVI в. не было гарантий неприкосновенности личности и имущества ремесленников и торговцев. В. В. Бартольд справедливо отметил, что отсутствие

⁵⁶ Там же, л. 306.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 349.

всяких гарантий от новых взысканий с налогоплательщиков приводило к разорению страны⁵⁸.

В то же время данные из документов позволяют предположить, что обширность списка податей объясняется отчасти тем, что в их число включены и разные местные сборы, обязательные в одной местности и не практиковавшиеся в другой. Кроме того, один и тот же термин мог отражать и один конкретный сбор и общее обозначение податей.

Сборы взимались в одних случаях в деньгах (гуза-пули, подушная подать с населения Ургенча), в других — натурой (сборы с шелка, привозившегося в город из области). Неизвестно, как часто эти сборы собирались. Для более позднего времени имеется конкретное указание о ежедневных денежных сборах с мастеров, изготавливавших сита.

В деньгах (целиком или частично) взимались сборы с торговых лавок, базаров, караван-сараев, бань.

Как уже упоминалось, иммунитетные грамоты на предоставление налоговых льгот несколько не облегчали положения основных производителей. Лишь в силу чрезвычайных обстоятельств, чтобы оградить население от полного разорения, а себя от возможных выступлений народа, для приобретения поддержки горожан и т. п. отдельные султаны и ханы издавали указы об освобождении от тех или иных налогов части населения (какого-либо города или области). Такие указы обычно высекались на специальных плитах и вдевались в стены общественных зданий.

При феодальной раздробленности шейбанидского государства единой системы обложения таможенными сборами придерживались далеко не всегда. Между тем, огромные доходы, которые приносила торговля, заставляли некоторых из правителей делать определенные усилия для создания условий хотя бы относительно нормального ее развития.

Попытки упорядочить торговые сборы, а также мероприятия по улучшению дорог, строительству торговых заведений, мостов, караван-сараев, расширение связей с другими странами, в частности, с Россией во второй половине XVI в. в условиях общего произвола лишь частично благоприятствовали развитию ремесла и торговли.

Лишь незначительная доля доходов, поступавших от податных сборов, использовалась в форме общественно-полезных сооружений — мостов и оросительных каналов, ремонта и проведения дорог. Высказанное К. Марксом суждение о средневековой Индии хорошо иллюстрирует это положение. «При оценке налогового бремени, — писал К. Маркс, — следует учитывать не столько его номинальную сумму, сколько способ взимания и расходования налогов... Что же касается расходования собранных налогов, то достаточно сказать, что ни еди-

⁵⁸ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анлийской мечети..., стр. 327.

ная доля их не возвращается народу в форме общественно-полезных сооружений, более необходимых в азиатских странах, чем где бы то ни было, и что... правящий класс нигде так непомерно не наживается, как в Индии»⁵⁹.

Многочисленные налоги и торговые пошлины, тяжелый гнет феодального государства особенно губительно отражались на положении ремесленников и мелких торговцев, на развитии города в целом.

Жизнь трудящихся масс особенно ухудшалась во время набегов соседних правителей, феодальных междоусобиц и осады города новым претендентом на власть. В такие дни ремесленники и городская беднота (многочисленные термины, использовавшиеся для их обозначения, были приведены выше) принимали деятельное участие в борьбе с феодальными захватчиками. Расправа последних с активными участниками обороны города (например, с ткачем Девана Джамабафом) нашла отражение на страницах сочинений современников.

Временами население восставало против местных правителей, но были такие случаи, когда ремесленники и городская беднота выступали не только против феодальных властей, но и зажиточных горожан. Один из подобных примеров относится к самому началу XVI в.

В Самарканде в 1501 г. в результате продолжительной осады начался голод. Торговцы повысили цену на хлеб. Изголодавшиеся, измученные люди стали тогда нападать на хлебные лавки и пытались «захватить хлеб путем насилия»⁶⁰. Специальные отряды, выставленные для расправы, не могли справиться с взбунтовавшимся народом и феодальные власти вынуждены были принять ряд других мер, в том числе и изгнание из города «бедных и нищих», не имевших запасов питания⁶¹.

Наиболее организованное выступление наблюдается в начале столетия в Каракуле. Здесь восставшие уничтожили гарнизон и установили в городе свою власть во главе с «нищим» (гадай), т. е. представителем городской бедноты. Нам не известны все подробности действий каракульцев, поднявшихся на борьбу с феодальными властями, но причисление руководителя этого движения к беднейшим слоям населения, как и некоторые другие обстоятельства, свидетельствуют о важной роли городских низов в выступлениях в Каракуле.

Волнения городской бедноты и активное участие ремесленников в общей классовой борьбе прослеживается на протяжении всей истории позднего средневековья, однако многие конкретные данные о выступлениях трудовых людей ждут еще новых исследований.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 531—532.

⁶⁰ Мулла Шад. Фатх-наме. л. 433, 434.

⁶¹ Р. Г. Мукминова. Народные движения...

СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ — Вопросы истории
ГПБ — Государственная Публичная библиотека
ДАН — Доклады Академии Наук
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИРГО — Записки Русского географического общества
ИАН — Известия Академии наук
ИЗ — Исторические записки
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИООН — Известия Отделения общественных наук
ИРГО — Известия Русского географического общества
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛИУ — Литература и искусство Узбекистана
МИУТТ — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
НАА — Народы Азии и Африки
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ООН — Отделение Общественных наук
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский Государственный Университет
СВ — Советское востоковедение
СВР — Собрание восточных рукописей
СЭ — Советская этнография
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник
ТОВЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас Сефевид. шах 29, 122
 Абди, маулана, изв. как Пичакчи 107
 Абдулазиз-хан, Аштарханид 78, 103
 Абдулазиз Баходур-хан. Шейбанид 12, 13, 20, 33, 80, 202
 Абдуллатиф-хан, Шейбанид 17
 Абдуллатиф, Тимурид 210
 Абдулла, сын Мүллы Баглаки, устод 74
 Абдулла-хам II 23, 24, 31—34, 38, 86, 94, 112, 119, 122-125, 139-140, 168, 169, 207, 208
 Абдуллаев Т. А. 6, 114
 Абдулмумин-хан, Шейбанид 138
 Абдураимов М. А. 6, 200
 Абдурахман Джами 54, 57, 86, 95
 Абд-ур-Рауф 52
 Абу Али ибн Сина 90, 99
 Абу Бакр Мухаммед ибн Джафар Нарша-хи 58, 88
 Абдулгази Баходур-хан (Абдулгази, Абдулгази, Абыл-Гази) 59, 60, 72, 207
 Абу-л-Фазл Бейхаки 53
 Абулфайз-хан 202
 Абулхайр-хан (Баба-хан, сын Науруз Ахмед-хана) 120, 211
 Абу Саид, султан 128
 Аваз бика, дочь Устода Шира 74
 Азимджанова С. А. 21, 41, 169, 200
 Ак-бегим, дочь Султана Ахмед-Мирзы 165
 Алача-хан (Ахмед-хан) 129
 Александр Македонский 120
 Алексей Михайлович, царь 60, 72, 103
 Али-Заде А. А. 180
 Али-Кули, устод 120, 121
 Али Мурад чухра-окаси 72
 Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи 127, 131-132, 208
 Али Портной 174
 Алишер Навои 12, 22, 25, 28, 46, 57, 69, 86-88, 90, 95, 96, 99, 103, 120, 125, 134, 145, 170, 174, 187-189
 Алла-Кули, сын Ходжим Берди 168
 Андреев М. С. 4, 26, 47
 Антоний Дженкинсон 24, 34, 70, 71, 78, 119, 120, 145, 191, 192, 198, 199, 202
 Араб-хан 53
 Атаулла ибн Фазлулла 90
 Аурангзеб, шах 103
 Ахмед 100
 Ахмедов Б. А. 211
 Аштарханиды 10
 Ашурбейли С. Б. 122
 Бабур, см. Захриддин Мухаммед Бабур
 Бадиуззаман-мирза 12, 47
 Бадриддин Кашмири ибн Абдуссалам ал-Хусейни 24, 34, 35, 125, 131, 135, 136, 138-140, 185, 191, 195, 206
 Баки-бек Чаганиани 208
 Бики, сын Устода Дуста, устод 168
 Балков В. К. 4
 Балыков Чобак 72
 Бартольд В. В. 4, 9, 11, 58, 61, 62, 70, 132, 180, 200, 206-208, 210, 215
 Беверидж А. 20
 Бек Мухаммед, усто 90
 Беленицкий А. М. 5, 11, 12, 40, 52, 58, 71, 76, 118, 120, 143, 156, 164, 170, 180, 191, 196
 Бентович И. Б. 5, 40, 58, 76, 164, 191, 196
 Бехбуд-бек, эмир 208, 209

Биби-Саусан, дочь Абдурахима 55, 63, 191
Богданов Захарий 199
Богоявленский С. К. 125
Болдырев А. Н. 5, 14, 22, 48, 98, 108, 132, 146, 159, 172, 174
Большаков О. Г. 5, 40, 164, 191, 196
Борис Годунов 94, 116, 124
Bruns I. 6, 114
Будагов Л. З. 69, 126, 127, 207
Булатов М. С. 85, 105, 109
Буряков Ю. Ф. 109, 113, 141

Vamberg Н. 21
Вамберг А. 52, 97, 100
Вархар В. Е. 94
Васильчиков Григорий 122
Васифи, см. Зайниддин Махмуд Васифи
Введенский А. А. 199
Westphal—Hellbusch S. 6, 114
Вильданова А. Б. 164
Вуллерс 61
Wulff Hans E. 8, 109, 110
Вяткин В. Л. 10, 18, 19, 51, 57, 61, 100, 106, 139

Гаврилов М. Ф. 4, 27, 28
Галеркина О. И. 107
Гафуров Б. Г. 6, 150, 151, 165, 180, 200
Гейдаров М. 164
Гиясиддин 48
Гиясиддин Хондемир 24, 30, 92, 206, 210
Гражданкина Н. С. 137
Греков Б. Д. 180
Григорьев В. В. 88
Григорьев Г. В. 5, 95, 99, 100, 101, 183
Гүлям Али, устод 105, 173
Гүлямов Я. Г. 2, 8

Давидович Е. А. 6, 15, 16, 18, 41, 50, 63, 104, 106, 112, 133, 141, 165, 167, 177, 197, 198, 200
Давлат-Мамед (Давлат Мамед) 59, 72
Даль В. 47
Дарский Э. 85
Дарья-хан, сын Шейха Са'аддина Мултани 36, 37, 40, 44, 62, 63, 73, 166, 167, 187
Даудов В. А. 72, 103
Девана Джамабаф 21, 30, 186, 216
Дервиш Мухаммед ибн Дуст Мухаммеда Бухари 83
Джаббаров И. М., 6, 184, 205
Джабраил 85
Джалилов Р. П. 24

Джалма, сын Мухаммед Юсуфа, устод 168
Джан Вафа-бий 31
Джаухар, сын Абдуллы, устод 55, 63, 191
Дженкинсон см. Антоний Дженкинсон
Джуйбари, шейхи 15, 16, 39, 136
Долинская В. Г. 85
Донов К. В. 71
Достум 124
Дуст Мухаммед-бий 31
Дуст Тиргарани, устод 168

Ева 94
Егани А. А. 202
Ершов Н. Т. 6
Ефремов Филипп 56, 57, 73

Жуванмардиев А. 20, 200, 211

Завадовский Ю. Н. 53
Зайниддин Махмуд Васифи 14, 15, 21, 22, 25, 28, 33, 43, 46-48, 54, 55, 57, 69, 98, 105, 108, 111 114, 125-127, 130-134, 139-143, 145, 146, 159, 170, 172, 174, 192, 195, 196
Захириддин Мухаммед Бабур 20, 21, 30, 32, 38, 53, 69, 78, 91, 96, 115, 116, 119-121, 124, 127-129, 131, 133, 134, 140, 141, 144, 145, 150, 164, 169, 190, 192, 194, 206-209
Зияев Х. З. 185
Зотов П. Д. 95, 97

Ибадулла 117
Ибн Али Саббаг, сын Устода Ходжи Мухаммеда Му'аззина 81
Ибн Араб-шах 143
Ибн Хаукаль 64
Ибрахим Сару Минглик, эмир 115
Ибрахим Хусейн-мирза 145
Иванов П. П. 5, 11, 15, 16, 38, 68, 93, 125, 178, 191, 201, 205
Иерусалимская А. А. 58
Имам-Кули-хан 60, 72
Исмаил Сефев, шах 139, 143
Иностранцев К. 55
Иост Амман 101

Кадис 59, 124
Кадыров Мухаммед Али 101
Кал Кошик 30
Камалиддин Бехзад 43, 85, 86, 95, 173
Камалиддин Зикрия 36, 75, 170, 203
Камал, устод 108, 172
Касымов Мухаммед Юсуф 72, 103
Кверфельдт Э. К. 66

Кельди Мухаммед, Шейбанид 145
 Кемпфер 122
 Кикнадзе Р. К. 180
 Кириллова Л. П. 124, 162
 Кичик, сын Джани 168
 Кичик, сын Муллы Курбана, устод 168
 Клавихо см. Рюи Гонзалес де Клавихо
 Клейн В. 4, 53, 58, 61, 67, 70, 71
 Казн-бей Ногай 56
 Кондратьев А. Н. 52
 Кононов А. Н. 22
 Кононов В. Н. 46
 Костыгова Г. И. 29, 83, 96
 Кулбаба Кукельташ 38, 168
 Кул Мухаммед 51
 Кучак, сын Устод Джан Али, устод 51
 Күчкунчи-хан 33, 200
 Куция К. К. 162, 164
 Кушакевич А. А. 92

 Лахури Читгар, сын Лалю 62, 167
 Левина В. А. 140
 Ленин В. И. 3, 8, 43, 76, 147, 151, 155,
 167, 172, 175, 177, 197
 Литвинский Б. А. 6
 Лихачев Н. П. 97
 Лыкошин Н. 58

 Маддуд Казар Мултани, сын Муллы Мухаммеда Мултани 63, 166
 Максимов 100
 Максуд 145
 Малик, сын Устода Бабы, устод 168
 Малкин И. Т. 101
 Манучехр Сотуде 23
 Марина 59
 Маркс К. 8, 26, 44, 45, 77, 152, 160, 163,
 176, 181, 185, 192, 214, 216
 Массон М. Е. 5, 110, 141
 Махкамова С. М. 6
 Махмуд Кашгари 46, 64, 69, 207
 Махмуд Султан 31, 139
 Махмуд ибн Исхака аш-Шихаби 83
 Махмуд, сын Устода Султана Мухаммеда
 Касагара Гиждувани 82
 Махмудов Н. 200
 Мелиоранский П. М. 21
 Месхиа Ш. А. 162, 164
 Мец А. 95
 Миракон Шохи 142
 Мирза 182
 Мирза Мухаммед Джуки 105
 Мирза Салим, сын Маулана Ибрахима Сад-
 ра 75, 76, 189

Мирза, сын Устода Хусейна 168
 Мирза Улугбек 189, 210
 Мир Али Херави 83
 Мир Ибрахим 97, 98
 Мир Мухаммед Амин-и Бухари 138
 Мир Мухаммед, сын Кутлук Мухаммеда
 55
 Мир Пир Мухаммед, сын Мир Мухаммеда
 168
 Миропов А. М. 5, 65, 67, 90
 Мир Убайд 98
 Мирхасплов А. 120
 Мир Шафи' 98
 Михаил Федорович, царь 50, 56, 71, 72
 Мухр-Султан-ханум 16, 38, 98, 102, 128,
 142, 146, 165, 166, 180
 Могол Раиғрез, устод 81
 Молчанов А. А. 200
 Монн 85
 Мубарак-Кадам Саббаг, сын Абдуллы 81
 Музаффар Хусейн 47
 Мукминова Р. Г. 2, 6, 15, 16, 18, 21, 26,
 33, 42, 75, 81, 95, 102, 139, 142, 165, 175,
 178, 201, 205, 216
 Мулла Баки, сын Яр Мухаммеда 114, 168
 Мулла Джамал Читгар 62
 Мулла Зияуддин, сын Муллы Абдуллы 168
 Мула-зода Переплетчик 143
 Мулла Маирам, сын Шамухаммеда 167
 Мулла Мирза Али Сузангар, устод 107
 Мулла Мир Мухаммед Хусейн Афшангар
 80
 Мулла Мухаммед Санд, сын Низамиддина
 81
 Мулла Науруз, сын Муллы Паянда 110,
 181, 182
 Мулла Раджуи Мултани 53
 Мулла Тимур, сын Муллы Джан Мухамме-
 да 117
 Мулла Турсун, сын Муллы Ходжи 168
 Мулла Фарух (Хаджи Фарух) 72, 103
 Мулла Фатхулла, сын Муллы Якуба Мул-
 тани 63, 166
 Мулла Хусейн, сын Муллы Мултани 63,
 166, 187
 Мулла Хусейн, сын Муллы Хасана 36,
 167
 Мулла Шади 31, 195, 206, 216
 Мулла Яр Мухаммед Саббаг, сын Мир
 Дервиша 81, 176
 Мухаммед Абгинагар, маулана 141
 Мухаммед Али 58—59, 65, 112, 123, 124
 Мухаммед Амин Баходур (Эмин-Нога-
 тырь) 47, 50, 56, 60, 65, 67, 89, 94

- Мухаммед Вафа-и Карминаги 50
 Мухаммед Ислам, шейх 52
 Мухаммед Касим, сын Устода Тамли(?) Мухаммеда, устод 51
 Мухаммед Мумин 12
 Мухаммед Мумин Джибатаб, устод 117
 Мухаммед (пророк) 26
 Мухаммед Салих 21, 22, 30, 35, 40, 54, 112, 115, 116, 119, 122, 124, 127, 129, 130, 131, 141, 144, 145, 146, 169, 198, 211
 Мухаммед Тимур Султан 16
 Мухаммед Шейбани-хан (Шах-Бахт) 16, 21, 30, 31, 33, 48, 112, 115, 119, 138, 139, 141, 169, 180, 190, 195, 199, 206
 Мухаммед Юсуф Мунши 35, 138, 173
 Мухаммед Яр Султан 13
 Мухаммеджанов А. Р. 50, 151
 Мухамедьяров Ш. Ф. 142
 Мухтароф А. 204

 Набиев Р. Н. 5, 20, 78, 103, 208
 Надим Даруга, сын Маулана Мухаммеда Али 191
 Надир Мухаммед 56
 Надир Мухаммед-хан 71, 199
 Надыркулов Назар 60
 Назар Мухаммед, сын Устода Дуста Али, устод 51
 Наршахи см. Абу Бакр Мухаммед ибн Джафар Наршахи
 Науруз Ахмед-хан (Барак-хан) 14, 120
 Науруз Джибатаб, устод 117
 Науруз Мухаммед, сын Шамухаммеда 81
 Небольсин П. И. 88, 89, 94
 Немцева Н. Б. 46, 69, 128
 Низамиддин Шейхим Курчи 118, 175
 Низамульмульк 12
 Низомиддинов И. Г. 185
 Нойон Кукельташ 123

 Омар Шейх-мирза 127, 130

 Пашинно П. И. 47, 80, 86, 87, 100
 Паянда Мухаммед, сын Муллы Султана Мухаммеда, устод 73
 Петрушевский И. П. 3, 5, 8, 9, 38, 87, 90, 91, 95, 103, 180, 200, 201, 203, 204, 210, 211
 Пещерева Е. М. 4, 5, 8, 54, 111, 145, 171, 183
 Пигулевская Н. В. 8, 180
 Пир Мухаммед, сын Гиясиддина 71
 Плетнев И. Е. 137
 Пугаченкова Г. А. 5-6, 126, 128, 133, 136

 Пулат (Фулат) Султан 128, 141
 Пулатов Ю. 120

 Развадовский В. 95, 100
 Рана Санг 209
 Расулев А. 58, 171
 Раушан Бахт, дочь устода Касима 154
 Рахимов М. К. 137
 Рашид ад-дин 49
 Ремпель Л. И. 6, 136, 141
 Риза, имам 12
 Русак И. М. 5
 Рыбаков Б. А. 8
 Рюи Гонзалес де Клавихо 24, 70, 87, 91, 125, 134, 135, 145, 180

 Саввантов П. 58
 Садиг-бек Афшар 162
 Саид Али 211
 Саид Бурхан-хан 119
 Саид Захид-ходжа 204
 Сайко З. В. 6
 Салахетдинова М. А. 23, 130
 Салиха-бика 182
 Самойлович А. 28
 Сванидзе А. А. 151
 Сейди Али Раис 119
 Сейфи, историк 86, 132
 Сейфи Кагазгар, сын Устода Карим Берди, устод 97
 Семенов А. А. 5, 35, 83-85, 90, 92, 93, 95, 97, 108, 204, 211
 Ситняковский Н. Ф. 100
 Сиондж-хан 139
 Смирнов С. М. 27
 Соадат Султан Муинадуз (скорняк), дочь Абдуллы 152
 Строгановы 199
 Строева Л. В. 180
 Стужина Э. П. 8
 Субхан-Кули 55
 Субхан-Кули Баходур-хан 72
 Субхи, устод 55
 Султан Али 51
 Султан Али Мешхеда 29, 82-84, 86, 91-93, 95-97, 99, 101, 102, 107, 152, 174
 Султан Ахмед 145
 Султан Мурад 112
 Султан Мухаммед 206
 Султан Мухаммед, Шейбанид 139
 Султан Мухаммед Кагазгар 181
 Султан Хусейн-мирза Байкара 12, 47, 57, 112, 115, 130, 132-134, 145, 208, 209
 Султанов Т. И. 86, 132

Сухарева О. А. 4, 5, 8, 26, 34, 43, 46, 52, 65, 80, 110, 121, 127, 130, 157, 163, 183, 184

Тангри Берди 37, 55, 57, 187-189

Ташходшаев Ш. С. 6

Тимур 74

Тимур, эмир 25, 70, 71, 84, 114, 115, 125, 142

Тимуриды 10, 12, 13, 30, 31, 33, 114, 134, 165, 208

Трубачев О. Н. 79

Тулак Султан 182

Турсун Мухаммед, сын Курбана 51

Турсун, сын Устода Дуста, устод 168

Турсунов Н. О. 6, 61

Убайдулла-хан 12, 31, 33, 115, 169, 202

Убайдулла Ходжа Ахрар 17, 103

Уляницкий В. А. 72, 103, 122

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани 23, 28, 33, 37, 46, 49, 78, 98, 115, 129, 132, 139, 192, 199

Фазыл-тархан 190

Файзиев Т. 42

Фасмер М. 79

Фатхулла Херави, маулана 142

Федор Алексеевич, царь 56, 72

Федор Иванович, царь 59, 65, 86, 112, 123

Федорович Е. Ф. 46

Федченко А. П. 95, 100

Ферсман А. Е. 91

Фехнер М. В. 52, 56, 58, 71, 94, 116, 124, 142, 185

Фирдоуси 90

Фрайер И. 63

Хабиба Султан, дочь Эмира Сухраба 57, 105

Хасан, сын Устода Мухаммеда Хусейна Сяббага, устод 81

Хафиз Аbru 71

Хафиз Ак-Мухаммед, сын Ходжи Мухаммеда, маулана 75

Хафиз Гиясиддин Мухаммед 12

Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари 23, 35, 92, 98, 105, 112, 116-124, 208, 212

Хеннинг В. Б. 58, 64, 76

Хинц В. 18, 50, 63

Ходжа Абдулхалик Гиждувани 57

Ходжа Абулмакарим 144, 198

Ходжи Ата-Кули 50, 60

Ходжа Баки Саррадж, сын Устода Науруза Касаба 154

Ходжа Берди, сын Дервиша Али 168

Ходжа Дуст, сын Устода Мухаммеда 168

Ходжа Ибрахим, балхский посол 54, 64

Ходжа Ибрахим Мухаммедов (Хозя Брегим Магметов) 53, 59, 65, 78, 124

Ходжа Ильяс Челеби 190, 213

Ходжа Ислам 24, 195, 196

Ходжа Мест Дарзи, сын Ходжа Мухаммеда Дарзи 152

Ходжа Мирам 14, 15

Ходжа Мир Дуст Кассаб, сын Ходжи Мирреки, сына Ходжи Саид Ахмеда Касаба 152

Ходжа Мир Мулла, сын Мир Амида 168

Ходжа Мухаммед 59

Ходжа Мухаммед Ислам Джуйбари 67—68

Ходжа Мухаммед Мешхеда, сын Ходжи Худайдада 181

Ходжа Низамиддин 210

Ходжа Пир, эмир 57

Ходжа Сайфиддин 210

Ходжа Самандар Термези 130, 134

Ходжа Са'д 24, 68, 136, 140, 169, 185, 206

Ходжа, сын Устода Тути, устод 168

Ходжа Хусейн 142

Ходжа Юсуф Али Сяббаг, сын Устода Садриддина Сяббага 80-81, 152

Хондемир см. Гиясиддин Хондемир

Худай Берди, сын Устода Фазыла, устод 168

Худай-Кули, сын Тенгри-Кули 62

Хусейн ибн Али ал-Ва'из ал-Кашифи 99

Хусейн ибн Ахмед ал-Хусейн ал-Бухари 98

Хусейн Мисгар, устод 172

Хусейн Портной 14, 170, 174

Хусейн Сяббаг, сын Султана Дервиша 81

Хусейн, сын Шаххусейна, устод 168

Хусейн Хорезми 18, 38, 50, 58, 129, 131

Хусрау-шах 208

Чабров Г. Н. 95

Чехович О. Д. 17

Чингизиды 181

Чингиз-хан 49

Шайдулла, усто 153

Шамсуддин 107

Шамсуддин Мухаммед 165

Шарден 63

Шахвали, эмир 132

Шахмансур, эмир 112

Шамухаммед, сын Курбана Али 73

Шахмухаммед, сын Устод Рамазана 117

Шахмухаммед Футабаф, сын Устод Яр Ку-
ли, устод 55

Шахрух-султан 13

Шейбаниды 6, 9, 10, 12-14, 16, 18, 22, 31,
33, 34, 37, 42, 43, 80, 88, 98, 113, 114,
120, 124, 134, 138, 192, 201, 208, 210,
211

Шейбани-хан см. Мухаммед Шейбани-хан
Шейхим Курчи см. Низамиддин Шейхим
Курчи

Шейхи Наджимиддин Кубра 53

Шенерд Д. Г. 58, 64, 76

Schefer Ch. 58

Шишкин В. А. 20, 46, 202, 203

Эвлия Челеби 122

Эгельберг 122

Энгельс Ф. 8, 26, 44, 45, 77, 152, 160, 163,
175, 185, 192, 214, 216

Эрист Грубе 208

Юлдашев М. Ю. 6, 56, 43, 185

Юсуф Али, сын Султана Али, устод 168

Юсуф Суфи 84

Ядгар, эмир 133

Ядгаров Кадыр Али 101

Якубовский А. Ю. 3, 5, 31, 32, 77, 91, 139,
164, 180, 197

Янин В. Л. 59

Яр Мухаммед-хан 169

Яр Хасан Рихтагар, устод 108

Яхши Булди 154

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО- ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдулла-хан банди, плотина 36
 Абдулла-хана, медресе 136
 Адак 204
 Алачабафан, Дехче-и Алачабафан, Тукан-
 чи 36, 52, 77, 196
 Алеппо (Халеб) 141
 Амударья 103
 Англия 34
 Андижан 6, 12, 211
 Андижанская область 19, 20, 67
 Апперон 122
 Ардебильская, мечеть 29
 Аркум 192
 Астрахань 37, 50, 54, 59, 60, 125, 132
 Афганистан 17, 78, 91, 94, 115
 Ахсикент 211
- Бадахшан 91, 94
 Б а з а р ы (торговые ряды), тимы: Абдулла-
 хана 136
 Алача 52, 75
 Аттаран 143, 193
 Ахангаран 194
 Базар-и асп (От базар), конский 193-
 195
 Базар-и дар 140
 Базар-и карбас 50, 75, 194
 Базар-и чуб 140
 Баззазан 75, 179, 193, 194
 бани Эмир-зода Мухаммед Касима 194
 Бур'е, циновочный 194
 Дарваза-и ноу 81
 Дар-и махкама-и кухня 81, 194
 Дастгаран 193
- Заргаран 193
 Камангаран 193
 Кафшфурушан 131, 193, 194
 Колчаншиков 194
 Кулахфурушан 194
 Лаввафан, прядильщиков 75, 193, 194
 Масжид-и маулана Эмири 107
 Мас'уда 194
 Махсидузан, сапожный 194
 Мечети войлочников 194
 Мечети Магак 194
 Мечети Хафиз хаджи 194
 Мисгаран 194
 Муллы Эмири (Мечети муллы Эмири)
 Мурғфурушан 193
 На'лбандан 193
 На'лбандан-и кадим 106-107
 Намадфурушан 193
 Поварский 194
 Пули сафид 145, 194
 Рисман, веревочный 140, 193, 194
 Сабидбафан 193
 Санбусапазан 194
 Саррафан 193, 194
 Сефидфурушан 194
 Тиргаран 193
 Торговцев платьем 194
 Тукумдузан 193, 194
 Хавиджфурушан 194
 Хаммам-и кухак 194
 Харратан 193
 Хнафурушан 194
 Ходжа Мухаммед Чапа 81, 194
 Хурдафурушан 111, 193
 Шам'ан 193
 Эмир-зода Мухаммеда 81

Балх 72, 83
 Бани хаммам-и хнафурушан 90
 «Белые ворота» 139
 Биби-ханым, мавзолей 49, 66, 80
 Большая соборная, мечеть 20, 202
 Будумсаз 31
 Бухара 4, 6, 7, 10, 15, 16, 20, 23-25, 30, 31, 33-37, 39, 40, 42-44, 46, 49-51, 57-59, 62, 70, 72-74, 77, 78, 80, 81, 83, 86, 88, 89, 91, 94, 100, 103-106, 111, 113, 114, 117, 119, 121, 123, 124, 126, 128, 130-132, 135-137, 141, 143-145, 146-148, 150, 151, 157, 163-165, 175, 179, 185, 191, 192, 194-197, 199, 202-204, 206-208
 Бухарский туман 13
 Бухарское ханство 33, 43, 52, 72, 94, 103
 Вахш 36
 Верхотурье 53
 Волга 59
 Восток 32, 71, 82, 95, 96, 111, 112, 139, 162, 180, 207
 Гаухар Шад, мечеть 122
 Герат 14, 22, 24, 48, 54, 57, 71, 86, 103, 114, 122, 125-127, 130, 169, 195, 206
 Германия 44, 101
 Гиждуван 6, 82, 135
 Гоухана 204
 Гузары, кварталы: Адрасбафан 151
 Арабачан 140, 151
 Гоукушан 24, 151
 Гурбун 100
 Джигарпазан 151
 Зардузан 75, 134, 151
 Камангаран 151
 Касагаран 24, 82, 135
 Кафшфурушан 24
 Кимухтгаран 142, 151
 Куй-и тарсайан, христиан 175
 Кулалгаран 151
 Масджид-и Гоукушан 81
 Масджид-и маулана Рахматуллы 81
 Мечети Ангиштгар 151
 Мечети Аттаран 151
 Мечети Касабийан 151
 Мечети Кульчапаз 151
 Мечети Сангтарашан 139
 Мечети Хиштин 151
 Намадмалан 142, 151
 Папушдузан 131, 151
 Сангтарашан 151
 Саррафан 34

Сартарашан 151
 Тагбандбафан 130
 Такачийан 107, 151
 Хумданак 135, 151
 Гур-Эмир, мавзолей 45, 141
 Дарваза-и ноу, ворота 34
 Дехче-и Алачабафан см. Алачабафан
 Дешт-и Кипчак 175
 Джизак 13
 Джуйбар 34, 98
 Европа 117, 125, 197
 Зандана 58
 Запад 71, 151, 162
 Западная Европа 25-26, 44, 160, 172
 Зарафшан 36, 37
 Индия 24, 56, 72, 76, 78, 88, 94, 96, 103, 120, 128, 131, 140, 164, 169, 189, 208, 216
 Индостан 58, 88
 Ирак 58, 136
 Иран 9, 38, 63, 80, 91, 103, 116, 143, 173, 182, 204
 Исфаринский уезд 27
 Италия 70
 Ишрат-хана, мавзолей 19, 40, 45, 51, 57, 105, 109, 140, 141, 143
 Кабул 206-208
 Кагазгар 101
 Казань 37, 49, 53, 59, 66, 88, 142, 199
 Казанское ханство 142
 Каракуль 21, 42, 68, 106, 195, 216
 Караскан 204
 Кархана, хауз 34
 Карши 6, 30
 Кашмир 24
 Керман 58
 Кеш 13, 30
 Кизилрабад 204
 Китай 70, 103
 Коканд 27, 88, 100, 101
 Комот, туман 13
 Кят 31
 Мавераннахр 12, 14, 47, 49, 52, 103, 115, 143, 144, 190, 195
 Масджид-и Мукатта, мечеть 140
 Мекка 12, 24, 87, 190, 210

Мешхед 12
Мир-и Араб, медресе 136, 137
Михр-Султан-ханум, медресе 33
Москва 19, 56, 58, 59, 61, 72, 89, 94, 103,
117, 124, 191
Московское государство 19, 23, 34, 43, 47,
50, 52, 56, 60, 67, 69, 78, 89, 94, 103,
111, 124, 198
Наманган 27, 87
Нижний Новгород 59-60, 65
Персия 70, 78
Поволжье 91
Рахшбад 52
Регистан 108
Россия 8, 23, 43, 47, 49, 50, 52, 53, 56-60, 64,
67, 69-72, 78, 88, 94, 111, 114, 123, 124,
139, 142, 151, 167, 188, 199, 215
Руд-и шахр-и Бухара, туман 52
Русь 59, 71, 91
Самарканд 4, 6, 7, 10, 11, 16-18, 21-23, 25,
30-33, 35-40, 42, 43, 45, 50, 51, 53-55, 57,
58, 61-63, 66, 69-71, 73-75, 77-79, 81, 86,
88, 91, 94-97, 99, 100, 102, 103, 106-114,
116, 117, 120, 123, 126, 128, 129, 131-135,
137-141, 143-145, 147, 148, 150, 157, 163-
165, 174, 175, 179-182, 184-186, 190, 192,
195, 197, 198, 201, 207, 208, 216
Самаркандская область 10
Самаркандский вилайет 17, 35
Самаркандский округ 110, 180, 181
Сиаб 99, 180, 181, 186, 196.
Согд 91
Согди Калан, туман 110, 181
Средняя Азия 3, 4, 6, 8, 9, 13, 14, 16-19,
22-27, 30, 32, 33, 41, 42, 44-47, 50-53,
55-58, 60, 64, 67-72, 78, 85, 87-91, 93-95,
97, 100-103, 108, 110, 114, 117, 119, 122-
125, 130, 131, 133, 139, 144, 145, 147, 150,
160, 163, 164, 167, 173, 175-177, 183-185,
187, 191, 197-201, 211
Сузангаран, ворота 107
Сузы 91
Сумитан 136
Сырдарья 192
Ташкент (Шаш) 6, 12, 89, 93, 100, 116, 117,
171
Ташкентская область 87
Ташкентский вилайет 14
Тегеран 208

Тимы см. Базары
Тукачи см. Алачабафан
Туринск 53
Туркестан 80, 100, 190, 213
Туркестанская область 86
Туркестанский край 86
Туркестанское генерал-губернаторство 205
Турция 78, 116
Узбекистан 116, 117, 120, 137
Улугбека, дворец, обсерватория 99, 141,
180
Ура-Тюбе, 6, 12, 204
Ургенч 59, 72, 78, 207, 215
Фарс 58
Фергана 130
Ферганская область 27
Хива 87, 88, 103, 184, 205
Хивинское ханство 78
Хисар 54
Ходжа Ахмеда Ясави, мечеть 105
Ходжент 6
Хорасан 12-14, 22, 24, 47, 105, 125, 145,
213
Хорезм 31, 119, 143, 207
Чар-Бакр, мавзолей 139
Чорку 101, 195
Чорсу 34
Чуйанчи (Чугунщик), местность 181, 185,
196
Чуйанчийан, земли 17, 110
Чуст 27
Шарг 88
Шахи-Зинда, мавзолей 45, 68, 128
Шахрисабз 6, 52
Шахристан (г. Бухара) 141
Шахрухия 7, 14, 132, 141, 170, 174
Шейбани-хана, медресе 26, 33, 40, 110, 135,
165, 180, 205
Шейбани-хана, суфа 33, 139
Шираз 182
Шираз (Иран) 182
Шир-Дор, медресе 108
Ширэ 93
Эмира Бурундука, мавзолей 68
Эмир-зода Абдулла, мост 189
Юн 64
Ярославль 50, 60

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ*

а́бгйнага́р 148
 абджуваз-пи́лй 204
 абр 93
 абрийша́м 36
 абрийша́м-и кази́н 188
 абрийша́мфуру́ш 186
 'адад 64
 ада́машка 71
 адрас 151
 'а́йара́н 41
 айва́н 81, 106
 айва́нча 140
 айва́нча-и дукта́рашй 140
 ака́биря́н 28, 161
 ала́ 52
 ала́ча 34, 36, 43, 51, 53, 74, 77, 78, 152, 155,
 156, 158
 ала́ча *искандера́ни* 51
 ала́чабаф 51, 52, 74, 76, 148, 179
 а́лтын 59
 а́лтын а́йақ (а́йақ) 145
 'амале 138
 анги́штга́р 148
 арба́ (ара́ба) 140, 151
 ара́бачй 148
 'ара́би 131
 а́рық 144
 а́сийа 204
 а́сийа-пу́лй 204
 а́сияф 173
 а́ташбаз 120, 150
 а́фтаба́ (а́фтаба) 100, 109
 а́фшинга́р 148

а́ханга́р 106, 148
 а́ха́р 93
 а́ха́р-и му́хра 93
 а́хл-и ти́ша 105
 а́шрафи́ 126, 207
 а́йанда ва рава́нда 213
 ба́дж 190, 210-214
 ба́зз, бу́з 28, 46, 47, 66, 79
 ба́ззаз 75, 171, 179
 ба́рам 87, 89, 187
 бала́да 50
 ба́ла-ха́на 141, 178
 ба́лх 50
 ба́лыш 49
 ба́стар-и ка́тан 57
 ба́фанда 74, 148
 ба́змал см. ма́хмал
 ба́змалба́ф 74, 148
 ба́хсумга́р 148
 бе́хлед'из 148
 би́й 72
 билфу́руш 104
 би́ргу 207
 би́руни ша́хр 34
 бо́сат 145
 бу́з см. ба́зз
 бу́зага́р 149
 бу́згун, бу́згундж, бу́згунч, бу́джгундж 28,
 65, 87—90
 бу́лга́рй 37
 бу́ргучй 149
 бу́рмет 57

* Слова, встречающиеся в текстах на русском языке или перешедшие в русский язык, переданы курсивом.

бухара юртуци 199

вакф 16, 19, 29, 31, 40, 51, 57, 58, 81, 99,
100, 129, 165, 166, 174, 180, 181, 183, 186,
193, 205

вакфный, -ая, -ое, -ые 16—19, 38, 40, 50,
51, 57, 58, 61, 102, 105, 109, 110, 129, 131,
138, 142, 144, 146, 164, 165, 174, 180, 181,
186, 193, 200, 205

васйқа 182

вах 90

вилает (вилайат) 17, 68, 174

гадай 216

гаджпаз 149

газ 50, 51, 63, 64, 74, 166, 178

газ-и мукассар 51, 63, 64, 74, 166, 178

гаукуш 149

герех 63, 74

гилкар 149

гирейская 71

г'ова-пули 19, 204, 215

гузар 24, 100, 135

гушткаш 149

дакале 128

дарбаст 12, 118, 175

дарзи 132, 149

даруга 118, 138, 175

даругаги 190, 210, 212, 213

дар'ини шахр 34

дару-хана 121, 123

дасгар 149

дастар 131

дастархан-и (дастархан-и) *катан* 57

девана (дйвана) 186

дербенд джйбаси 117

дервиш 129

дехйи 40

джадвалкаш 85, 143, 149

джама, «яма» 47, 50, 126

джамабаф 74, 75, 149

джама-и катан 57, 126

джама'ат 137, 173

джамадуз 132, 149

джамафуруш 185

джаррах 149

джушан 116

джйба 116, 119

джйбатаб 117, 149

джигарлаз 149

джуваз-и кагаз 184

джуваз-хана 204

джуйак 188

дйварзан 149

дйг 105

дйнар 63, 64, 111, 114, 126, 142, 154, 157

дйнар кепекский (кебекский) 24, 206

дубандй 61

дука 16, 75, 76, 81, 82, 105—108, 111,
123, 132, 143, 144, 164—166, 178—181,
184, 185, 193—195

дука-и рангрез 80

дука-и саббаги 80

дука-хана 82

дуктараш 140, 149

дунймбандй 47, 60, 61

дунймсйр 104

дурудгар 149

душаб 144, 146

дюменди 60, 61

загарапаз 149

зак, *зак*, 28, 87, 91, 92

зак-и турк 92

закят (закат) 189, 190, 210, 212—214

занбурак 122

занданечи, *занданйджи* 49, 58, 64

зар' 18, 50, 58, 129

зарбаф 149

зарбафт, «*зарбаф*» 49, 72

зарбузан 122

заргар 111, 149

зардуз 149

зар'-и карбас 18, 50, 74

заркаш 149

заркуб 85, 143, 149

зарчуба (зардчуба) 86, 87

зачава 90

за'фаран 83, 87, 90, 92

зендень 58—61, 70

зендени бурмети 60

зендени дюменди 60, 65

зендени объяринные 59, 60, 65

зендени семенди 60, 65

зендени чары 59, 60

зендени царовые 60

зендени червленые 79

зендени черевчатые 60

зендени черленые 59, 60

зира' *ал-кирбас* 18

иджара 181

йлчи 212

имам 12

инша' 118

ислам 145

испарак 87, 88

ифакчй 186
 ихраджат 171, 212
 ишхар (ишкар) 92
 йатим 41
 йабис 14

кабо (каба') 126, 127
 кагазгар 97, 99, 101, 102, 149, 183
 кайгаз-и абрй 97
 кагаз-и абришами 97
 кагазфуруш 102, 186
 казий (қазй) 10—12, 102, 133, 153, 167, 168, 182
 казийские 11, 43, 55, 65, 73, 81, 135, 154, 155, 163, 166, 197
 казйна, казин 188
 қазй-хана 38, 63, 154, 157, 163, 167
 калантар 170
 қалинбаф 149
 каллапаз 149
 қалыб 28, 65, 105, 140
 қалям 95, 102, 107
 камангар 149, 175
 каман-и тиллакарь 116
 камарбанд 130
 камар-баста 54
 камка }
 камокан } см. камҳа
 камочка }
 камҳа, камҳаб 24, 69, 70—72, 78, 106
 қандил 106
 қара баҳам 89
 қара бӯҳ 92
 қараван-сарай 24, 31—34, 38, 122, 136, 215
 қаразея 202
 қарбас 18, 28, 46—50, 66, 75, 88, 126, 186, 194, 199
 қарбасный зар' 18, 50, 51, 58, 74, 129
 қарбасфурушан 49
 қаргар 164
 қард 123
 қардаран 138
 қардгар 107, 149
 қард-и фарангй 114
 қаризгар 149
 қарласси 46
 қарҳина 101, 179—185
 қаси 82, 89, 135
 қасаба 173
 қасагар 135, 149, 186
 қасатараш 135, 149, 186
 қасафуруш 186
 қассаб 149
 қатан 49, 51, 57, 126

катан-и гуджератй 76
 қатар 198
 катиб 85, 143, 149
 қафтан (ҳафтан) 54, 56
 кафш 129, 131, 155, 185, 194
 кафшдуз 149, 185
 кафшфуруш 185
 каххал 149
 кашиназ 149
 кашитараш 149
 қермез, қермезй, қирмиз 41, 69, 70, 87, 96, 91
 кетмень (кйтман) 17, 29, 104, 105, 196
 кештйбаний 190, 209, 210, 213
 қизил айақ 41
 қизил баҳам 89
 қизилбашикий 59, 71, 72
 қилйчй 123
 кимухт 106, 142
 кимухтгар 43, 149
 киндяк 53
 кирбас см. қарбас
 кнсадуз 149
 китаб-хана 85
 косяк 53
 қишиқ 18
 қудангкуби 68
 қудунг 28
 қудур 105
 қульча 151, 194
 қульчапаз 149
 қумыс (қймйз) 144
 курте 128
 қурҳана 118
 қурчй 118, 150
 қутвал 138
 қушчй 212

лавак 28
 лавлаф 149
 ладжамдуз 142, 149
 ладжвардшуй 85, 91, 143, 149
 ла'л 112, 118, 132
 лангард 106

мағроматы 73
 маджлис 142, 159, 161
 мактаб-хана 186
 малля, мелля, мель 62, 65
 малмаль 62
 малмал-и шайхй 62, 76
 мангал (манқал) 19, 106, 109, 196
 мангал-и Ҷухарй 109
 манджанйқ 122

мандиль 24, 140
 мандил-и сунаркай 76
 манн 18, 37, 104, 106, 110, 122, 125, 126, 168,
 182, 184, 187, 188
 машшур 12, 14, 213
 мардикар 138, 206
 мата 29, 151
 маҳмал 69
 маҳмал-и қермезй 69
 машраба 106
 медресе 16, 26, 33, 40, 99, 108, 110, 131,
 135—137, 142, 144, 146, 165, 180, 183, 205
 мехтер 33, 170
 мечеть 20, 29, 33, 34, 105, 122, 135, 136, 139,
 140, 151, 185, 194, 202, 205
 микразгар 107, 149
 милк-и хурр-и халис 204
 мйр-ибрāхимй 97
 мйршаб 12
 мисгар 149
 мисқаль 63, 112, 125, 126, 133
 мискин 41, 169
 миткаль 53, 61, 65, 67
 миҳчагар 106, 149
 мйшй 86
 ми'мар 149
 муджаллид 149
 муза 131
 музадз 149
 музара'а 181
 музапардаз 149
 муздур 164
 музаххиб 85, 143, 149
 муйнадуз 132, 149
 муқаввасаз 143, 149
 муқата'а 181
 м'лла 168
 мусаллас 144
 мускир 144
 мутаваллий 40, 58, 99, 102, 129, 142, 165, 186,
 211
 муттака 53
 муҳандис 149
 муҳракаш 99, 101, 149
 мухтариф 148
 муҳтасиб 12, 146, 171, 206
 наддйф 149
 наджжар 140, 149
 назир 170, 171
 найза 123
 наила 106
 наққаш 85, 149
 намадмал 36, 149

намакдан 18
 насседж 149, 158
 наста'лиқ 26, 29
 на'лбанд 106, 149
 нил 87, 88, 89, 94
 нйлфуруш 88, 94
 нймча 104
 нймче 128
 нишан 11—14, 36, 42, 75, 80, 105, 138, 171,
 173, 175, 177, 190, 203, 205, 210—212
 нанвай 149
 нукер 90, 210
 оубаш 41
 ошпаз 144, 149
 падишах-и мйршаб 12
 пай-бириқ 51
 пайш 131
 пайшдуз 149
 парадуз 131, 149
 пардазгар 62, 149
 патила 105
 пилла 19, 67, 68, 204
 пиллакаш 186
 пичақ 123
 пичақчй 107, 149
 пйшавар 148
 пйшкаш 210—214
 пул 126
 пурбанд 61, 63—66, 166
 пуст-и буз 86
 пустйндуз 132, 149, 185
 пустйнфуруш 185
 ра'айа, ра'ййат 41, 207, 211
 рабат 136
 рағ 90
 ра'д 122
 рангйнфуруш 94
 рангрез 80, 149
 раўгангар 149
 раушангар 149
 рахдйр 213
 рахдарй 190, 209—211, 213
 рисала 25—28, 46, 48, 49, 53, 57, 65, 66, 75,
 79, 80, 82, 87, 89, 92, 93, 99, 101—102,
 128, 157, 159, 160, 161
 рйхтагар 108, 121, 149
 ронуд 41
 руийан (руйна, руйнйс) 28, 87, 88
 саадак, садағ 115, 116
 Ҷаббағ 80, 149
 Ҷават (саут) 116, 117

сағир 156
 сағирчй 149
 садр 76
 сайадат маб 168
 сақарлат 57, 73, 127
 сақарлатмал 73, 149
 саламана 210, 212, 213
 саламй 210, 212
 самарқандй 99
 самса 135
 санбусалаз 149
 сангтараш 149
 сан'ат-и футадарй 155
 сан'атсвз 148
 сапон 90
 сардоба 136
 сартараш 150
 сарупо 127
 саррадж 149
 сарраф 149
 саутат 210, 212, 213
 сафйдар 179
 сахиб 170
 саххф 149
 себандй 60, 61
 себандй алван 61
 семенди 59, 60, 61
 сенд (сайид) 19, 67, 204
 снм 111, 179
 снмкаш 149
 сир 84, 104, 106
 сузангар 107, 149, 185
 сўзанфуруш 186
 сук 16, 192
 сукнийят 81, 166, 182
 сунгу 123
 суфа 33, 111, 139, 141
 сухангар 107, 149
 сунургал 200
 таббах 149
 табйб 149
 таваджй 212
 таваджихат 171
 тавар 69
 тагбанд 130
 тагбандбф 149
 тагджй (тагиджай), «тек-джай» 205
 тақаббул 202
 тақачй 106, 107, 149
 тақийадуз 132, 149
 тамассук 64, 75, 190
 тамга, тамга 190, 207—214
 танап 68

танга 54, 55, 63, 110, 125, 126, 127, 133,
 166—168, 174, 182, 184, 187, 188, 201—
 203, 207
 танга-и бухарй 207
 танга-и ханй, ханская 81, 114, 126, 133, 181,
 184, 187
 тангача 24, 206
 тандыр (танур) 135, 195
 таразудар 150
 тарйх 139
 таркашдуз 150
 таррах 150
 тархан 190
 тарханный 189, 200, 210, 212—214
 тас'йр 203
 тауфйр 202, 203
 тафавут 202
 тафта 18, 50, 57, 58, 70, 129
 тахт 139
 тахтадан 179
 тахуна 184
 тахш 115
 тахшандазан 115
 таш уйй 121
 ташдид 14
 тезик 59
 тек-джай см. тагджа
 тйг 123
 тигйрман 204
 тйзакчи 150
 тйм 16, 81, 136, 192—194
 тймча 16
 тйргар 150, 175
 тйша 104, 105, 106, 137, 140, 173, 196
 тоқ 192
 туджар 189, 214
 тузпуш 175
 туқумдуз 150
 туман 36, 52, 110
 тун 127
 тусқаул 211
 туфакандаз 115, 120, 150
 убрис 56
 ўд-сўз 106
 улаг 190, 210, 212
 усто, устод (устад) 148, 153, 168
 усъма (усма) 87
 утукчй 150
 факйр 41, 169
 фараджй 127
 фарангй 117, 120, 122
 фарраш 12, 150

- фарси 14
 фата см. фута
 фирман 20, 202, 203
 фукара 41, 174
 фута (фата) 24, 39, 53—57, 74, 128, 130, 131, 140, 155, 158, 185, 199
 футабаф 74, 150, 155, 185
 футадаф 55, 155, 158
 фута джамрутинская 55
 фута-и бенариси 54
 фута-и гилим 56
 фута-и набафта 55, 187
 фута-и талвали 55, 187
 фута танасарийская 55
 футафуруш 185

 хаббаз 150
 хаддад 150
 хайат 150
 хаймадуз 150
 хақон 139
 хақим 102, 182
 хаққ-и китабат 205
 халва 144
 халвагар 144, 150
 халкар 85, 143, 150
 халиф 55
 халат 126
 хаммал 150, 188
 ханафо (ханафих) 33, 129, 136, 205, 206
 харвар 103, 199
 харгахтараш 140, 150
 хардж 190, 210, 212, 213
 хардж-у ихраджат 210, 212, 213
 харрат 150
 хаттат 140, 150
 хауз 34
 хауз-и кархана 185
 хаули 151, 182, 184
 хафтан 128
 хидматава 190, 210, 212, 213

 хиштмал 150
 хишпаз 150
 хна' (хенна) 83, 87, 90, 92, 94, 194
 хнафурушан 90, 94
 ходжа (хваджа) 15, 140, 210, 213
 хосса 62, 78
 хосса-и сунаркәмй 76
 худжра 81, 123, 136
 хуланчи 106, 109
 хум 135, 183
 хунарманд 148

 хушнавис 150

 чағйр 144, 145
 чадра 57
 чадма 48, 54, 56, 58, 128, 129, 131, 134
 чарбог (чарбаг) 34, 136, 138
 чармгар 43, 150
 чархкарн 43, 126, 172
 чахаргулбаф 74, 150, 158
 чекмень 54, 127, 128
 чилангар 107, 150
 чиний кадах 145
 чиний каса 26
 чйт 26—28, 50, 62—67, 74, 78, 79, 195, 199
 чйт бйкчи 63, 64, 66
 чйт шахрий 64, 66, 79
 чйтгар 25—28, 33, 46, 48, 54, 62, 63, 66, 74, 75, 79, 80, 87, 89, 92, 93, 128, 150, 159, 160, 187, 193, 205
 чйтгарлик 26
 чйтгар-хана 67, 82
 чуб-и бакам 37, 39, 89
 чубтар 62, 78
 чубтар-и хайрабади 76
 чуйанчи 110, 150
 чухра-акиси 72

 шағирд 11, 51, 100, 153, 155—157, 161
 шағирди 26
 шам'саз 150
 шамшир 123
 шамширгар 150, 175
 шанатараш 140, 150
 шараб 144, 146
 шараб-хана 145
 шарият 111, 154, 164, 167
 шастгар 150
 шахйбаф 74
 шахрухи 206
 шейх 15, 16, 24, 38, 39, 51, 52, 81, 82, 98, 104, 136, 140, 165, 191, 197, 198, 206
 шейхулислам (шейх ал-ислам) 144, 165, 198
 шербетдар 150
 шишак 141
 шйше 141

 эзар 128
 эмир эмиров 21, 38, 168

 юргенцы 59

 яма см. джама
 ярлык 11, 19, 20, 24, 59, 60, 71, 72, 78, 204
 яхнипаз 150

زاج 92
 زیه 91
 سرکار سفین 181
 شاه کاسه 108
 شیشه 22
 صوینار 62
 صوف 133
 طاقیه کار 54
 طبق 108
 فغفوری 22
 کرته کار 54
 کفیل بالمال 169
 کفیل بالنفس 191
 گرد روی مروارید 133
 گندم خشک آبی 168
 لیگرد 108
 نفت یاعی 122

آنش کاری 111
 آنو 105
 اجناس 170
 آنس 129
 آفیشه 170
 الوان 60
 آهن کشی 111
 یاریک کشی 111
 بلغار از هر رنگ 37
 بوکالت مطلقه عامه 75
 ترکنی رنگ 79
 نوپ 65
 جامه کار 54
 جماعت 118
 جوشتهای فرنگی 23
 چینی 22
 دکان اونو کشی 105
 رخوت 170

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Источники	9
Самарканд и Бухара в XVI веке (краткий обзор)	30
Глава I. Отрасли ремесла	45
Ткацкое дело	—
Красители, красильное дело	79
Производство бумаги	95
Производство металлических изделий	104
Одежда и ее детали	126
Другие отрасли ремесла	135
Глава II. Социально-экономическое положение ремесленников	148
Глава III. Ремесленные мастерские. Сбыт продукции городского ремесла.	178
Глава IV. Податные сборы с ремесла и торговли. Социальные противоречия.	200
Сокращения	217
Указатель имен	218
Указатель географических и историко-топографических названий	224
Указатель терминов и непереведенных слов	227

Розия Галиевна Мукминова

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА В САМАРКАНДЕ
И БУХАРЕ В XVI ВЕКЕ

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Т. И. Яценко
Художник Р. В. Левницкий
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор О. Ш. Талибов

P08340. Сдано в набор 6/IV-76 г. Подписано к печати 17 V-76 г. Формат
70×90¹/₁₆. Бум. л. 7,375. Печ. л. 17,3. Уч.-изд. л. 16,0. Изд. № 1762. Тираж 1000.
Цена 2 р. 7 к. Бум. типогр. № 1.

Типография издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, пр. Горького, 79. Заказ 100.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Мукинова Розия Галиевна.

Очерки по истории ремесла в Самарканде
и Бухаре, XVI в. [отв. ред. акад. АН УзССР
Я. Г. Гулямов]. Т., «Фан», 1976.
236 с. с ил.

9 (C52)